

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1 9 8 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

НАУКА — КУРСОМ ОБНОВЛЕНИЯ

XIX Всесоюзная конференция КПСС и проблемы обществоведения	3
--	---

СТАТЬИ

<i>Станков Н. Н.</i> К истории становления отношений нового типа между Чехословакией и ГДР	8
<i>Буханов В. А.</i> «Имперская крепость Белград». Германские планы колонизации Юго-Восточной Европы (1939—1941)	20
<i>Зайцев В. В.</i> Русско-сербские отношения в конце 80-х годов XIX века	32
<i>Василенко В. Н.</i> Новые данные о жизни и творчестве Болеслава Лесьмяна	43
<i>Волоцкая З. М.</i> Наблюдения над славянскими загадками с окказиональными номинациями	55

X МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ.
СОФИЯ, 14—22 СЕНТЯБРЯ 1988 г.

Слово участникам съезда	65
-----------------------------------	----

ВОСПОМИНАНИЯ

<i>Бернштейн С. Б.</i> Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века)	77
---	----

СООБЩЕНИЯ

<i>Кишкин Л. С.</i> Изучение словацко-русских литературных связей в Словакии	83
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Лантвега Л. П.</i> И. В. Чуркина. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в.—1914 г.	90
<i>Поп И. И.</i> I. Ванат. Нариси повитной историї українців східної Словаччини. Кн. I (1918—1938). Кн. II (вересень 1938 р.—лютий 1948 р.)	92
<i>Медведева О. Ф.</i> Sielicki. Klasycy dziewiętnastowiecznej prozy rosyjskiej w Polsce międzywojennej	94
<i>Осипова М. А.</i> H. Mieczkowska. Denominalne derywaty czasownikowe o formantach prefiksarno-sufiksalnych w języku polskim i słowackim (studium kontrastywne)	96
<i>Цигьян Т. В.</i> Sprachen und Nationen im Balkanraum. Die historiochen Bedingungen der Entstehung der heutigen Nationalsprachen	98

1

1989

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Мещерский Н. А.</i> Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. I. А — З	101
<i>Паумов Е.</i> Друштво i privreda srednjovjekovne Bosanske države (Prilozi za istoriju Bosne i Hercegovine, I)	102
<i>Лабънцев Ю.</i> Немировски Е. Л. Октоух првогласник Бурџа Црнојевића из 1494	103
<i>Прокофьева Д. С.</i> Dramat polski XIX i XX wieku. Interpretacje i analizu	104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Гусев В.</i> Международный коллоквиум памяти Вука Караджича	106
<i>Валева Е. Л.</i> «Круглый стол» по проблемам движения Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	108
<i>Макарова Г.</i> Продолжение традиции	109

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. К. КАВКО (главный редактор), В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА,
 А. А. ГУТНИН, В. А. ДЬЯКОВ, А. А. ЗАЛИЗНЯК, М. С. КАШУВО,
 В. П. КОЗЛОВ, М. Н. КУЗЬМИН, Г. Г. ЛИТАВРИН (зам. главного редактора),
 Г. Ф. МАТВЕЕВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, А. Ф. НОСКОВА,
 Л. Н. СМЕРНОВ (зам. главного редактора), Л. А. СОФРОНОВА, Б. Н. ФЛОРИЯ

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

ХІХ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КПСС И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ*

Е. П. АКСЕНОВА, канд. ист. наук, научн. сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР

На XIX партийной конференции справедливо подчеркивалась необходимость знания исторического прошлого, без чего невозможно выстроить «целостную концепцию развития», видеть диалектику исторических процессов. А это, в свою очередь, как мне кажется, определяет и необходимость обращения к истории науки, ведь без знания достигнутых результатов изучения славянских и балканских народов предшествующими поколениями исследователей сложно решать задачи, стоящие перед современными славяноведением и балканистикой. Наряду с изучением научных направлений и школ, деятельности научных и иных учреждений, по моему глубокому убеждению, чрезвычайно интересным, плодотворным и перспективным является исследование творческих биографий ученых, включающих основные этапы жизненного пути, условия формирования мировоззрения, влияние на них общественно-политических условий и идеологических течений, научные концепции, тематику трудов, приемы и методы работы, место в историографии и многие другие вопросы. Научная характеристика ученого будет неполной без характеристики социальной психологии и психологии личности (что открывает новые исследовательские перспективы). Научная биографистика дает возможности изучения деятельности и определения вклада в науку отечественных и зарубежных ученых — славистов и балканистов, начиная с периода зарождения научных знаний в этой области и вплоть до настоящего времени. Не исключено, что работы в этом направлении помогут переосмыслить недавний опыт историографических разработок, выявить новые и напомнить забытые имена. Начало уже положено — в мае 1988 года в Калининском университете прошла конференция на тему: «Научная биография слависта как жанр исследования».

Многочисленные выступления на партийном форуме, объединенные главной мыслью — «во всем идти от человека», еще раз как бы подтверждают целесообразность и актуальность продолжения научно-биографических исследований. Думаю, было бы полезно провести на эту тему конференцию или «круглый стол» в нашем Институте, с привлечением специалистов из других учреждений, а также, возможно, выделить небольшой раздел в журнале «Советское славяноведение», в котором бы публиковались исследования и документы о жизни и научном творчестве отечественных и зарубежных деятелей науки.

А. Ф. ЕЛЫМАНОВ, канд. филос. наук, научн. сотрудник Института экономики мировой социалистической системы АН СССР

После конференции я задумался над вопросом, который встанет на повестку дня, видимо, еще не скоро, но, глубоко убежден, неизбежно. Пока же и простой намек на возможность постановки этой проблемы — а речь

* Продолжение публикации, начатой в № 6 1988 г.

идет о многопартийной модели политической жизни при социализме — вызвал резкую, безапелляционную, хотя и бездоказательную отповедь многих делегатов. Из их выступлений было ясно одно: для них идея многопартийности сталкивается лоб в лоб с идеей руководящей роли Коммунистической партии, которая, по сложившемуся стереотипу, долгое время отождествлялась с административно-командной системой руководства обществом. Боязнь утратить власть в этой системе — таков главный побудительный мотив всех противников идеи многопартийности. Но выдерживает ли он критику?

Думаю, что нет, потому что именно сейчас выяснилось, что такая — распоряжающаяся, а не руководящая роль партии себя изжила. Решение о слиянии партийных и советских функций в системе политического управления обществом — шаг партии в сторону от монополизма исполнительного аппарата к возрастанию роли законодательных органов, от бюрократии государства к силам общества. Это существенно меняет условия деятельности партии. В частности, такой шаг может роковым образом повредить ей, если она не будет опираться на политическую организацию общественных сил. Бюрократия, исполнительный аппарат, т. е. вся огромная мускулатура государства сейчас становится самым опасным оппонентом партии. Старая практика себя исчерпала, а новая нуждается во времени и в нетривиальных политических решениях, в новом определении того, что такое руководящая роль партии и каковы общественно-политические гарантии ее осуществления.

Теперь от партии, ее лидеров и даже от аппарата требуется новая культура политического мышления. Пока же это мышление отличается своей крайней негибкостью: мы не умеем правильно ставить и решать в общем-то стандартные проблемы нормальной политической практики.

Угроза для партии состоит ныне в том, в чем раньше видели благо. Сращение с государственным аппаратом было прежде источником силы, сейчас стало главной слабостью Коммунистической партии. Об этом много пишут и говорят в странах социализма — в Польше, Венгрии, Китае, предлагают различные варианты распределения ответственности и функций, связей и отношений партии и государства, общества, общественных организаций. В некоторых из этих стран сохранились формы многопартийной системы, унаследованные от прошлого, но неотлажен эффективно работающий механизм социалистической многопартийности. Двинулись в сторону от наезженного пути и советские коммунисты. Но куда? На мой взгляд, процесс будет развиваться в русле движения к такой цели, как создание социалистической многопартийной системы.

Мы всегда боялись хаоса, который мог бы возникнуть в наших условиях от «перегрева» политической системы, от демократизации общественной жизни, повышения статуса многообразных интересов. Перевес общего над единичным, пренебрежение к личности, ценности отдельной человеческой жизни — все это, порожденное веками трудной российской историей, было в концентрированном виде усугублено политикой Сталина и его последователей. Однако ныне модель политической системы, рассчитанная на выражение лишь «общих», национально-государственных интересов, утратила свою эффективность. Она «работала» — со всеми присущими ей издержками — при экстремальных внутренних и внешних условиях развития страны. Сегодня условия другие, и прежний механизм искусственного прищипывания, ускорения превратился в механизм торможения. Наступило время, когда для дальнейшего развития, даже просто выживания, нашего общества стало необходимым преодоление антагонистического подавления «частных» интересов «общими», создание условий для их сочетания в рамках структуры политической системы социализма. Сделать это можно в конечном счете только в рамках социалистической многопартийности.

Что это значит?

Это значит, что, развивая дальше нашу политическую систему, мы будем проводить различие между «стратегическими» («сходящимися» или «общими») интересами всего общества и «тактическими» («расходящимися»,

или «частными») интересами различных социальных групп, состоящих, разумеется, из «частных лиц»; следует начать различать и соответствующие уровни власти — «власть-гарантию» и «власть-распоряжение», а также создавать каналы для выражения этих различных («общих» и «частных») интересов и уровней власти. В такой системе Коммунистическая партия выступает как выразительница стратегических общесистемных интересов, гарант незыблемости основ социалистического строя и политической демократии. В то же время на «частном», «тактическом» уровне политической жизни, на уровне социалистического общественного самоуправления открывается полный простор для соревнования, здоровой конкуренции, в которой заинтересовано общество в целом, всех политически организованных сил, представляющих «частные» интересы различных социальных групп. Это и есть социалистическая многопартийность, политический эквивалент единства и многообразия интересов при социализме, социалистического плюрализма. Понятно и то, что политическое решение проблемы многопартийности не мыслимо вне основательных научных разработок.

В. В. МАРЬИНА, д-р ист. наук, зав. сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР

Наше обществоведение критикуется остро и повсеместно. Критика — вещь необходимая! Но тут надо видеть и реальные последствия того отношения к науке, которое имело место в предыдущие годы: на нее в обществе, к сожалению, несмотря на многочисленные разговоры об этом, практически был малый спрос, а «невостребованная» наука, как известно, хиреет и вырождается. Именно так произошло с общественными науками, в адрес которых раздавалась особенно острая и в целом справедливая критика на XIX партконференции. Но здесь надо помнить и подчеркнутую М. С. Горбачевым мысль о том, что именно общественные науки «в наибольшей степени пострадали от культа личности, бюрократических методов руководства, догматизма и некомпетентного вмешательства». Пострадали! Я хочу это подчеркнуть. Что привело к явному понижению престижа научной деятельности вообще и общественного статуса науки, и в частности, истории? Главное — общая атмосфера культа личности, а затем застоя, неощущавшая развитие творческой мысли. История как наука была задумана командно-административными методами руководства. Историки были практически лишены возможности иметь собственное мнение. Три волны гонений (конец 20-х, 30-е, конец 40-х — начало 50-х, начало 70-х годов) привели к «отлучению» от науки наиболее активной, творчески самостоятельной части ученых. Кстати, о потерях среди ученых-историков мы пока не имеем четкого представления: ни в одном из известных мне изданий этот вопрос не ставился. В результате в нашей исторической науке (во всяком случае это касается изучения истории социализма) не оказалось «школ». Бюрократизм и администрирование, консерватизм и монополизм привели к тому, что любой нестандартный взгляд на явления и события не мог быть обнародован. Отсутствие широкого доступа к архивам, этому «хлебу» историка, не давало возможности глубокого и всестороннего, а главное — объективного изучения исторического процесса. Наконец, глухая отгороженность от мировой науки, недифференцированный подход к ее представителям, выискивание, как самоцель, «идеологического врага», отнесение к этому разряду всех, имеющих собственное представление о тех или иных событиях, фактах (не о явных антисоветчиках и фальсификаторах исторической правды речь), затрудненность прямых человеческих контактов — все это нанесло безусловный вред советской исторической науке.

Данные, приведенные в выступлении Г. Марчука, свидетельствуют по меньшей мере о безразличии общества к положению дел в науке — этой важнейшей сфере человеческой деятельности, что особенно страшно сегодня, в эпоху НТР. Как же при таком отношении мы можем занять ведущее положение в мировой науке? Удивительно, что мы еще действительно в чем-то идем впереди, что в каких-то областях знания — но не в истории —

сохраняем наш престиж. И если теперь общество не осознает, что необходимо новое отношение к науке вообще, и к исторической, в частности, что необходим «поворот лицом» к этому «пасынку», то положение дел может и не измениться, а поток критических замечаний в адрес ученых будет не уменьшаться, а нарастать. С другой стороны, как считал, например, Н. А. Добролюбов, и, думается, это особенно касается истории «...сочувствие общественным интересам и живое общение с ними одни только и могут придать науке истинную полезность и сделать ее интересною и нужною для общества...». Это уже зависит от нас, от ученых.

Если посмотреть под углом зрения решений XIX партконференции на конкретный участок нашей деятельности, связанный с изучением истории социалистического строительства, то стоящие перед нами задачи истине огромны, программа начертана не на одно десятилетие. Коротко, это — уточнение наших представлений о социализме, возврат к ленинской его концепции, содействие на основе изучения опыта европейских социалистических стран разработке вопросов о периодизации и общих закономерностях социализма, о соотношении национального и интернационального в социалистическом строительстве, разработка проблем, новых для нашей исторической науки или забытых ею, и связанных с альтернативностью и многовариантностью путей исторического развития, с продвижением социалистического общества вперед через преодоление противоречий, с необходимостью при выработке политики учета интересов различных классов и социальных слоев, с изучением роли реформ при социализме, с международным влиянием успехов и неудач в строительстве социализма и т. д.

Видимо, большинство этих и многих других проблем придется решать комплексно, координируя и объединяя свою деятельность с представителями других общественных наук — философами, экономистами, правоведами, социологами и т. д. Я уж не говорю о том, что необходимы постоянные контакты (координационные связи) с историками советского общества и историками партии, что исследование всех этих проблем нуждается в тесном, рабочем, а не ритуально-формальном взаимодействии с коллегами из социалистических стран. Курс на придание гуманистического облика социализму прямо требует и в нашей деятельности налаживания непосредственных человеческих связей.

И еще. Видимо, не следует ждать от историков моментальной отдачи в виде монографий, если мы не хотим получить очередную конъюнктурную поделку. Подготовка таких трудов потребует определенного времени (еще и поэтому, кроме прочего, мы отстаем от писателей и публицистов), но опробировать свои взгляды в статьях, дискуссиях, на «круглых столах» просто необходимо.

*С. В. НИКОЛЬСКИЙ, д-р филол. наук, проф., вед. научн. сотрудник
Института славяноведения и балканистики АН СССР*

XXVII съезд КПСС и XIX партийная конференция побуждают к активному творчеству. И это глубоко созвучно самой сущности науки, ибо смысл ее и состоит в постоянном творчестве, в созидании нового, в добычании знаний о мире и человеке, в прокладывании путей. Надо сказать, что в недалеком прошлом в гуманитарной области постановка вопросов и поиски ответов на них не так уж редко подменялись ритуалом повторения стереотипов, общеизвестных, а порой и мнимых истин. Но даже в тех случаях, когда это не были ложные идеи и положения, потенциал открытия нового использовался далеко недостаточно, а иногда и парализовывался. Существует шутовское изречение, что научная работа — это удовлетворение личного любопытства за государственный счет. Но о какой науке может идти речь, если само любопытство отсутствует и подменяется необходимостью совершить обряд повторения общих мест или заполнить плановый «листаж». Правда, в определенных областях, в том числе в изучении литератур социалистических стран, их истории, в осмыслении их места во всемирной литературе, были достигнуты значительные результаты. Тем не менее ясно, что в обозримом будущем всю область наших зна-

ний о литературе социалистических стран, их развитии и современном состоянии, необходимо поднять на новый уровень, обогатив как сумму введенных в обиход фактов (заполняя и многие прежние «белые пятна»), так и их концепционное осмысление. Этого требует сама практика расширяющегося сотрудничества.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает многовариантность не только общественно-исторического, но и культурного, литературного развития, диалектика общих процессов и уникальности вклада каждого народа в сокровищницу духовных ценностей, в накопление опыта художественного развития. Акцент на типологической общности процессов нередко еще заслоняет вторую сторону — многообразие развития, неповторимость литературы каждого народа, да и каждого большого художника. А именно ею в немалой степени объясняется и потребность в самом обмене идейно-эстетическими ценностями между народами. Исследование этого обмена, его сущности, законов — также одна из важнейших задач литературоведов. В перспективе необходимо создать теорию общения культур.

Требуют пристального внимания и сами духовные ценности. До сих пор больше исследовалось, как литература отражает жизнь. Меньше изучалось, как она вмешивается в нее. Между тем «сознание не только отражает мир, но и творит его» (В. И. Ленин). Литература и искусство — незаменимый фактор ценностных ориентаций, они хранят в себе величайшие сокровища человеческого духа и морально-нравственные критерии поведения человека и общества, которые выработаны человечеством на протяжении тысячелетий и которые должен наследовать подлинный социализм.

Я бы сказал, патриотическим долгом советских литературоведов является и создание истории литератур западных и южных славян, особенно древнего периода, с которыми так тесно переплелись происхождение и история нашей отечественной культуры. Нужно шире раскрыть общеславянский контекст, в котором совершался генезис и развитие нашей культуры, шире вовлечь ценности братских культур в наш обиход.

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ НОВОГО ТИПА МЕЖДУ ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ И ГДР

Одним из важнейших составляющих элементов социалистического сотрудничества являются отношения братства и сотрудничества СССР и ГДР, основанные на принципах пролетарского, социалистического интернационализма. Многие важные стороны этого сотрудничества начали складываться уже в первые годы существования народно-демократической Чехословакии и немецкого рабоче-крестьянского государства.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть процесс становления отношений нового типа между Чехословакией и ГДР в 1949—1955 гг.¹

Уже в первые послевоенные годы в ходе народно-демократической революции в Чехословакии и антифашистско-демократических преобразований в Восточной Германии сложились объективные предпосылки для развития отношений нового типа, несмотря на то, что их установление встретилось со значительными трудностями. Первые шаги в создании таких отношений прогрессивные силы Чехословакии и Восточной Германии под руководством коммунистических партий предприняли в то время, когда в памяти народов Чехословакии еще были свежи ужасы пережитой войны и фашистской оккупации. В стране сохранялись сильные антигерманские настроения. С другой стороны, сознание миллионов немцев за 12 лет существования третьего рейха было отравлено ядом нацизма, воинственной вражды к чехам и другим славянским народам. Особенно глубокие корни шовинизм пустил в сознании переселенцев².

Положение осложнилось тем, что вскоре после окончания второй мировой войны в международных отношениях начали проявляться черты «холодной войны», разворачиваемой западными державами против СССР и стран народной демократии. США и их союзники взяли курс на раскол Германии и создание сепаратного западногерманского государства. Они всячески поощряли в своих зонах оккупации реакционные силы, которые саботировали выполнение решений Берлинской конференции и вели активную реваншистскую пропаганду против восточных соседей Германии. В западногерманской печати часто появлялись статьи с нападками на на-

Станков Николай Николаевич — канд. ист. наук., ст. преподаватель кафедры всеобщей истории Волгоградского университета.

¹ Ряд важных аспектов данной темы отражен в работах исследователей СССР, ЧССР и ГДР [1—6].

² На Берлинской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.) было принято решение о перемещении немецкого меньшинства из Чехословакии, Польши и Венгрии [7]. Решение о выселении немецкого населения из пограничных районов Чехословацкой Республики было связано с тем, что абсолютное большинство его накануне и в годы второй мировой войны стали орудем в руках германских фашистов в их политике расчленения Чехословакии и порабощения чешского и словацкого народов.

родно-демократическую Чехословакию, раздувался так называемый «судетский вопрос» в связи с переселением немцев из пограничных районов Чехословакии. Особую активность в этом проявляли западногерманские реваншистские организации, требовавшие «права на родину», «возвращения» переселенцев в Чехословацкую Республику и т. д. [8].

В таких сложных послевоенных условиях коммунистические партии Чехословакии и Германии стали на путь утверждения добрососедских отношений. В воззвании ЦК КПГ к немецкому народу от 11 июня 1945 г. подчеркивалось, что для демократического обновления Германии необходимы «мирные и добрососедские отношения с другими народами. Самый решительный разрыв с политикой агрессии и насилия над другими народами и политикой захвата и грабежа» [9]. Острие программы КПГ было направлено на искоренение последствий фашизма во всех сферах, включая область идеологии и общественного сознания.

Борьба за преодоление националистических предрассудков в сознании немецкого народа, за развитие дружественных отношений с Чехословакией стала неотъемлемой частью политики КПГ, а затем СЕПГ, которая заклемила позором мюнхенский сговор 1938 г. как империалистический диктат и заявила о его недействительности с самого начала [10]. Она признала законным выселение граждан немецкой национальности из пограничных районов Чехословакии. СЕПГ открыто заявила, что переселение — это последствие агрессивной политики германского фашизма в отношении соседних народов [11, с. 152]. Органы самоуправления в Восточной Германии и Советская военная администрация оказывали переселенцам материальную помощь, создавали все условия для их интеграции с местным населением. Но этим проблема переселенцев еще не исчерпывалась. Среди них существовали националистические настроения, которые разжигались западногерманскими реваншистами, а также реакционными лидерами буржуазно-демократических партий Восточной Германии — ХДС и ЛДПГ [11, с. 152; 12]. Они, стремясь использовать проблему переселенцев в ходе политической борьбы, всячески препятствовали ее урегулированию. Перед коммунистами встала исключительно сложная задача формирования сознания переселенцев в антифашистском демократическом духе.

Средства массовой информации Восточной Германии, и в первую очередь органы СЕПГ, освещали успехи революционных сил в Чехословакии, одобряя осуществленные под руководством КПЧ глубокие народно-демократические преобразования. В Восточной Германии приветствовали Февральскую победу трудящихся Чехословакии над буржуазной реакцией в 1948 г. СЕПГ рассматривала февральские события как пример, на котором прогрессивные силы других стран должны учиться отражать атаки реакции и защищать демократию [2, с. 98—99; 3, с. 66—70].

Развитие событий в Восточной Германии встретило положительную реакцию в Чехословакии. Печать КПЧ регулярно информировала своих читателей о деятельности немецких антифашистско-демократических сил, что имело большое значение для воспитания чехов и словаков в духе доверия к немецкому народу. На этом пути у чехословацких коммунистов было немало трудностей, которые усугублялись националистической политикой реакционных кругов ЧСР. Чехословацкие буржуазные партии, имевшие определенное влияние на формирование общественного мнения и принимавшие участие в осуществлении внешнеполитического курса страны в первые послевоенные годы, исходили в решении германского вопроса из старых националистических концепций. Они утверждали, что только путем раскола Германии на несколько государств можно предотвратить новую немецкую агрессию и сохранить мир в Европе. Политические деятели из Национально-социалистической и Народной партий выступали с планами отделения от Германии Лужицы и присоединения ее к Чехословакии ³ [13, S. 286—287]. Входя в штат чехословацких пред-

³ В этот период такие требования выдвигали и определенные круги в Лужице [14].

ставительств в Германии, члены буржуазных партий препятствовали установлению добрососедских отношений между Чехословацкой Республикой и Восточной Германией [13, S. 287]. Буржуазная пропаганда была направлена на то, чтобы удержать население Чехословакии в состоянии недоверия к немцам. Она приписывала всем немцам «врожденные преступные инстинкты» и ненависть к славянам [2, s. 96—97]. Однако буржуазная националистическая пропаганда в Чехословакии была обречена на провал. С Февральской победой чехословацких трудящихся в 1948 г. были отстранены от власти буржуазные политические деятели, что создало благоприятные условия для преодоления националистических антигерманских стереотипов в сознании чехов и словаков и имело большое значение для установления отношений нового типа с Восточной Германией [15].

Определяющую роль в процессе их становления играло тесное сотрудничество коммунистических партий Чехословакии и Восточной Германии на принципах пролетарского интернационализма. Во время визита председателей СЕПГ В. Пика и О. Гротеволья в Прагу в июне 1948 г. была достигнута договоренность об укреплении взаимоотношений СЕПГ и КПЧ, о развитии сотрудничества между Восточной Германией и Чехословакией, о расширении экономических связей [2, s. 108]. В июле 1948 г. в Берлине представители Немецкой экономической комиссии и чехословацкой правительственной делегации подписали первое торговое соглашение, которое предусматривало увеличение взаимных поставок товаров в течение года на 10 млн долларов. В связи с ростом товарообмена в Праге открылось постоянное торговое представительство Немецкой экономической комиссии. Это было первое торговое представительство Восточной Германии за границей [16; 17]. В первые мирные годы начали складываться отношения между профсоюзными, молодежными и другими общественными организациями, закладывались основы культурного сотрудничества [2, s. 100—104]. Устанавливались контакты между однотипными демократическими партиями Чехословакии и Восточной Германии, в частности, между Чехословацкой народной (католической) партией и Христианско-демократическим союзом [18, S. 74—75].

Антифашистско-демократические преобразования в Восточной Германии и начало становления добрососедских отношений с Чехословакией должны были способствовать всеобъемлющему урегулированию германского вопроса: созданию единой, демократической и миролюбивой Германии и подписанию с ней мирного договора. Однако развитие событий в западных зонах оккупации Германии сделало невозможным достижение этой цели. Политика США и их союзников в германском вопросе привела в конечном итоге к расколу страны и образованию в сентябре 1949 г. Федеративной Республики Германии, предъявившей с первых дней существования территориальные притязания к своим восточным соседям [19, S. 151].

В ответ на раскол Германии и создание ФРГ демократические силы Восточной Германии во главе с СЕПГ 7 октября 1949 г. провозгласили образование Германской Демократической Республики. Президент ГДР В. Пик 11 октября и премьер-министр О. Гротеволь 12 октября в своих выступлениях подтвердили намерение выполнять международные обязательства перед соседними народами, возложенные на Германию решениями Потсдамской конференции, и заявили, что первоочередной задачей внешней политики ГДР является укрепление дружественных отношений с СССР и странами народной демократии, особенно с соседними — Польшей и Чехословакией [20].

ГДР с первых дней существования поддерживали на международной арене Советский Союз и страны народной демократии, среди них Чехословакия. В приветственной телеграмме ЦК КПЧ В. Пик и О. Гротеволью от 14 октября 1949 г. подчеркивалось: «Для Чехословацкой Республики и чехословацкого народа это событие означает значительный шаг в укреплении своей безопасности и своих мирных устремлений» [21, 14 X 1 949]. Образование немецкого рабоче-крестьянского государства вызвало

широкий резонанс в прессе всех политических партий и общественных организаций Чехословакии. «Газеты „Лидове новины“, „Свободне слово“, „Лидова демокраце“ и другие опубликовали сообщение о провозглашении демократической республики Германии на первых страницах и под крупными заголовками», — передавал из Праги 8 октября корреспондент ТАСС [22]. Все газеты комментировали выступления В. Пика и О. Гротевольфа, при этом обращалось особое внимание на ту их часть, где говорилось об отношении к Чехословакии [23; 24, 12 X 1949]. 18 октября правительство Чехословакии официально признало ГДР и предложило обменяться дипломатическими миссиями [25]. Главой дипломатической миссии Чехословацкой Республики в Берлине был назначен О. Фишл, а главой дипломатической миссии ГДР в Праге — Ф. Гроссе [25, Bd. 1, S. 329—330]. В политических кругах ГДР и Чехословакии уделялось значительное внимание вопросам взаимоотношений двух стран.

Однако такое развитие событий не отвечало политическим целям реакционных сил. Они стремились сорвать развитие отношений Чехословакии с ГДР. Представители западных держав и ФРГ постоянно подчеркивали, будто правительство ГДР «является искусственным образованием..., которое лишено какой-либо правовой основы» и «не имеет права представлять Восточную Германию», якобы единственный законный представитель Германии — правительство ФРГ [27, p. 532; 19, S. 157]. В октябре 1949 г. верховный комиссар США в Германии Дж. Макклой разработал план организации международной дипломатической изоляции ГДР, предусматривавший систему дискриминационных мер против немецкого рабоче-крестьянского государства [27, p. 537—542]. В связи с тем, что чехословацкое правительство признало ГДР и приняло курс на развитие добрососедских отношений с ней, западные державы решили оказать давление на Чехословакию, угрожая ликвидацией ее постоянных представительств (военной миссии при Контрольном совете, консульств и др.), расположенных на территории Западного Берлина и ФРГ, тем самым пытаясь ограничить ее влияние на решение германского вопроса [27, p. 538—539, 542]. Одновременно правящие круги ФРГ все чаще солидаризировались с реваншистскими лозунгами «Землячества судетских немцев», отказывавшимися признавать мюнхенское соглашение 1938 г. недействительным и требовавшими присоединения Судетской области к Германии [28]. 19 декабря 1949 г. К. Аденауэр в беседе с известным американским журналистом С. Сульцбергером заявил, что правительство ФРГ не признает восточных границ Германии и уверял, будто в «Судетах также существует проблема» [29].

Но, несмотря на все усилия западных держав и ФРГ, им не удалось воспрепятствовать развитию отношений между Чехословакией и ГДР. 24 февраля 1950 г. на пленуме ЦК КПЧ К. Готвальд заявил, что Чехословакия будет сотрудничать с ГДР, которая не только признает существование Чехословакии как самостоятельного государства, но и вполне определенно заявляет «о своем признании решения об окончательном выселении немцев из нашей республики» [30].

Вновь позицию ГДР в вопросе о переселенцах подтвердил заместитель премьер-министра ГДР В. Ульбрихт в статье «Дружба с Чехословакией», опубликованной в «Neues Deutschland» 13 мая 1950 г. Он писал, что бывшие судетские немцы стали равноправными гражданами ГДР, где им была оказана поддержка и дана возможность включиться в созидательный труд. Временное правительство ГДР убеждено в том, что они «уже никогда не будут помышлять о возвращении в Чехословакию» [31].

К лету 1950 г. была завершена предварительная подготовка к переговорам между представителями ГДР и Чехословакии. В начале июня 1950 г. В. Пик в интервью редактору чехословацкого радио заявил, что между ГДР и Чехословакией существует ряд общих проблем, сближающих оба государства: принадлежность к одной общественно-экономической формации, тесный союз с СССР, общие интересы их безопасности, взаимная заинтересованность в экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве [21, 6 VI 1950].

Для обсуждения этих вопросов 21 июня 1950 г. в Прагу прибыла правительственная делегация ГДР во главе с В. Ульбрихтом. 23 июня премьер-министр Чехословацкой Республики А. Запотоцкий и заместитель премьер-министра ГДР В. Ульбрихт подписали совместную декларацию, в которой разъяснялась политика обоих государств, направленная на сохранение и обеспечение мира, на укрепление дружбы с СССР, и констатировалось, что между ними «не существует никаких территориальных или пограничных претензий, их правительства решительно подчеркивают, что произведенное переселение немцев из Чехословацкой Республики является бесповоротным, справедливым и окончательным» [26, Bd. 1, S. 377—378]. Были подписаны также соглашения о техническом и научно-техническом сотрудничестве, о предоставлении Германской Демократической Республике краткосрочного кредита, протокол о взаимном финансировании внешнеторгового оборота, протокол о культурном сотрудничестве [26, Bd. 1, S. 376, 379—381].

Быстрые успехи в решении унаследованных от прошлого спорных проблем были достигнуты на основе общности интересов обеспечения безопасности, взаимной заинтересованности в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве и благодаря тому, что обе стороны стояли на платформе пролетарского интернационализма. Итоги переговоров были одобрены всеми фракциями Временной народной палаты ГДР. Их рассматривали как важный вклад в нормализацию отношений на европейском континенте [32].

Противоположную позицию занял западногерманский бундестаг. 14 июля 1950 г. председатель бундестага Э. Келер заявил, что бундестаг протестует против Пражской декларации правительств ГДР и Чехословацкой Республики, что правительство ГДР не имеет «ни морального, ни политического права» говорить и подписывать соглашения от имени немецкого народа, тем более, что речь идет якобы «об уступках прав немцев из Чехословакии» и объявил Пражскую декларацию недействительной [33].

Однако, несмотря на все протесты западных держав, совместная декларация, подписанная в Праге 23 июня 1950 г., стала политическим и международно-правовым фундаментом отношений между Чехословакией и ГДР, а также важным элементом упрочения мира в Европе.

Ядром всестороннего сотрудничества двух стран являлось, как и в предыдущие годы, тесное взаимодействие КПЧ и СЕПГ. В условиях перехода от капитализма к социализму возникли предпосылки для укрепления связей между ними. Как писала «*Rudé právo*», курс на построение основ социализма в Чехословакии и ГДР «ставит эти отношения на прочную социально-экономическую базу» [21, 9 VIII 1952]. В начале 50-х годов коммунистические партии Чехословакии и ГДР активизировали усилия, направленные на дальнейшее расширение взаимных отношений и сотрудничество с коммунистическими партиями других социалистических стран. Совершенствовался механизм межпартийных связей. Регулярными стали взаимные визиты партийно-правительственных делегаций, в ходе которых происходил обмен опытом строительства нового общества. Коммунисты обеих стран стремились совместно решать связанные с этим принципиальные проблемы. Двусторонние встречи руководителей представителей КПЧ и СЕПГ способствовали выработке общих позиций по основополагающим вопросам международной жизни, создавая тем самым условия для укрепления сотрудничества между Чехословакией и ГДР, для упрочения единства социалистических стран. Будучи руководящей и направляющей силой в политической системе своих стран, КПЧ и СЕПГ также определяли главные направления и формы сотрудничества Чехословакии и ГДР, решали принципиальные вопросы его укрепления и развития.

В дело становления и развития дружественных отношений между Чехословакией и ГДР определенный вклад внесли также демократические партии этих стран: Чехословацкая социалистическая партия (ЧСП), Чехословацкая народная (католическая) партия (ЧНП), Партия словацкого возрождения (ПСВ), Словацкая партия свободы (ПС), Демократическая

крестьянская партия Германии (ДКПГ), Национально-демократическая партия Германии (НДПГ), Либерально-демократическая партия Германии (ЛДПГ), Христианско-демократический союз (ХДС). Они непосредственно участвовали во внешнеполитических акциях своих государств, направленных на укрепление отношений между ГДР и Чехословакией, входили в состав партийно-правительственных делегаций, сотрудничали через различные общественные организации [18, S. 76; 34; 35]. Устанавливались прямые контакты между одиотипными демократическими партиями двух стран [18, S. 77—78; 36].

Демократические партии Чехословакии и ГДР проводили также большую работу по воспитанию крестьянства, ремесленников, интеллигенции, служащих, духовенства и т. д. в духе мира и взаимопонимания между народами, используя специфические формы и методы, отвечающие особенностям социальной психологии и традициям этих слоев.

Определяющее место в отношениях Чехословакии и ГДР в 1950—1955 гг. занимало сотрудничество в политической области. В условиях первой половины 50-х годов, когда западные державы предпринимали попытки ослабления ГДР и взяли курс на ремилитаризацию ФРГ [37], оно проявлялось главным образом в виде постоянной поддержки, которую Чехословакия вместе с СССР и другими социалистическими странами оказывала Германской Демократической Республике в борьбе за укрепление ее международных позиций.

Правительство Чехословакии поддержало предложение ГДР об объединении всей Германии на демократической и миролюбивой основе. Создание такой Германии отвечало коренным национально-государственным интересам Чехословакии, так как она имела общую границу не только с ГДР, но и с ФРГ. 22 февраля 1950 г. министр иностранных дел Чехословацкой Республики В. Клементис на пленарном заседании Национального собрания заявил, что в интересах Чехословакии «полностью поддерживать и сотрудничать с теми демократическими силами в Германии, которые честно стремятся к восстановлению единой, демократической Германии, полностью соблюдающей и признающей решения Потсдамской конференции» [21, 23 II 1950].

20—21 октября 1950 г. в Праге состоялась конференция министров иностранных дел СССР, Албании, Болгарии, Чехословакии, Польши, Румынии, Венгрии и ГДР, которая предложила план решения германской проблемы. Он предусматривал: восстановление единства страны; организацию на паритетных началах из представителей Восточной и Западной Германии Общегерманского учредительного совета, который должен разработать вопрос о создании Временного общегерманского правительства; заключение мирного договора; вывод всех оккупационных войск из Германии в годичный срок после его подписания; недопущение милитаризации Западной Германии и вовлечения ее в какие-либо агрессивные планы и т. д. [38].

Чехословацкая Республика совместно с другими социалистическими странами оказывала ГДР постоянную поддержку в реализации решений Пражской конференции. Чехословацкая пресса помещала на своих страницах материалы об инициативах ГДР, направленных на создание единой, демократической и миролюбивой Германии, разъясняла значение объединения Германии для укрепления безопасности Чехословакии и мира в Европе.

Во время дружественного визита президента ГДР В. Пика в Прагу 23—25 октября 1951 г. президент Чехословацкой Республики К. Готвальд сказал, что народы Чехословакии «заявляют о своей солидарности с той справедливой борьбой, которую ведут все честные немцы ... за создание единой и независимой Германии, которая будет высоко держать знамя мира и дружественного сотрудничества между народами» [26, Bd. 1, S. 387]. Во время визита обе стороны выразили стремление к дальнейшему укреплению сотрудничества между ГДР и Чехословакией, с СССР и всеми странами социалистического содружества [26, Bd. 1, S. 387].

Пресса Чехословакии широко комментировала итоги первого визита главы немецкого рабоче-крестьянского государства в Прагу. «*Rudé právo*» по случаю визита В. Пика писала: «Укрепление дружбы с Германской Демократической Республикой увеличивает гарантии, что Мюнхен никогда не повторится» [21, 27 X 1951]. «Дружественные отношения между нашим и немецким народами являются одним из основных факторов мира в Европе», — подчеркивала газета Чехословацкой социалистической партии «*Svobodné slovo*» [24, 24 X 1951]. Орган Чехословацкой народной партии «*Lidová demokracie*» писал: «Государственный визит президента Германской Демократической Республики в Чехословакию является предзнаменованием новой эпохи в отношениях между обоими государствами» [39].

Следующим важным шагом в укреплении отношений между обоими государствами и координации их политики в германском вопросе был визит К. Готвальда в ГДР в марте 1952 г. В ходе официальных встреч и публичных выступлений неоднократно подчеркивалось, что оба государства объединяют коренные взаимные интересы: во-первых, борьба за мир во всем мире, против ремилитаризации ФРГ, за единую, демократическую и миролюбивую Германию, которую вели ГДР и Чехословакия вместе со всем социалистическим содружеством; во-вторых, дружба с Советским Союзом, которая «является самой надежной основой для сотрудничества и добрососедских отношений между нашими народами» [26, Bd. 1, S. 406]; в-третьих, взаимная заинтересованность в дальнейшем развитии и углублении экономического и культурного сотрудничества [26, Bd. 1, S. 406—407]. Обе стороны выразили согласие с проектом мирного договора с Германией [26, Bd. 1, S. 400, 404], с которым правительство СССР 10 марта 1952 г. обратилось к правительствам трех западных держав. В нем было предусмотрено образование единого, демократического и миролюбивого государства, а также гарантии его независимого и демократического развития [40]. В. Пик заверил К. Готвальда, что «такая единая Германия, в которой всем миролюбивым гражданам будут предоставлены демократические права, но в которой не будет места врагам демократии и мира, будет также хорошим соседом для всех миролюбивых народов и установит с ними нормальные отношения» [26, Bd. 1, S. 401].

Таким образом, визит В. Пика в Прагу и К. Готвальда в Берлин имели большое значение как для развития дружественных отношений между обоими государствами, так и для укрепления единства социалистического содружества. Они явились важным вкладом в совместную борьбу СССР и стран народной демократии за единую, демократическую и миролюбивую Германию, против ремилитаризации ФРГ.

В последующие годы ГДР и Чехословакия поддерживали все инициативы СССР, направленные на мирное решение германского вопроса и создание системы коллективной безопасности в Европе [26, Bd. 1, S. 300—302; 41, s. 86—90]. Оба государства приняли участие в Московском совещании восьми социалистических стран (29 ноября — 2 декабря 1954 г.), которое призвало западные державы отказаться от ратификации Парижских соглашений 1954 г., предусматривавших создание западногерманских вооруженных сил и включение ФРГ в НАТО, и предложили подписать договор о создании системы коллективной безопасности в Европе [42].

В мае 1955 г., когда, несмотря на все усилия социалистических стран, ФРГ все-таки вступила в НАТО, Чехословакия и ГДР совместно с СССР и другими европейскими социалистическими странами подписали Варшавский договор — коллективный Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, предусматривавший координацию внешнеполитических усилий в борьбе за совместное обеспечение безопасности государств-участников, сотрудничество в области обороны для совместной защиты их суверенитета и независимости, неприкосновенности их границ и территорий [43]. Организация Варшавского Договора для стран-участниц стала прочной основой в борьбе за мирное урегулирование германских

дел, в том числе и за международно-правовое признание ГДР и территориальной целостности Чехословакии.

Укрепление политических отношений Чехословакии и ГДР способствовало развитию и углублению экономического сотрудничества, в чем оба государства были в высшей степени заинтересованы. Чехословакии в те годы необходимо было расширить машиностроительную промышленность, освоить выпуск таких видов продукции, которые раньше совсем не производились или производились в небольшом количестве (химическое, электротехническое, текстильное оборудование, тяжелые станки), осуществить социалистическую индустриализацию Словакии [44]. Еще более сложные экономические проблемы вынуждена была решать ГДР. В результате раскола Германии западными державами нарушилось экономическое единство страны, которое в последующие годы было окончательно подорвано вследствие экономической блокады ГДР. Самые развитые промышленные районы довоенной Германии, ее топливно-энергетическая и сырьевая база остались в ФРГ. Из природных ресурсов ГДР располагала только запасами бурого угля и калийных солей, на ее территории остались предприятия электротехнической и полиграфической промышленности, машиностроения для текстильной промышленности, точной механики и оптики. Для того, чтобы обеспечить нормальное развитие экономики ГДР, необходимо было преодолеть эти диспропорции путем создания собственной энергетической и металлургической базы, освоения новых мощностей тяжелого машиностроения, развития сырьевой базы и т. д. [45]. При этом большие надежды возлагались на сотрудничество с СССР и другими государствами — участниками Совета Экономической Взаимопомощи, членом которого ГДР стала 29 сентября 1950 г. [26, Vd. 1, S. 168—169].

В условиях, когда начали создаваться основы социалистического общества в Чехословакии и ГДР и оба государства перешли к долгосрочному планированию развития народного хозяйства, возникали новые задачи в области экономического сотрудничества. Еще на 11 сессии СЭВ (25—27 августа 1949 г., София) обсуждался вопрос о целесообразности подписания долгосрочных соглашений на основе народно-хозяйственных планов стран — членов СЭВ [46]. Следуя этим рекомендациям, во время визита правительственной делегации ГДР в Прагу в июне 1950 г. В. Ульбрихт и К. Готвальд обменялись информацией о пятилетних планах обоих государств и выразили желание, опираясь на них, заключить долгосрочное торговое соглашение [26, Vd. 1, S. 376]. Тем самым было положено начало планированию экономического сотрудничества между Чехословакией и ГДР. Первое долгосрочное соглашение о товарообороте и платежах между Чехословакией и ГДР сроком на три года было подписано 1 декабря 1951 г. Оно предусматривало, что ГДР будет поставлять станки, оборудование для шахт, для металлургической и химической промышленности, изделия точной механики и оптики, продукцию химической промышленности и другие товары, а Чехословакия — кокс, прокат, машины и оборудование, шины для грузовых автомашин и т. д. [26, Vd. 1, S. 393—394]. Долгосрочное соглашение обеспечивало плановость роста поставок, стабильный сбыт продукции, более рациональное использование экономического потенциала обеих стран.

С 1949 по 1955 г. товарообмен между Чехословакией и ГДР увеличился почти в шесть раз [41, s. 19]. В 1955 г. ГДР стала самым крупным после СССР торговым партнером Чехословакии, а ЧСР занимала четвертое место во внешней торговле ГДР [47, s. 385].

Развивалось также научно-техническое сотрудничество между этими странами. Впервые вопросы о взаимной технической помощи и обмена опытом были урегулированы в июне 1950 г. в соглашении о техническом и научно-техническом сотрудничестве [26, Vd. 1, S. 376], в соответствии с которым была создана Комиссия по научно-техническому сотрудничеству для координации отношений в данной области. В первой половине 50-х годов научно-техническое сотрудничество между Чехословакией и ГДР осуществлялось в основном в рамках обмена документацией в обла-

сти тяжелой и легкой промышленности. ГДР передала Чехословакии техническую документацию по химической промышленности, горному делу, производству синтетических тканей и волокон. В свою очередь чехословацкие конструкторы разработали техническую документацию для строящегося в то время в ГДР металлургического комбината «Ост», который был самой большой и важной стройкой первой пятилетки. Тем самым Чехословакия наряду с другими государствами — участниками СЭВ оказала помощь ГДР в создании собственной металлургической базы. Кроме того, Чехословакия передала ГДР техническую документацию по деревообрабатывающей, бумажной и кожевенной промышленности. Конструкторы обеих стран успешно сотрудничали также в сфере машиностроения [5, S. 58—59; 21, 3 II 1953].

В 1950—1955 гг. между ГДР и Чехословакией было подписано большое количество других соглашений об экономическом сотрудничестве и соглашениях, обеспечивающих его успешное развитие: о почтовой и телеграфной связи, о транзитном железнодорожном сообщении, о сотрудничестве в области легкой промышленности, об использовании внутренних речных путей, о сотрудничестве в области телевидения и др. [26, Bd. 1, S. 381, 382, Bd. 2, S. 442, 443].

Министр внешней торговли Чехословацкой Республики А. Грегор в октябре 1951 г. писал, что успешное развитие экономических отношений между Чехословакией и ГДР опровергает все старые взгляды о том, будто два высокоразвитых индустриальных государства с примерно одинаковой экономической структурой не могут проявлять заинтересованность во взаимном экономическом сотрудничестве. «...Это утверждение не соответствует истине, когда речь идет о двух дружественных государствах с плановой экономикой», — подчеркивал А. Грегор [21, 26 X 1952].

В 1949—1955 гг. были заложены основы новых форм экономического сотрудничества между Чехословакией и ГДР, которые получили дальнейшее развитие в последующие годы: взаимная координация народно-хозяйственных планов, разделение труда, непосредственное участие в производственной сфере друг друга [47, s. 388]. Экономическое сотрудничество ГДР с Чехословакией и другими странами — участниками СЭВ позволило ликвидировать хозяйственные диспропорции, образовавшиеся в результате раскола западными державами Германии, способствовало обеспечению независимости ее экономики от капиталистического рынка. Расширение сотрудничества между двумя странами также благоприятствовало дальнейшему экономическому развитию Чехословакии, улучшению ее отраслевой структуры и ускорило социалистическую индустриализацию Словакии.

Политическое и экономическое сотрудничество Чехословакии и ГДР создавало основу для установления более тесных взаимоотношений между народами двух стран, хотя еще не означало, что этот процесс произойдет стихийно, что автоматически окончательно преодолены в сознании чехов и словаков антигерманские стереотипы, а в сознании граждан ГДР — античехословацкие. Тем более, что западные державы стремились воспрепятствовать сближению стран народной демократии [48]. Реваншистская западногерманская пропаганда постоянно прибегала к нападкам на народно-демократическую Чехословакию, требовала решить проблему судетских немцев «в духе Мюнхена» [21, 7 XI 1953]. С помощью средств массовой информации ФРГ пыталась гальванизировать националистические предрассудки в ГДР, в первую очередь среди переселенцев, и вызывать тем обострение идеологической борьбы [49]. Размах реваншистской пропаганды в ФРГ в условиях обсуждения вопроса об объединении Германии не мог не беспокоить и общественность Чехословакии. Все эти обстоятельства КПЧ и СЕПГ вынуждены были учитывать при организации работы по интернациональному воспитанию.

Одним из важнейших факторов развития взаимных контактов и духовного сближения трудящихся Чехословакии и ГДР было культурное сотрудничество. Стремление к укреплению дружбы между народами двух стран нашло отражение уже в первом протоколе о культурном сотруд-

ничестве Чехословакии и ГДР, подписанном в июне 1950 г. в Праге. Согласно этому документу оба правительства обязались способствовать развитию науки в своих странах путем обмена опытом, установления контактов между учеными, участия в научных мероприятиях другой страны; поддерживать сотрудничество между профсоюзными, молодежными и прочими организациями. Протокол также предусматривал издание книг и публикаций о жизни другой страны, издание переводов художественных произведений, налаживание тесных контактов между писателями, художниками, актерами, показ музыкальных, кинематографических и иных произведений искусства другой страны, организацию выставок и т. д. [26, Bd. 1, S. 378—381].

Вскоре после подписания протокола начался активный обмен делегациями деятелей науки и культуры, художественными коллективами, увеличилось количество индивидуальных поездок ученых, литераторов, музыкантов и кинематографистов в Чехословакию и ГДР [5, S. 63—64; 21, 19 VII 1950, 28 XII 1950, 23 III 1952, 26 VI 1952 и др.]. Они в значительной степени способствовали взаимной популяризации литературы и искусства Чехословакии и ГДР.

Важной стороной культурного сотрудничества стало издание переводов литературы, особенно художественной, предназначенной для широкого круга читателей. В 1945—1955 г. в Чехословакии было переведено около 300 произведений немецких классиков и современных писателей ГДР на чешский и словацкий языки [5, S. 69]. Благодаря значительно увеличившимся тиражам переводов более широкий круг читателей Чехословакии смог познакомиться с поэзией Г. Гейне, драматургией И.-В. Гёте, Г. фон Клейста, Ф. Шиллера, сказками братьев Гримм. Впервые были переведены на чешский и словацкий языки романы и новеллы А. Зегерс, повести и рассказы В. Бределя, Ф. Вольфа, А. Цвейга и других авторов ГДР [50]. В ГДР были переведены на немецкий язык книги писателей Чехословакии: М. Майеровой, И. Ольбрахта, М. Шуймановой, П. Илемницкого, В. Кани, К. Чапека, Ю. Фучика, Я. Дрды и других [51, S. 37—68; 52]; несколько раз переиздавался большими тиражами пользующийся огромной популярностью сатирический роман Я. Гашека «Похождение бравого солдата Швейка» [51, S. 50].

Значительное внимание уделялось сотрудничеству в области кинематографии, являющейся одним из важнейших средств идеологического воспитания трудящихся. В октябре 1952 г. в Чехословакии впервые была проведена «Неделя кино Германской Демократической Республики». Пресса Чехословакии отмечала большое значение этого мероприятия для духовного сближения народов Чехословакии и ГДР [21, 3 X 1952].

18 февраля 1953 г. в Праге было подписано первое долгосрочное соглашение о культурном сотрудничестве между Чехословакией и ГДР [26, Bd. 1, S. 420—421]. Оно предусматривало ежегодное подписание рабочих планов по осуществлению конкретных мероприятий. Для подготовки этих планов создавалась смешанная комиссия из представителей Чехословакии и ГДР [5, S. 66]. Это соглашение открывало широкие возможности для дальнейшего развития сотрудничества в области науки, народного образования и культуры. На его основе в последующие годы был подписан ряд новых соглашений и осуществлено много важных мероприятий. В частности, в 1955 г. была создана Комиссия историков ГДР и ЧСР, которая внесла большой вклад в исследование истории немецкого, чешского и словацкого народов, их исторических связей. В октябре 1955 г. в Праге было подписано Соглашение о научном сотрудничестве между Академией наук Чехословацкой Республики и Академией наук ГДР, что способствовало объединению усилий ученых, концентрации сил и средств для решения наиболее важных научных проблем [5, S. 67].

В соответствии с соглашением о культурном сотрудничестве между ГДР и Чехословакией в июне 1955 г. одновременно в обеих странах была проведена первая Неделя германо-чехословацкой дружбы [5, S. 53—54]. В подготовке и проведении этого мероприятия приняли активное участие все политические партии и общественные организации Чехословакии и

ГДР. Состоялся обмен делегациями Национального фронта демократической Германии и Национального фронта чехов и словаков. Неделя германо-чехословацкой дружбы вызвала огромный интерес среди самых широких кругов общественности обеих стран.

Важную роль в становлении отношений нового типа между Чехословакией и ГДР играло тесное сотрудничество между общественными организациями двух стран: профсоюзными, молодежными, женскими, спортивными, комитетами борьбы за мир [21, 3 IX 1950, 14 XI 1950, 8 VI 1951, 16 X 1951 и др.]. Политическое значение этих связей для укрепления дружественных отношений между народами Чехословакии и ГДР трудно переоценить. Взаимодействие общественных организаций тесно переплеталось с межгосударственными и межпартийными формами сотрудничества, составляя единое целое.

Таким образом, отношения между Чехословакией и ГДР с самого начала строились на принципах пролетарского интернационализма, определявших сотрудничество КПЧ и СЕПГ. Оба государства объединяла общность социально-экономического и политического строя, наличие господствующей марксистско-ленинской идеологии, совпадение коренных интересов и целей. Благодаря этому между Чехословакией и ГДР в короткие сроки были взаимно урегулированы территориальные и национальные вопросы. Тем самым были созданы предпосылки для устранения всего, что разделяло эти соседние народы в прошлом, для утверждения нового политического и психологического климата между ними, для дальнейшего развития всестороннего сотрудничества. Становление отношений братства и дружбы между Чехословакией и ГДР имело большое значение не только для судеб народов двух стран, но и для укрепления единства социалистических государств, для усиления позиций социалистического содружества на международной арене.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров Ф. Пример братского сотрудничества.— *Международная жизнь*, 1957, № 12, с. 115—120.
2. Ivaničková E. Československo a východné Nemecko 1945—1949 (K otázke vzniku novej kvality v československo-nemeckých vzťahoch).— *Slovanské štúdie*, 1982, № 23—2.
3. Ivaničková E. Československý Február a východné Nemecko v roku 1948.— *Slovanské štúdie*, 1983, № 24—2.
4. Holický I., Sýkora L. Evropská bezpečnost a CSSR (1945—1975). Praha, 1977.
5. DDR — CSSP: Brüderlich vereint. Berlin, 1967.
6. CSSR — NRD: Socialistická spolupráce. Praha, 1978.
7. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, 17 июля — 2 августа 1945 г. Сборник документов. М., 1984, с. 443.
8. Československá revolúcia 1944—1948 a jej kritici. Bratislava, 1984, s. 76.
9. За антифашистскую демократическую Германию. Сборник документов. 1945—1949. М., 1969, с. 75.
10. Dietrich G. Zur internationalistischen Arbeit der SED 1948/49.— *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 1979, II. 9, S. 820—834.
11. История Социалистической единой партии Германии. Очерк. М., 1980.
12. Тюльпанов С. И. В первые послевоенные годы на немецкой земле.— *Новая и новейшая история*, 1984, № 4, с. 108.
13. Probleme der Ökonomie und Politik in den Beziehungen zwischen Ost- und Westeuropa vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Berlin, 1960.
14. Шолта Я. Национальная политика Германской Демократической Республики по отношению к лужицким сербам. Славяно-германские исследования. М., 1963, с. 236.
15. Československý Únor 1948 a socialistické státy. Praha, 1977, s. 210.
16. Die DDR in der Welt des Sozialismus. Berlin, 1985, s. 129—130.
17. Der Morgen, 1950, 5 I.
18. Erinnerungen an Otto Nuschke. Berichte und Zeugnisse von Zeitgenossen. Berlin, 1973.
19. Die auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland. Köln, 1972.
20. Отношения СССР с ГДР. Документы и материалы. 1945—1955. М., 1974, с. 14—20, 21—38.
21. Rudé právo.
22. Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1949, 9 X.

23. Lidové noviny, 1949, 12, 13 X.
24. Svobodné slovo.
25. Dokumenty československé zahraniční politiky 1945—1959. Praha, 1960, s. 499.
26. Dokumente zur Außenpolitik der Regierung der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin, 1954—1955, Bd. 1—2.
27. Foreign Relations of the United States. (Diplomatic Papers). 1949. Washington, 1974, vol. 3.
28. Милошкова В. И. Дипломатия реванша. М., 1966, с. 168—172.
29. Sulzberger C. L. A Long Row of Candles. Memoirs and Diaries (1934—1954). Toronto, 1969, p. 486—487.
30. Готвальд К. Избранные произведения. Т. 2. М., 1957, с. 361—362.
31. Neues Deutschland, 1950, 13 V.
32. Provisorische Volkskammer der Deutschen Demokratischen Republik. 1949—1950. Sitzungsprotokolle. Berlin, 1950.
33. Keesing's Archiv der Gegenwart. Frauensfeld, 1950, S. 2481.
34. Neuman A. Jak jsem žil. Praha, 1971, s. 133—134.
35. Neuman A. NDR: nový stát, nový lid, nový život. Praha, 1956, s. 12, 14.
36. Neue Zeit, 1950, 14 IX.
37. Foreign Relations of the United States. (Diplomatic Papers). 1950. Washington, 1977, vol. 3, p. 1298.
38. Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. 1950 год. М., 1953, с. 223—231.
39. Lidová demokracie, 1951, 27 X.
40. Pravda, 1952, 11 III.
41. ČSR a Německo. Výbor dokumentů o československé politice v německé otázce. Praha, 1959.
42. Московское совещание европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе. М., 1954, с. 158.
43. Варшавское совещание европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе. 1955. (Материалы.) М., 1955.
44. Экономическая история социалистических стран. М., 1971, с. 455—456.
45. История Германской Демократической Республики. 1949—1979. 2-е, доп. изд. М., 1979, с. 115—116.
46. Hegetmann M. Kurze Geschichte des RGW. Berlin, 1980, S. 51.
47. Lehár V. Hospodářská spolupráce NDR a ČSSR v letech 1949—1960.— Slovanský přehled, 1974, s. 5.
48. Орлик И. И. Империалистические державы и Восточная Европа (1945—1965). М., 1968, с. 93.
49. Духовная культура социалистического общества. М., 1979, с. 34.
50. Bokesová V. Německá literatura na Slovensku 1945—1974. Německo (do r. 1949) a NDR (1949—1974). Bibliografia prekladov. Bratislava, 1977.
51. Fischer R. Studien zur tschechischen Literatur. Berlin, 1965.
52. Jähnichen M. Die Literatur unserer Nachbarn. Übersetzte Bücher aus der Tschechoslowakei.— Neue Deutsche Literatur, 1964, H. 3, S. 167—177.

БУХАЛОВ В. А.

«ИМПЕРСКАЯ КРЕПОСТЬ БЕЛГРАД».

германские планы колонизации юго-восточной европы
(1939 — 1941)

В 1963 г. на страницах западногерманского журнала «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte» появилась статья историка Г.-У. Велера «Имперская крепость Белград» [1]. В ней кратко анализировался «Меморандум о положении и будущей судьбе немцев, проживающих на территории бывшего югославского государства», — документ, поступивший в политический отдел министерства иностранных дел фашистской Германии 22 июля 1941 г., спустя месяц после ее вероломного нападения на СССР. Авторы «Меморандума» ставили вопрос о немецком государственном образовании на Дунае, существование которого они связывали с необходимостью прикрытия границ третьего рейха от «постоянной угрозы» со стороны «азиатских и славянских народов» и защиты правого фланга Германии в ходе «реорганизации Восточного пространства». Ранее этот проект лишь дважды упоминался в исторической литературе [2]. Велеру удалось обнаружить в Политическом архиве МИД ФРГ полный текст «Меморандума» и пять приложений к нему, которые и послужили основой вышеупомянутой статьи. В последующие годы к этому вопросу неоднократно обращались историки ГДР, Югославии, США [3].

Статья Велера вызвала нездоровый ажиотаж в ФРГ, в стане «вечно вчерашних». Один из бывших руководителей немецкого Культурбунда в королевской Югославии Й. Вюшт опубликовал монографию, в которой обвинил Велера в поверхностном знании материала и назвал проект создания «имперской крепости Белград» образчиком фантазии, распространявшейся главным образом среди югославских фольксдойче [4].

Полемика между Велером и Вюштом продолжалась до самого последнего времени. В 1980 г. Г.-У. Велер опубликовал книгу [5], в которой вновь возвратился к планам расчленения Югославии фашистскими державами. Любопытно, что посвященные этому вопросу страницы почти дословно повторяют его статью 1963 г.¹ Хотя проекты, связанные с созданием «имперской крепости Белград», указывает Велер, и не были реализованы, их поддерживали весьма влиятельные круги рейха, заинтересованные в практически безграничной территориальной экспансии на Востоке и Юго-Востоке европейского континента [5, S. 56].

На основании статьи Велера нельзя получить достаточно полного представления о содержании «Меморандума» и истинных намерениях его составителей. После же ознакомления с его текстом, микрокопия которого хранится сейчас во многих библиотеках, можно сделать вывод, что проекты создания «имперской крепости Белград» по своему значению далеко

Буханов Валентин Александрович — канд. ист. наук, ст. научн. сотрудник кафедры новой и новейшей истории Уральского университета.

¹ Анализ самой книги Велера не является предметом настоящего исследования.

выходили за пределы Юго-Восточной Европы — в них отражались глобальные интересы германского империализма, стратегия и политика фашистского рейха в годы второй мировой войны.

В связи с этим возникает необходимость рассмотреть основные вехи той германской политики в Балкано-Дунайском регионе в 1939—1941 гг., которая в национал-социалистской терминологии получила вполне определенное название «Volkstumpolitik»².

Гитлеровцы разработали ее принципы на основе расистской доктрины о превосходстве немецкого народа над всеми остальными народами земного шара, которая, преарированная особым образом, стала ядром нацистской идеологии. Национал-социализм представлял немецкий фолькстум как расовую общность высшего типа, как «народ господ», которому обязаны подчиниться «неполноценные народы». Проживающие практически во всех европейских государствах немцы немецкие меньшинства объявлялись принадлежащими к «высшей расе», «творцами и носителями культуры», составной частью немецкой «народной общности» («Volksgemeinschaft»). Под таким предлогом третий рейх присвоил себе «право» распоряжаться судьбой фольксдойче — этнических немцев — по своему собственному усмотрению, невзирая на то, что они являлись гражданами других государств.

Потребностью «воссоединения всех немцев» руководители рейха мотивировали аншлюс Австрии, отторжение от Чехословакии Судет, перекройку границ на Западе и Востоке европейского континента.

С началом второй мировой войны зловещие очертания стала приобретать исходившая от германского империализма угроза странам и народам Юго-Восточной Европы. Выступая 6 октября 1939 г. в рейхстаге, А. Гитлер высказался за «реорганизацию этнографических отношений» не только в оккупированной Германией Польше, но и «на всем Востоке и Юго-Востоке Европы» [6], пообещав путем переселения фольксдойче в Германию избавить эти страны от острых межнациональных конфликтов. Однако на сей раз его выступление, вновь выдержанное в духе «воссоединения всех немцев», никого не ввело в заблуждение, ведь нацистская Германия, по существу, публично заявляла о присвоении себе права вершить судьбы народов. Обеспокоенное югославское правительство через своего посланника в Берлине сделало специальный запрос по поводу речи Гитлера, но так и не получило вразумительного ответа [7].

Выступление нацистского главаря в рейхстаге послужило прологом к образованию 7 октября 1939 г. «имперского комиссариата по укреплению немецкой народности» во главе с Г. Гиммлером. Это было одно из самых мрачных порождений германского фашизма. Именно комиссариат нес ответственность за проведение политики геноцида в оккупированных странах в годы войны. В его стенах готовился, например, «Генеральный план Ост». Сфера влияния и деятельности нового органа распространялась на все страны, независимо от того, были они уже захвачены вермахтом, либо еще только подлежали оккупации. Не случайно в краткой речи заместителя Гиммлера по «имперскому комиссариату» бригадефюрера СС У. Грайфельта, произнесенной в узком кругу 13 декабря 1939 г., прямо говорилось, что германское жизненное пространство должно вмещать не только нынешнее, но и грядущие поколения немцев. «Если и этого места не хватит,— подчеркнул Грайфельт,— тогда снова придется взять в руки меч» [8].

В такой обстановке уже в начале второй мировой войны появился колонизационный план «Фольксдойче миттельштелле» (Центрального управления по делам фольксдойче — ФОМИ)³, согласно которому предусматривалось заселение местными фольксдойче широкой полосы вдоль Дуная вплоть до его впадения в Черное море [1, S. 73]. Один из вариантов плана

² Фолькстум — дословно «народность». Нередко нацисты использовали и другой термин — «Deutschstumpolitik».

³ «Фольксдойче миттельштелле» была подчинена Гиммлеру и Риббентропу, имела самые тесные связи с имперским комиссариатом по укреплению немецкой народности и другими инстанциями.

ФОМИ был одобрен Гитлером и министром иностранных дел И. Риббентропом и направлен для дальнейшего изучения в соответствующие инстанции третьего рейха.

Одновременно представителями «Фольксдойче миттельштелле» и национал-социалистским руководством организаций фольксдойче в Балканских и дунайских странах велась активная пропаганда идей расового превосходства немцев, разжигалась национальная рознь в Югославии, Венгрии, Румынии, распространялись слухи о скором провозглашении «немецкого протектората на Дунае» [9].

Подготовленные в то время документы с изложением принципов германской колонизационной политики в конечном счете относились не только к польскому народу, первым познавшему все ужасы нацистского геноцида, но и ко всем другим народам Восточной и Юго-Восточной Европы.

Следующий этап нацистской «Volkstumpolitik» на Балканах и в Дунайском бассейне связан с наступлением немецко-фашистских армий на западном фронте в мае — июне 1940 г. Капитуляция Франции резко изменила соотношение сил в Европе в пользу гитлеровской Германии. Обозначились предпосылки установления на континенте немецкого «нового порядка». Гитлер и его военные советники вынашивали авантюристические планы покорения Советского Союза, других государств и континентов.

В Германии началось широкое обсуждение «будущей экономической структуры мира» и ее главных компонентов — экономического пространства рейха (гроссвиртшафтсраума), германской колониальной империи и германской внешней торговли. Слово «гроссвиртшафтсраум» стало самым популярным в лексиконе ослепленного «радостью победы» немецкого бюргера.

За кулисами этой шумной и крикливой кампании велись активные приготовления к перекройке политической карты Европы и мира. Лишь изредка в прессе мелькали статьи, в которых гроссвиртшафтсраум назывался целью безусловно необходимой, но промежуточной, даже второстепенной по сравнению с главным — завоеванием жизненного пространства; звучал призыв не отвлекаться от решения этой главной задачи [10]. И действительно, множество секретных документов, сочиненных в Германии в кагун и после капитуляции Франции и содержавших самые различные соображения о будущих границах рейха на Западе, Севере, Востоке и Юго-Востоке, а также планы германизации отдельных народов [11; 12], наводят на мысль о тщательно подготовленной акции, в ходе которой положение и будущая судьба фольксдойче рассматривались как важная политическая проблема, как составная часть гитлеровского «нового порядка».

Важнейшее значение в данном контексте приобретали вопросы фольксдойче в Балкано-дунайском регионе. 17 июня 1940 г., т. е. еще до подписания франко-германского перемирия, в «Фольксдойче миттельштелле» завершилась работа над памятными записками о положении и дальнейшей судьбе этнических немцев Румынии и Югославии⁴ [13, R. 1306, fr. 488977—488989].

В памятной записке, касавшейся Румынии, ФОМИ предлагала укрепить позиции фольксдойче на плодородных землях Трансильвании и румынской части Баната с тем, чтобы создать там мощное ядро немецкой колонизации [13, R. 1306, fr. 488987].

Еще более обширные планы составлялись в отношении этнических немцев, проживавших в Югославии. На случай, «если Югославия, — отмечалось в документе, — неожиданно вступит в войну на стороне наших врагов (впрочем, никаких симптомов этого до сих пор нет)» [13, R. 1306, fr. 488982], руководитель ФОМИ обергруппенфюрер СС В. Лоренц предусматривал проведение целой серии мероприятий, включающих аннек-

⁴ Некоторые историки датируют «Записку о немецкой фольксгруппе в Югославии» 27 июня 1940 г. Однако эта дата в конце документа поставлена от руки, и ее можно трактовать по-разному. При микрофильмировании обеих памятных записок сотрудники Национального архива США пометили их 17 июня 1940 г. [13, R. 1306, fr. 488960].

сию северо-западной части югославской территории, договоренность с Римом о переселении фольксдойче из будущей итальянской сферы влияния и реорганизацию «этнографических отношений» в Воеводине. Лоренц полагал, что в случае политической реорганизации Венгрии, Румынии и Югославии произойдет «единообразное урегулирование» проблемы проживающих там немецких групп [13, R. 1306, fr. 488982].

В памятных записках «Фольксдойче миттельштедле» отчетливо просматривались контуры сплошной полосы немецкой колонизации, простиравшейся от Северной Словении, Штирии и Крайны через Воеводину до южной части Венгрии и румынской Трансильвании. Создав такую полосу, гитлеровская Германия получила бы благоприятную возможность воздействовать на внутреннюю и внешнюю политику Венгрии, Румынии, Югославии и Болгарии, поскольку в долине Дуная был бы создан постоянно действующий «судетский прецедент». Посмотрев на карту, можно увидеть, что в центре указанной полосы немецких поселений находился Белград. Таким образом, в июне 1940 г. гитлеровцы уже представляли себе, что обладание Белградом позволит им господствовать над всей Юго-Восточной Европой.

Однако к концу месяца ситуация в Европе значительно изменилась. 30 июня правительство У. Черчилля отклонило германские предложения о заключении «разумного» мирного договора. С середины июля 1940 г. стало очевидным намерение гитлеровцев проложить себе путь через Балканы к Средиземному морю и на Ближний Восток.

В такой сложной ситуации проблема влияния на внутреннюю и внешнюю политику балкано-дунайских государств приобретала для рейха чрезвычайную актуальность. Слова: «Балканы должны остаться неустойчивыми» [14, с. 110], сказанные Гитлером 23 августа 1940 г., за неделю до так называемого второго венского арбитража [15; 16; 17, с. 103, 104], отражали основной принцип балканской политики Германии вплоть до присоединения стран Юго-Восточной Европы к Тройственному пакту агрессоров; при отказе от добровольного присоединения к пакту эти государства столкнулись бы с опасностью оккупации немецкими и итальянскими войсками. Важное место в германской политике кнута и пряника в Балкано-Дунайском регионе принадлежало «Volkstumpolitik».

30 августа 1940 г. в рамках второго венского арбитража состоялось подписание германо-венгерского и германо-румынского соглашений о немецких меньшинствах [17, с. 104; 18]. Комментируя германо-венгерское соглашение о фольксдойче, итальянский посол в Будапеште Таламо писал: «Не рассчитывает ли Германия на будущее переустройство в Венгрии с помощью сильного среднего класса, а именно немецкого меньшинства, о котором рейх особенно заботится в настоящее время и которое благодаря ... соглашению приобрело здесь особое положение» [19]. Как видим, в донесении Таламо подчеркивался не только политический, но и социальный аспект гитлеровского «нового порядка».

И в последующие месяцы, с сентября 1940 г. по март 1941 г., «Volkstumpolitik» играла значительную роль в дипломатических и военных акциях фашистской Германии на Балканах и в Дунайском бассейне. Во время интенсивных приготовлений к нападению на СССР и военным действиям в Юго-Восточной Европе проблема фольксдойче, а правильнее — проблема германской колонизационной политики приобрела столь большое значение, что специальным распоряжением Р. Гесса от 8 марта 1941 г. имперский комиссар «по укреплению немецкой народности» Гиммлер был одновременно назначен ответственным консультантом и особо уполномоченным нацистской партии «по всем вопросам границ и фолькстума» [13, R. 2424, fr. E227051].

В третий раз с начала мировой войны идея возведения «имперской крепости Белград» прозвучала в связи с фашистской агрессией против Югославии и Греции в апреле — мае 1941 г. Уже на следующий день после подписания акта о безоговорочной капитуляции югославской армии, 18 апреля, в Вене состоялось совещание о разделе Югославии [1, S. 75, 76]. Участие в нем принимали посол по особым поручениям в германском

министерстве иностранных дел К. Риттер, начальник личного штаба Гимmlера группенфюрер СС К. Вольф, генерал В. Варлимонт из верховного командования вермахта (ОКВ), статс-секретарь министерства внутренних дел В. Штуккарт, гауляйтеры (скорее всего З. Юберайтер и Ф. Кучера [20, с. 36]), а также бывший германский генеральный консул в Белграде Ф. Нойхаузен.

Как подчеркнул, открывая совещание, Риттер, его участники должны были подготовить материалы для предстоящей встречи германского и итальянского министров иностранных дел и с этой целью в первую очередь обсудить вопрос о том, «каким образом можно осуществить раздел Югославии, имея в виду германские интересы» [20, с. 37]. Оживленную дискуссию на совещании вызвал «национальный» аспект проблемы. Судя по всему, разговор шел о судьбе этнических немцев всей Юго-Восточной Европы — переселить ли их в рейх или оставить на месте проживания в качестве форпоста «германизма». Вторую точку зрения рьяно отстаивали К. Вольф, В. Штуккарт и референт по вопросам «народности» в министерстве иностранных дел Триска. Они предлагали, в частности, предоставить автономии Воеводине. Ее судьба, по словам Триски, должна решаться не сама по себе, а в обязательной связи «с 700 000 фольксдойче, проживающих в долине Дуная» [20, с. 58, 59]. Для подготовки конкретных предложений были созданы две подкомиссии — по экономическим вопросам и по вопросам «народности».

Вторая подкомиссия во главе с В. Штуккартом уже на следующий день, 19 апреля 1941 г., составила обширный список рекомендаций, сводившихся к следующим основным пунктам: 1) предоставление административной автономии тем территориям бывшей Югославии, где фольксдойче либо уже обладали абсолютным или относительным большинством, либо могли получить его в результате выселения славянских народов и дополнительной немецкой колонизации; 2) предоставление возможности «выселения немцев с территории бывшего югославского государства и соответствующего переселения и выселения расово-чуждых народов с территории рейха»; 3) предоставление фольксдойче двойного гражданства — германского и страны проживания [20, с. 59, 60].

Рекомендации подкомиссии Штуккарта имели беспрецедентный характер, они свидетельствовали о стремлении весьма влиятельной группы в руководстве рейха консолидировать югославских фольксдойче и подготовить почву для возможной германской колонизации всей Юго-Восточной Европы.

Дальнейшая работа по «укреплению немецкой народности» в балкано-дунайских странах сосредоточилась в руках Штуккарта, который 22 апреля 1941 г. был назначен руководителем межведомственного комитета по вопросам администрации оккупированных территорий Юго-Востока [21, vol. 14, p. 716]. Кто же такой доктор Штуккарт? Какое место он занимал в нацистской иерархии?

На Нюрнбергском процессе по обвинению гитлеровских министров и высших чиновников (так называемом процессе Вильгельмштрассе) Штуккарт был признан виновным по всем статьям обвинительного заключения. Находясь среди тех, «кто задумал катастрофу», подчеркивалось на процессе, он участвовал в «преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности в гораздо большей степени», чем его непосредственный начальник — министр внутренних дел В. Фрик [21, vol. 14, p. 38], приговоренный после войны к смертной казни. Многие подписанные Фриком документы готовились либо самим Штуккартом, либо его сотрудниками. По утверждению выступивших на процессе свидетелей, постепенно он «стал реальным министром внутренних дел» [22, p. 108]. Возглавляя первый отдел министерства, в котором разрабатывалось законодательство третьего рейха, Штуккарт был одним из авторов расистских Нюрнбергских законов 1935 г., участником совещаний, на которых обсуждалось «окончательное решение еврейского вопроса», приверженцем принудительной стерилизации «расово-нежелательных элементов» [21, vol. 12, p. 22, vol. 13, p. 220, vol. 14, p. 638, 639].

Будучи членом Совета министров по обороне империи, Генерального совета управления четырехлетнего плана, начальником штаба генерального уполномоченного по вопросам имперской администрации и выполняя другие важные функции, Штуккарт принимал активное участие в подготовке аншлюса Австрии, захвата Чехословакии, агрессии против других европейских государств, в том числе против СССР [21, vol. 12, p. 24, 31, 32, vol. 14, p. 715; 23, Bd. 32, S. 13, 14, 68]. Более того, от его решений во многом зависела судьба целых стран и народов, поскольку именно статс-секретарь министерства внутренних дел возглавлял специально создаваемые в Берлине межведомственные комитеты по вопросам инкорпорации и гражданской администрации Польши, Норвегии, Эльзас-Лотарингии, Югославии, Греции и других оккупированных территорий. На заседаниях межведомственных комитетов готовились документы, определяющие границы третьего рейха, положение и судьбу фольксдойче, участь «расово-чуждого» населения оккупированных областей [21, vol. 12, p. 16, 32, 33, vol. 14, p. 632; 22, p. 107].

Бригадефюрер СС В. Штуккарт входил в группу особо доверенных лиц и консультантов Гиммлера, специализировавшихся в области жизненного пространства, колонизации покоренных земель и германизации славянских народов [22, p. 75]. Как начальнику штаба генерального уполномоченного по вопросам имперской администрации Штуккарту подчинялись не только министерство внутренних дел, но и министерства юстиции, просвещения, по делам религий, а также государственное управление территориального планирования (Reichsstelle für Raumordnung) 23, Bd. 31, S. 19; 24, с. 819], тайно образованное еще в 1934 г. в целях подготовки территории рейха к новой мировой войне и возглавляемое министром по делам религий Керрлом. Таким образом, Штуккарт был одной из самых злобных фигур второго эшелона национал-социалистской власти. 22 апреля 1941 г. именно ему поручили конкретную разработку плана расчленения Югославии и определения будущего как славянских народов, так и проживавших в этой местности этнических немцев.

Сотрудники руководимого Штуккартом межведомственного комитета по вопросам администрации оккупированных территорий Юго-Востока немедленно приступили к изучению директив Гитлера и ОКВ [20, s. 9—11; 24, с. 250—252, 429—430], протоколов венских совещаний 18 и 19 апреля 1941 г. и двух памятных записок, поступивших через несколько дней от государственного управления территориального планирования. Документы этого ведомства оказались весьма кстати для обоснования реорганизации «этнографических отношений» в Югославии, которую спустя некоторое время предложили Штуккарт и его помощники в «Меморандуме о положении и будущей судьбе немцев, проживающих на территории бывшего югославского государства». Более того, памятные записки были приложены к «Меморандуму» и, следовательно, составляли с ним единое целое. Поэтому без краткого ознакомления с их содержанием нельзя определить истинное значение предлагавшейся реорганизации.

В первой записке государственного управления территориального планирования от 24 апреля 1941 г. («Дунайское пространство как линия коммуникаций») отмечалось, что в «новой Европе» Дунаю предстоит стать «главной транспортной магистралью немецкого и европейского Юго-Востока», важным узлом коммуникаций, влияние которого распространяется, с одной стороны, «до Балтийского и Северного морей и, с другой стороны, до Средиземного моря и Индийского океана» [13, R. 2424, fr. E226980]. (Как мы увидим позже, Индийский океан упоминался здесь отнюдь не случайно.)

На этом основании авторы записки советовали Штуккарту руководствоваться в ходе реорганизации «этнографических отношений» следующим принципом: задача преобразования, писали они, является не только военно-политической, не только «проблемой включения проживающих там народов и народностей в новые границы, но и задачей, в высшей степени устремленной в будущее, — создания для народов новой основы жизни в соответствии с потребностями великогерманского рейха» [13, R. 2424, fr. E226983--E226984].

Эти положения получили дальнейшее развитие во второй записке ведомства Керрла — «Экономическое значение Дунайского пространства», датированной 26 апреля 1941 г., где открыто излагались «потребности великогерманского рейха» в Юго-Восточной Европе после окончания войны.

По мнению составителей записки балкано-дунайские страны станут тогда важной составной частью германского гроссвиртшафтсраума, аграрно-сырьевым придатком Германии. Вместе с тем Юго-Восточная Европа приобретает еще большее, прямо-таки колоссальное значение еще и потому, что, являясь переходной зоной, она обеспечивает не только подступы к Средиземному и Черному морям и Проливам, но и находится на полпути «к глубинам Передней, даже Центральной Азии, а также Африки», где тоже «надо обязательно обеспечить преимущество германского труда» [13, R. 2424, fr. E226977].

Само Балканское пространство, отмечалось далее в памятной записке, в свою очередь как бы распадется на две зоны. Одна охватывает подступы к Адриатическому и Эгейскому морям, другая — к Черному морю. Первая устремлена через Средиземное море в Северную Африку, Египет и Сирию, вторая — через Мраморное и Черное моря «в Переднюю Азию, Южную Россию, на Кавказ, а через Батуми и Эрзерум — в Закавказье и Иран. Обе крайние цели соединяются у Суэцкого канала, Месопотамии, Персидского залива и в конечном счете у Индийского океана».

Таким образом, пришли к заключению сотрудники Керрла, после войны Юго-Восточная Европа получит функции аграрного придатка германской экономики и одновременно станет переходной зоной к Северной Африке, Ближнему и Среднему Востоку, которые тоже войдут в сферу влияния германского империализма. Именно под этим углом зрения государственное управление территориального планирования рекомендовало приступать к реорганизации политических, экономических и «этнографических» отношений в балканских и дунайских странах [13, R. 2424, fr. E226978].

Даже беглого ознакомления с содержанием памятных записок от 24 и 26 апреля 1941 г. достаточно для того, чтобы обнаружить их удивительное совпадение с проводившимся в то время в Германии военно-стратегическим планированием на период после завершения операции «Барбаросса». До начала «молниеносной кампании» на Востоке правящие круги нацистского рейха не сомневались в поражении СССР.

Как явствует из дневника начальника генерального штаба сухопутных сил фашистской Германии Ф. Гальдера, вопрос об установлении «нового порядка» в Юго-Восточной Европе решался одновременно и в самой тесной взаимосвязи с подготовкой агрессии против СССР и наступательных операций на Ближнем и Среднем Востоке в соответствии с директивой № 32. Приведем только две записки из дневника Гальдера. 2 мая 1941 г.: «Провинция Банат остается пока под немецким владычеством. Имеется в виду передать ее Венгрии, если Румыния в качестве компенсации получит обратно Бессарабию (!)» [14, с. 497]. 4 июня: «Европа... Новая организация Балкан... Решение о проведении операции „Барбаросса“: оно имеет далеко идущие последствия... После выполнения этой задачи... существует возможность — громить англичан в метрополии... Следует развить англичан на периферии... После „Барбароссы“ — Мальта и Египет. Возможности (развития операции) из Юго-Восточной России, а также из Испании в Северо-Западную Африку. Организационные основы перестройки сухопутных войск для решения задач, стоящих перед Германией после операции „Барбаросса“, уже давно разрабатываются» [14, с. 560—561].

Дневник Гальдера лишний раз свидетельствует о том, что проблема национал-социалистской «реконструкции» Юго-Восточной Европы с весны 1941 г. быстро переросла в проблему стратегического порядка. Вопросы расчленения и политической организации югославской территории, положения фольксдойче и т. д. активно обсуждались верховным командованием вермахта и особенно командованием сухопутных сил, которое

добивалось, в частности, создания немецкого протектората восточнее Белграда («к северу и югу от Дуная»), подчеркивая тем самым важное военно-стратегическое и экономическое значение этого района [20, с. 9—10].

Германские генералы внимательно следили за деятельностью комитета Штуккарта и сами принимали участие в его работе. Не удивительно поэтому, что именно в документах и материалах военных руководителей впервые встречается упоминание о проектах, нашедших позднее подробное обоснование в «Меморандуме о положении и будущей судьбе немцев, проживающих на территории бывшего югославского государства». В частности, в дневнике Гальдера есть запись от 12 мая 1941 г.: «Командующий немецкими войсками в Сербии: совещание в Загребе. Белград — имперский город-крепость» [14, с. 519]. Разработка этой проблемы еще более ускорила в преддверии нападения фашистской Германии на Советский Союз и в первые недели войны.

В лице СССР германский империализм видел своего главного классового противника и основное препятствие на пути к завоеванию мирового господства. Гитлеровцы стремились ликвидировать советский общественно-политический строй, уничтожить первое в мире социалистическое государство, лишить советские народы национальной самостоятельности [25, с. 227]. От итогов операции «Барбаросса» в конечном счете зависела реализация всей программы «нового порядка», в том числе в Юго-Восточной Европе.

Первоначальные успехи вермахта на советско-германском фронте настолько вскружили голову нацистской верхушке, что она приступила к составлению самых чудовищных планов преобразования европейского континента, начиная с подключения СССР к гроссиртпафстрауму на правах деиндустриализированного, аграрно-сырьевого придатка «новой Европы» и кончая проектами физического истребления десятков миллионов людей. К июлю 1941 г. относится распоряжение Геринга о подготовке «окончательного решения еврейского вопроса» [23, Bd. 26, S. 266—267]. 15 июля оберфюрер СС К. Майер-Хетлинг представил Гимmlеру первый вариант «Генерального плана Ost» [26; 27; 28]. 15 июля статс-секретарь В. Штуккарт направил в министерство иностранных дел свой «Меморандум» [13, R. 2424, fr. E226950—E226972]. Все эти документы необходимо рассматривать во взаимосвязи, хотя «Меморандум» Штуккарта по своим масштабам и уступает «Генеральному плану Ost».

«Меморандум» как бы вобрал в себя все прежние предложения по этой проблеме, вырос из них и преобразовал их в политическую программу, которая после одобрения высшим руководством фашистской Германии подлежала немедленному выполнению. Изложенные там «принципиальные требования» были согласованы с «имперским комиссариатом по укреплению немецкой народности» и министерством иностранных дел на апрельских совещаниях в Вене [13, R. 2424, fr. E226949].

И в самом «Меморандуме», и в сопроводительном письме к нему прежде всего подчеркивалась необходимость «быстрого действия». «С этой точки зрения, — написано в заключительной части документа, — нынешний момент особенно благоприятен. Если же ситуация на Балканах снова консолидируется, будет трудно, если вообще возможно, выполнить даже самое необходимое» [13, R. 2424, fr. E226972].

Чем же была вызвана такая спешка? В первую очередь — тем громадным значением, которое начиная с 22 июня 1941 г. Юго-Восточная Европа приобрела в гитлеровских планах. Установление «нового порядка» в балканских и дунайских странах авторы «Меморандума» считали составной частью «всей германской восточной политики и, следовательно, реорганизации всего Восточного пространства. Преобразование (же) Восточного пространства, — указывали они, — предполагает создание прочного тыла с помощью соответствующих преобразований на Юго-Востоке... В будущем подчиненный Германии Дунайский регион должен охранять правый фланг германского рейха в Центральной Европе и особенно немецкого жизненного пространства на Востоке . . .» [13, R. 2424, fr. E226955—E226956].

Во-вторых — Юго-Восточной Европе в связи с разработкой гитлеровским руководством агрессивных планов на период после операции «Барбаросса» отводилась роль переходной зоны на пути к Ближнему и Среднему Востоку, Суэцкому каналу и Индийскому океану. Эта мысль подробно излагалась и в памятных записках ведомства Керрла от 24 и 26 апреля 1941 г., полный текст которых был приложен к «Меморандуму» Штуккарта⁵ [13, R. 2424, fr. E226974—E226985].

В-третьих, необходимость «быстрого действия» на Балканах после оккупации Югославии и Греции была вызвана стремлением фашистской Германии с помощью «Volkstumpolitik» нейтрализовать движение сопротивления народов этих стран, держать их в состоянии постоянного напряжения, готовя почву для их предстоящего растворения в германском жизненном пространстве. Настаивая на проведении «принципиальной Volkstumpolitik» в балкано-дунайском регионе, авторы «Меморандума» одновременно рекомендовали «во время войны избегать в отношении Венгрии (и других государств.— В. Б.) слишком сильных мероприятий, могущих повлечь за собой негативные внешнеполитические последствия» [13, R. 2424, fr. E226965].

Можно назвать еще одну причину такой спешки — это подготовка будущей немецкой колонизации Юго-Восточной Европы. Для начала в документе предлагалось заселить территории, непосредственно примыкавшие к новым границам Германии: «Охрана юго-восточной границы германского рейха вызывает необходимость заселить немецкими крестьянами... широкую полосу южнее Савы... С этой целью следует выселить большую часть проживающих там в настоящее время людей, чтобы освободить место для немецких колонистов» [13, R. 2424, fr. E226958]. Таким образом, немецкая колонизация как Восточной, так и Юго-Восточной Европы предполагала массовую депортацию местного населения из важных в военно-стратегическом и экономическом отношении земель.

Высказываясь в принципе против возвращения фольксдойче в рейх, авторы «Меморандума» солидаризировались с идеями, изложенными еще 17 июня 1940 г. в памятных записках «Фольксдойче миттельштелле», полагая, что «проблему этнических немцев в областях с более плотным немецким населением (Бачка, Баранья, Сирмия, Банат) нельзя рассматривать отдельно от проблемы немецких групп, проживающих на территории государств-наследников (Югославии) и соседних государств, особенно Венгрии и Румынии» [13, R. 2424, fr. E226955].

Эта на первый взгляд неопределенная фраза проясняет цели и задачи «Меморандума» Штуккарта — позаботиться о судьбе бывших югославских фольксдойче как представителей «высшей расы». Авторы документа считали, что имеющихся в их распоряжении планов вполне достаточно для разработки мероприятий по «укреплению немецкой народности» в балкано-дунайских странах [13, R. 2424, fr. E226950].

В данном случае составители «Меморандума» использовали уже существующие проекты, а именно рекомендации подкомиссии во вопросам «народности» от 19 апреля 1941 г. Эти рекомендации были положены в основу обширного комплекса практических мероприятий, направленных на консолидацию немецких меньшинств в Юго-Восточной Европе, особенно в Венгрии.

Решение проблемы предлагалось начать с заключения новых межгосударственных договоров о фольксдойче, в которых бы четко оговаривались и гарантировались права этнических немцев как интегральной части народа — создателя «нового европейского порядка». Образцом должен был стать договор с Хорватией, урегулирование вопроса об этнических немцах с которой, полагали авторы «Меморандума», является сравнительно простым делом [13, R. 2424, fr. E226966].

⁵ В качестве других приложений к «Меморандуму» Штуккарта фигурировали этнографическая карта Югославии, карта с обозначением мест проживания фольксдойче в Югославии и предложения о дополнительном германо-венгерском соглашении относительно немецкого меньшинства в Венгрии.

Самого несговорчивого контрагента на будущих переговорах сотрудники Штуккарта видели в лице Венгрии, которая, по их мнению, проводила опасную политику мадьяризации фольксдойче. При знакомстве с «Меморандумом» складывается впечатление, что гитлеровцы были готовы буквально проглотить своего союзника по Тройственному пакту, и только необходимость успешного завершения мировой войны заставляла их сдерживаться. «В то время, — подчеркнуто в документе, — когда для выполнения... задач по установлению нового порядка рейх... нуждается в каждом немце, было бы невосполнимой утратой... пассивно наблюдать за процессом мадьяризации немцев [13, R. 2424, fr. E226966]. Такому процессу, настаивали авторы «Меморандума», следует положить конец. Они рекомендовали привести в движение все возможные рычаги давления на Венгрию, чтобы не только помешать мадьяризации, но и «возвратить рейху» частично ассимилированных фольксдойче. Здесь-то и должны были применяться такие средства давления, как требования административной и культурной автономии, возможности выезда этнических немцев, двойного гражданства, т. е. меры, рекомендованные подкомиссией по вопросам «народности» 19 апреля 1941 г. [13, R. 2424, fr. E226967].

Только урегулирование проблемы фольксдойче на манер уже осуществленного в протекторате Богемия и Моравия, полагали эксперты министерства внутренних дел, поставит венгерских немцев в положение, которое им подобает как «единственным творцам и носителям культуры как в Венгрии, так и вообще на Балканах» [13, R. 2424, fr. E226967]. Как хотелось гитлеровцам еще до окончания войны создать в Юго-Восточной Европе пару новых протекторатов!

Любопытно, что образование одного из них предусматривалось командованием вооруженных сил и управлением четырехлетнего плана. Отталкиваясь от этой идеи, Штуккарт и его сотрудники рекомендовали расширить границы немецкого протектората в Тимокской области от Дуная на севере до Бора⁶ на юге и от района Белграда вниз по Дунаю — вплоть до Железных Ворот. «Только так для рейха была бы обеспечена жизненно важная транспортная магистраль, непосредственно связанная с проведением будущей германской восточной политики» [13, R. 2424, fr. E226970], — говорилось в «Меморандуме».

И здесь мы подходим к самому главному. Сотрудники Штуккарта полагали, что своего рода гарантом выполнения межгосударственных договоров о фольксдойче, гарантом безопасности немецких протекторатов в Балкано-Дунайском регионе, а в конечном итоге гарантом национал-социалистической «Volkstumpolitik» и господства германского империализма в Юго-Восточной Европе могла бы служить «имперская крепость Белград», отправная идея о создании которой восходит к XVIII в. Как указывалось в «Меморандуме», первым эту идею выдвинул и пытался реализовать принц Евгений Савойский, намеревавшийся в ходе войн с турками превратить Белград в «габсбургскую имперскую крепость», разместив в нем постоянный немецкий гарнизон и заселив его окрестности немецкими военными колонистами.

Имея в виду «чрезвычайное геополитическое и стратегическое значение» Белграда и исходя из посылки, что «лишь тот господствует над Железными Воротами и Веной..., кто удерживает в своих руках Белград» [13, R. 2424, fr. E226956], составители «Меморандума» ратовали за гальванизацию старой идеи в условиях второй мировой войны. «...Обладание (районом Белграда. — В. Б.) имеет для германского рейха решающее значение, — подчеркивалось в «Меморандуме» Штуккарта. — Находясь в немецких руках, Белград будет охранять рейх от нашествия азиатских и славянских народов... Оттеснение сербов от Дуная и, следовательно, от Белграда привело бы к ликвидации их политического значения» и помешало бы образованию очагов «заговора» против «нового европейского порядка» [13, R. 2424, fr. E226970]. Таким образом, нацистскими экспертами называлась еще одна немаловажная функция «имперской крепости

⁶ В Боре находилось крупнейшее в Европе месторождение меди.

Белград» — в самом зародыше подавлять антифашистское сопротивление народов балканских и дунайских стран.

«Чтобы раз и навсегда обеспечить господство рейха в Дунайском бассейне и тем самым... устранить любую опасность для народа и рейха, — говорилось далее в „Меморандуме“, — Белград вместе с предместьями должен отныне перейти к рейху как имперская крепость с немецким гарнизоном... Таким способом была бы обеспечена германская политическая, военная и транспортная позиция на Дунае, а также позиция в отношении Сербии, Хорватии, Венгрии, Румынии и Болгарии» [13, Р. 2424, fr. E226956]. В случае осуществления идеи «имперской крепости Белград» вся Юго-Восточная Европа оказалась бы под прицелом германского империализма.

Итак, проекты сооружения «имперской крепости Белград» являли собой сложную многоцелевую программу, направленную на установление абсолютного господства фашистской Германии в Юго-Восточной Европе в условиях начавшейся агрессии против СССР и подготовки к завоеванию Северной Африки, Суэцкого канала, Ближнего и Среднего Востока. Ядро программы составлял лозунг «укрепления немецкой народности» и немецкой колонизации важнейших стратегических пунктов Балкано-Дунайского региона, в первую очередь «валов»⁷ и «сплошных полос» вдоль Дуная и его притоков. Как известно, создание подобных «опорных пунктов», «сплошных полос», продольных и поперечных «валов» немецких поселений наряду с массовой депортацией «расово-чуждого» населения предусматривалось и «Генеральным планом Ост», причем в неизмеримо больших размерах. Не являлся ли «Меморандум» Штуккарта одним из тех документов, которые позже эсэсовцы намеревались включить в «Общий план» немецкой колонизации Европы?

Авторы «Меморандума о положении и будущей судьбе немцев, проживающих на территории бывшего югославского государства» исходили из авантюрных представлений, согласно которым германское жизненное пространство будет завоевано в серии быстротечных, молниеносных войн. Именно поэтому крах стратегии блицкрига на советско-германском фронте оказался глубинной причиной того, что «имперская крепость Белград» так никогда и не стала реальностью. Неожиданным для нацистов был и размах антифашистского сопротивления народов Югославии, принявшего форму народно-освободительной войны против оккупантов и их приспешников.

Идея возведения «имперской крепости Белград» не была воплощена в жизнь. Но значит ли это, что «Меморандум» Штуккарта не имел никакого практического значения, оставаясь лишь образчиком планирования гитлеровского «нового порядка»? Нет. С самого начала документ стал предметом оживленных дискуссий среди нацистских руководителей. Под давлением министерства иностранных дел и других инстанций Гитлеру пришлось уточнить свое решение о судьбе фольксдойче Юго-Восточной Европы [29, р. 212] и заявить, что в течение войны никакого переселения этнических немцев из этого региона происходить не должно [29, р. 296]. Тем самым проблема немецкой колонизации долины Дуная оставалась открытой и в последующие годы, и в случае благоприятного для Германии развития событий нацисты могли приступить к ее осуществлению. Мечты о «жизненном пространстве», гроссвиртшафтсрауме, «имперской крепости Белград» и другие агрессивные планы германского империализма оказались окончательно перечеркнутыми и выброшенными на свалку истории в результате победы государств антигитлеровской коалиции во главе с Советским Союзом и охватившего весь европейский континент движения антифашистского сопротивления.

⁷ Этот термин употребляется на с. 9 «Меморандума» [13, Р. 2424, fr. E226958].

1. *Wehler H.-U.* «Reichsfestung Belgrad». Nationalsozialistische «Raumordnung» in Südosteuropa.— Vierteljahrshette für Zeitgeschichte. Stuttgart, 1963, H. 1.
2. Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa Bd. V. Bonn, 1961; Der Donauschwabische Lehrer. Bd. 1. München, 1959.
3. *Zöller M.* Jugoslawien in der imperialistischen Politik Deutschlands von 1915 bis 1945. Expansion — Aggression — Okkupation. Diss. B. Berlin, 1977; *The Third Reich and Yugoslavia 1933—1945.* Beograd, 1977; *Bozic N., Mitrović R.* Vojvodina i Beograd sa okolinom u planovima Treceg Rajha.— Zbornik za durštvvene nauke Maticе srpske. T. 48. Beograd, 1968; *Paikert G. C.* The Danube Swabians. German Populations in Hungary, Rumania and Yugoslavia and Hitler's impact on their Patterns. The Hague, 1967.
4. *Wuescht J.* Jugoslawien und das Dritte Reich. Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-jugoslawischen Beziehungen von 1933 bis 1945. Stuttgart, 1969, S. 264.
5. *Wehler H.-U.* Nationalitätenpolitik in Jugoslawien. Die deutsche Minderheit 1918—1978. Göttingen, 1980.
6. Völkischer Beobachter, 1939, 7 X.
7. *Biber D.* Nacizem in Nemci v Jugoslaviji 1933—1941. Ljubljana, 1966, s. 213.
8. Misstrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919/1970. Dokumentation und Analyse. Düsseldorf, 1970, S. 136.
9. *Mirnić J.* The Enlistment of Volksdeuschers from the Backa region in the Waffen SS.— The Third Reich and Yugoslavia 1933—1945. Beograd, 1977, p. 624.
10. Die wirtschaftspolitische Parole. München, 1940, 5. August, S. 472—473.
11. Die Vergangenheit warnt. Dokumente über die Germanisierungs- und Austilgungspolitik der Naziokkupanten in der Tschechoslowakie. Prag, 1962, S. 65.
12. *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 1. М., 1973, с. 58—60.
13. The National Archiv of United States: A microfilm publication. Microcopy T-120.
14. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. Т. 2. 1939—1942 г. М., 1969.
15. *Фомин В. Т.* Фашистская Германия во второй мировой войне. Сентябрь 1939 г.— июнь 1941 г. М., 1978, с. 192, 194.
16. *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976, с. 282—283.
17. *Пушкаш А. И.* Венгрия во второй мировой войне. Внешняя политика Венгрии (1938—1944). М., 1963.
18. Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962, с. 210—212.
19. I Documenti Diplomatici Italiani. Serie 9, vol. 5. Roma, 1965, p. 583.
20. Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije. T. 12, knj. 1. Beograd, 1973.
21. Trials of War Criminals before the Nurenberg Military Tribunals under Control Council Law № 10. Vol. 12, 13, 14. Washington, 1950—1953.
22. Survey of International Affairs 1939—1946. Hitler's Europe. London, 1954.
23. Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Bd. 26, 31. Nürnberg, 1947.
24. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 2. М., 1958.
25. История второй мировой войны 1939—1945. Т. 3. М., 1974.
26. *Носкова А. Ф.* Захватнические планы гитлеровской Германии на Востоке Европы. — В кн.: Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971, с. 186.
27. *Безыменский Л. А.* Разгаданные загадки третьего рейха. Книга не только о прошлом. М., 1980, с. 258.
28. *Семирага М. И.* Фашизм, расизм, национализм. — Расы и общество. М., 1982, с. 81.
29. Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D, vol. 13. Washington, 1963.

ЗАЙЦЕВ В. В

РУССКО-СЕРБСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ 80-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Отношения великой] державы — Российской империи и небольшого балканского государства — Сербского королевства в конце 80-х годов XIX в. не представляют собой какого-то законченного периода их межгосударственных связей. Сербия с 1881 г. находилась в тесной экономической и политической зависимости от Австро-Венгрии и неправомерность такого положения пока серьезно не оспаривала. Однако в конце 80-х годов, а точнее в 1888—1889 гг. в Сербии обострился политический кризис, следствием которого было отречение от престола короля Милана Обреновича. Это привлекло к Сербии внимание «наиболее заинтересованных» великих держав — России и Австро-Венгрии и усилило борьбу за нее на внешнеполитической арене и в известной степени внутри правящих кругов Петербурга и Вены по вопросу о методах осуществления балканской политики.

Россия в это время была занята вопросами «большой политики» — постепенным сближением с Францией в ущерб отношениям с Союзом трех императоров, соперничеством с Англией в Азии, дальневосточными проблемами и не рассматривала борьбу за Балканский регион в качестве своей главной стратегической задачи. Но это не означало, что Россия согласилась бы с утверждением на Балканском полуострове своих соперников и, прежде всего, Австро-Венгрии.

Петербургский кабинет исходил из соображения, что еще не настало время осуществить свою давнишнюю мечту — приобрести черноморские проливы. Поэтому Россия считала необходимым лишь укреплять свои позиции на Балканском полуострове и не допускать территориального расширения Дунайской монархии и распространения ее влияния.

Следовательно, вопрос об отношениях с Сербией имел немаловажное значение для России. Ее внешнеполитический аппарат чутко реагировал на малейшие изменения ситуации, стремясь по возможности положительно решить частную задачу своей балканской политики.

Борьба великих держав за Балканы в последнем двадцатилетии XIX в. и сложная политическая жизнь завоевавших независимость балканских государств привлекает внимание историков различных направлений. В фундаментальных исследованиях по истории Югославии [1] и в работах, посвященных частным вопросам, русско-сербские отношения этого периода затронуты в общем виде, применительно к предмету исследования [2]. Буржуазная историография стремится подчеркнуть лишь негативные моменты в русско-сербских отношениях [3]. Она отрицает тот очевидный факт, что, в отличие от Австро-Венгрии, Россия, борясь за Сербию, защищала ее суверенитет и не допускала ее превращения в полузависимое государство.

Зайцев Виктор Владимирович — канд. ист. наук, доцент кафедры истории КПСС Московского технологического института легкой промышленности.

Следовательно, восстановление картины политических двусторонних отношений России и Сербии помогает опровергнуть фальсификаторские версии и представить их в подлинном виде. В этом научная значимость рассматриваемой проблемы.

В 80-е годы XIX в. Сербское королевство находилось в состоянии почти непрерывного кризиса. Его политическим выражением была частая смена кабинетов и острая межпартийная борьба. За 25 лет (1878—1903) сменилось 20 кабинетов [1, с. 493]. Политическая нестабильность усугублялась тяжелым экономическим положением: за 11 лет (1876—1887) государственный долг увеличился с 11 798 159 фр. до 294 млн франков [4, ф. Славянский стол, 1884, д. 8897, л. 34].

Король Милан старался удержаться на престоле, а если и отречься — то наиболее эффектно и с максимальной выгодой для себя и династии. Отсюда его непрерывные политические маневры, зигзаги, интриги, которые позволяли ему успешно манипулировать с тремя имеющимися в Сербии политическими партиями. Последнее особенно ярко проявилось во время краткосрочного пребывания у власти коалиции либералов и радикалов и сменившего ее затем первого кабинета радикалов.

Отказавшись в апреле 1888 г. от услуг радикалов, Милан создал своеобразный по составу кабинет. Он был сформирован из партии напредняков-австрофилов, а возглавил его беспартийный генерал Никола Христич, подавивший в 1883 г. Заечарское восстание. Генерал пользовался репутацией волевого человека, умеющего «навести порядок». На него уповал Милан в последний год своего царствования. Сербский король полагал, что Христич хотя бы временно умиротворит страну, и он получит возможность подготовиться к возможному уходу с престола. Милан имел в виду заключение ряда соглашений, подтверждающих прежний политический курс королевства и обеспечивающих материальные интересы династии Обреновичей и его лично.

Говоря о первых шагах нового кабинета, российский поверенный в делах В. С. Сергеев 16 мая 1888 г. отмечал, что Христич начал сразу пресекать публикацию антиавстрийских материалов и критику внешней политики напредняков [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 439, л. 142—143 (с об.)]. В конце июня 1888 г. возвратился из отпуска российский министр-резидент в Белграде А. И. Персиани. По традиции он нанес визиты королю, Христичу, министру иностранных дел Ч. Миятовичу и двум бывшим главам кабинетов Й. Ристичу и С. Груичу. Милан говорил с российским дипломатом «оправдывающимся тоном» об отставке кабинета радикалов, объяснил назначение Христича желанием сохранить порядок. Персиани не преминул заметить, что в стране все будет спокойно, пока Христич не начнет, как в 1883 г., «переполювать чашу терпения» [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 439, л. 165]. Глава кабинета Христич высказал сожаление, что «обстоятельства не позволяют ему показать на деле преданность России» [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, л. 167], чему Персиани, памятуя аналогичное заявление, сделанное генералом в 1883 г., не придавал значения.

В более дружественном тоне прошла беседа Персиани с вождем либералов Ристичем и экс-премьером Груичем. Последнему он высказал официальное мнение Петербурга, что «в своей оппозиции радикалы должны быть осторожны, так как Россия не намерена поддерживать и поощрять революционное движение». Это свидетельствовало о том, что курс российской политики в отношении Сербии оставался неизменным. Но Персиани делал общий вывод, что «все свидетельствует о натынутом положении в Сербии, где любая случайность может вызвать крупные осложнения, не говоря о неминуемом банкротстве» [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 439, л. 168—169]. Это был мрачный прогноз и принадлежал он дипломату, хорошо знающему страну аккредитации.

Предвидение Персиани вскоре подтвердилось. Сербия привлекла к себе внимание Европы в связи с бракоразводным процессом королевской четы. Сами по себе неурядицы в королевской семье не были чем-то сенсационным — Милан никогда не отличался супружеской верностью. Но

в данном случае на первом месте были политические мотивы. Королева Наталья полагала, что непопулярная политика короля (неудача в войне с Болгарией, постоянная политическая нестабильность в стране, возмущение широких народных масс), закончится революционным взрывом, который сметет династию и поэтому считала целесообразным добиться отречения Милана в пользу сына, до совершеннолетия которого страной должен управлять регентский совет с ее участием [5, S. 2—4]. Эти обстоятельства использовали политические противники Милана внутри страны и в эмиграции. Они объявили сербскую королеву — дочь русского полковника, «высшей представительницей и защитницей русского влияния в Сербии» [6, 1888, VIII, с. 822]. Это, конечно, было явным преувеличением, о чем свидетельствовали даже убежденные австрофилы [7, p. 128]. Со своей стороны королева искала поддержки у оппозиционных элементов и часто апеллировала к России.

Россия твердо придерживалась мнения о невмешательстве во внутренние дела суверенного государства, тем более в семейные отношения царствующего дома. Но вопрос о преемнике Милана безусловно интересовал правящие круги России. На основании донесений Персиани сложилось мнение, что сербская королева стремится заняться политической деятельностью и даже возглавить регентство исключительно во имя сохранения престола за сыном. Поэтому руководство российской дипломатией воспринимало это стремление весьма сдержанно, если не сказать отрицательно.

Тем не менее, в Петербурге решили полностью не устраняться от семейного конфликта королевской четы. Поддержка королевы против теряющего престиж короля могла сослужить свою службу — помочь укрепиться в Сербии. Моральным основанием для этого было возмущение в общественных и правительственных кругах России поведением Милана и их сочувствие оскорбленной королеве, супруге, матери.

Факту развода и связанному с ним скандалу предшествовал инцидент с королевой Натальей в Висбадене. Наталья имела устное соглашение с Миланом, по которому до совершеннолетия сына — престолонаследника Александра, наступавшего в 1893 г., она соглашалась жить за границей и не приезжать в Сербию без согласия короля [6, 1888, VIII, с. 822—823]. Но, проживая за границей, Наталья вела активную политическую жизнь, поддерживая постоянную связь с оппозицией, причем не только с радикалами и либералами, но и с лично недовольными Миланом напреднячками вождями.

Узнав об очередной отставке кабинета радикалов и обострении обстановки в Сербии, Наталья решила возвратиться в страну [4, ф. Канцелярия, 1888, оп. 470, д. 10, л. 57]. Правительство генерала Христича, опасаясь политической деятельности королевы, и Милан, полагавший, что Наталья должна довольствоваться лишь ролью бывшей королевы, разведенной супруги, не хотели допустить этого. При этом Милан решил отобрать у Натальи сына, опасаясь, что он воспримет ее взгляды на отца [5, S. 4].

Австро-Венгрия пыталась взять семейные дела Милана в свои руки. Российский поверенный в делах А. С. Сомов сообщал 14 мая 1888 г., что глава габсбургской дипломатии граф Г. Кальноки отговаривал приехавшую в Вену Наталью от возвращения в Сербию, а Милана от развода [4, ф. Канцелярия, 1888, оп. 470, д. 10, л. 65]. Но убеждения не действовали. Конфликт перерос рамки обычной семейной ссоры, и стороны уже не могли прислушиваться к советам и проявлять способность к компромиссам.

Радикалы открыто готовили Наталье торжественную встречу в Белграде. Один из руководителей этой партии К. Таушанович в начале мая обратился в российскую миссию с просьбой содействовать приезду королевы, заявив, что «приезд Натальи крайне необходим для противодействия австрийскому влиянию» [4, ф. Канцелярия, 1888, оп. 470, д. 10, л. 69]. Глава кабинета генерал Христич развернул кипучую деятельность по укреплению положения короля и правительства. Была усилена

цензура. Подверглись репрессиям сербские органы печати, допускавшие критику политического курса [5, S. 9]. В частности, редактор газеты крайне националистического направления «Велика Србија» Кочанский был приговорен белградским судом к годичному заключению [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 440, л. 21]. Усилилась перлюстрация писем и конфискация иностранных газет, если в них было хотя бы упоминание о бракоразводном деле [5, S. 10].

Белградское правительство, опасаясь неизбежного проявления политических страстей в случае приезда Натальи в Сербию, советовало Милану встретиться с ней в Вене, и там решить вопрос о судьбе сына [4, ф. Канцелярия, 1888, оп. 470, д. 10, л. 60]. Но Наталья категорически отказалась передать сына на воспитание отцу и, уехав в Германию, в Висбаден, обратилась к императору Вильгельму с просьбой о защите. Он уверил королеву, что примет надлежащие меры [5, S. 5].

Поступок Натальи вызвал смятение в сербских правящих кругах. Милан приказал своему военному министру генералу К. Протичу срочно выехать в Германию и любым путем забрать престолонаследника у матери. Протич обратился за содействием к местным властям [4, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 10, л. 97, 106]. Просьба его была официально поддержана сербским правительством. В такой обстановке Наталья обратилась за обещанной помощью к германскому императору, но получила от него ответ, что «Милан прав как глава семьи, ее господин и отец сына» [5, S. 5—6]. Начальнику висбаденской полиции было приказано помочь посланцу короля Милана, что он и выполнил.

Факт насилия вызвал широкий международный отклик. Причем симпатии были на стороне Натальи. Даже австро-венгерская пресса, не имеющая оснований быть довольной Натальей, отрицательно писала о способе разрешения Миланом своего семейного конфликта. По мнению публицистов, такие действия могли лишь повредить авторитету сербской монархии внутри и вне страны.

В Сербии Наталья значительно увеличила число своих сторонников [8, 1888, № 8, с. 328]. Ее начали поддерживать все недовольные Миланом, а их было немало. Королева это хорошо понимала и использовала. Так, она обратилась с просьбой к одному из лидеров напредняков М. Пирочанцу быть ее адвокатом на предстоящем бракоразводном процессе [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 440, л. 37; ф. Канцелярия, 1888, оп. 470, д. 10, л. 118]. Милан был разгневан на напредняков за сочувствие Наталье. Руководители этой партии Ст. Новакович и М. Гарашанин были, по сути, высланы за пределы Сербии: первый получил пост посланника в Турции, а второй демонстративно отказался от предложенной должности посланника в Италии и выехал из страны.

В России сторонники активной балканской политики в лице правых националистических кругов пытались использовать конфликт в королевской семье для активизации русской политики на Балканском полуострове. Видный славянофильский публицист генерал А. А. Киреев отмечал в дневнике, что дочь великого князя Константина Ольга — греческая королева, горюет о Наталье и наградила Милана эпитетом «мерзавец», который хотя и не парламентский, но справедливый [9, л. 85, запись 10 ноября 1888].

Правящие круги России и дипломатическое ведомство были более сдержанными. Директор Азиатского департамента И. А. Зиновьев телеграфировал русскому представителю в Белграде, чтобы он «оказывал королеве наше содействие... с соблюдением осторожности» [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 440, л. 29]. Через несколько дней в письме к Персиани Зиновьев писал о необходимости «...насколько позволяет официальное положение, защищать королеву и удовлетворить просьбу королевы оказывать посредничество в сношениях с ее белградскими приверженцами» [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 439, л. 188—189 (с об.)].

Установка на сдержанность вызывала ярость правых кругов. Не имея возможности прямо влиять на политику — это было исключительно прерогативой Александра III, они пытались внушить ему свои взгляды. Учи-

тывая крутой нрав самодержца, сделать это было непросто. Поэтому объектом нападков являлось министерство иностранных дел и его глава Н. К. Гирс. В критике состязались консервативно-монархические и либеральные органы. Осуждение внешнеполитического курса иной раз вызывало «высочайшее неодобрение». Царь понимал невозможность вмешательства в события, которые могли бы вызвать какие-либо международные осложнения. Это направление во внешней политике особенно ярко проявлялось в конце 80-х годов XIX в., когда союз трех императоров фактически перестал существовать и был заменен договором перестраховки, а русско-французский союз еще не был заключен. Но политическая переориентация была делом времени и сближение двух великих держав продолжалось.

Для утверждения нового политического курса и реабилитации внешнеполитического ведомства была предпринята ревизия политики прошлого. Министерство поручило бывшему министру-резиденту в Черногории А. С. Ионину составить полный обзор дипломатических событий предыстории русско-турецкой войны и ее последствий «с объяснением для государя славянского дела», как отмечал Киреев [9, л. 55—56, запись за май 1888].

А. С. Ионин ретроспективно осуждал политический курс прошлых лет, который создал прецедент для участия России в войне с Турцией [10, оп. 1, д. 56, л. 7—8 (с об.)]. Он вполне разделял точку зрения руководителей министерства, что проведение какой-то особой славянской политики вредит интересам России [10, оп. 1, д. 56, л. 56—59 (с об.)].

Такие выводы возмущали Киреева и его единомышленников, но им приходилось ограничиваться лишь рассуждениями в дневниках и личных разговорах об обязанностях России в отношении славянства [9, л. 65, запись 26 июля 1888].

Разделяя умеренность взглядов «верховой власти» по славянскому вопросу, духовное ведомство России — Св. Синод очень долго не высказывал своего отношения к бракоразводному делу. Суть казуистики состояла в том, что сербский церковный собор отказал Милану в разводе. Но отказ не остановил короля, и он получил развод от своей креатуры — главы сербской церкви митрополита Феодосия Мраовича [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 439, л. 233].

Сторонники активных действий не могли не согласиться с мнением царя о невозможности государственного «воздействия» на разведенного короля. Поэтому они стремились дать принципиальную оценку развода по церковной линии. Генерал Киреев негодовал в дневнике, что «Победопосцев (обер-прокурор Синода. — В. З.) приходит в исступление от одной лишь мысли, что надо высказаться по бракоразводному делу... я не видывал, — продолжал генерал, — большей энергии в трусости...» [9, л. 82, запись 23 октября 1888].

Отрешенный в 1881 г. Миланом от должности сербский митрополит Михаил, проживавший в России в качестве гостя Синода, тоже воздержался от протеста, чтобы не вызывать нареканий в адрес оказавшего ему гостеприимства Синода. Кроме того, он был тесно связан с сербской оппозицией и не хотел лишиться раз привлекать к себе внимания. Хорошо осведомленный Киреев отмечал, что «Михаилу из Сербии передовые люди ничего не велят писать, так как преждевременно» [9, л. 86, запись 10 ноября 1888]. Активно настроенный генерал делал вывод, что «...в Сербии, по видимому, что-то происходит, готовится» [9, л. 86—87, запись 10 ноября 1888]. Через десять дней он вновь отмечал, что «в Сербии готовятся события: Милан сделался до того непопулярным, что даже Австрия готова его бросить» [9, л. 88, запись 20 ноября 1888].

Эти слова верно характеризовали положение сербского короля, который терял остатки своего престижа. У него оставались сторонники и друзья лишь в армии [5, S. 9—10]. Милан, понимавший сложность своего положения, не без оснований полагал, что в какой-то момент Австро-Венгрия перестанет его поддерживать и может сделать ставку на династию Карагеоргиевичей. Генерал Киреев отмечал, что Петр Карагеоргиевич может

стать орудием в австрийских руках. Он полагал, что Россия должна поддерживать престолонаследника Александра Обреновича, поскольку он крестник Александра III [9, л. 88, запись 20 ноября 1888]. Министр-резидент в Сербии Персиани неоднократно высказывал мнение, что в интересах России была бы замена династии. Но главное, что следовало из установок Александра III — проводить в отношении Сербии максимально осторожный курс политики и не давать повода к осложнениям в Юго-Восточной Европе.

Что же касается отношения правящих верхов России к королеве Наталье, то в конце ноября 1888 г. определились два официальных направления. Первое состояло в том, что Александр III предпочел считать развод сербской королевской четы внутренним делом суверенного государства. Киреев сокрушался, что «государь вообразил, что все идет очень не дурно. Славяне-де придут к нам со временем, а развод Милана — дело внутреннее» [9, л. 89, запись 29 ноября 1888]. Из этого следовало, что панслависты не могут рассчитывать на активизацию политики. В составленном ближайшим помощником министра иностранных дел Гирса графом В. Н. Ламздорфом документе о внешней политике России в период правления Александра III об этом было сказано, что он «... неизменный в своем благоволении к молодым балканским государствам, решил предоставить им полную свободу действий..., руководя ими лишь словами одобрения или порицания...» [10, оп. 1, д. 53, л. 6]. С другой стороны, к Наталье продолжали относиться как к королеве. Это четко, но сдержанно проявилось во время ее приезда в Россию после инцидента в Висбадене.

До последнего времени поездки Натальи в Россию были обычным делом. Она часто навещала свою тетку княгиню Мурузи и других родственников, проживающих в южных губерниях. При этом ей оказывались почести, полагающиеся царствующим особам во время их частных визитов. Изъявив желание приехать после развода в Россию, Наталья придавала большее значение ожидающему ее приему. Это должно было лишний раз выразить отношение России к факту развода и политическому курсу Милана вообще. В начале сентября 1888 г. княгиня Мурузи обратилась к временному одесскому генерал-губернатору генералу-от-инфантерии Х. Х. Роону с вопросом о возможности приезда Натальи и о том, как она будет принята [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 441, л. 2].

Министр иностранных дел предложил считать, что положение Натальи не изменилось. Поэтому она может рассчитывать на прием, оказываемый ей обычно. Но в ее интересах было бы желательно не допускать шумного проявления к ней сочувствия [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 441, л. 3—4].

Следовательно, официальные круги России, не признавая Мраовича главой сербской церкви, проигнорировали совершенное им расторжение брака Милана и Натальи. Это лишний раз подтверждало негативное отношение правящих сфер Петербурга к политике сербского короля, который все больше терял опору в своем народе.

Анализируя политическую ситуацию в Сербии, русский либерально-дворянский журнал отмечал, что «собственные ошибки и слабости его (Милана. — В. З.) скорее приведут к критической развязке, чем предполагаемые козни и интриги оппозиции» [6, 1888, X, с. 825].

После скандала с разводом Милан предпринял два шага. Он потребовал от Австро-Венгрии безоговорочной поддержки его в семейном вопросе. В противном случае он угрожал отречься от престола и даже не допустить воцарения сына, чтобы исключить влияние Натальи на политику страны [4, ф. Канцелярия, 1888, оп. 470, д. 10, л. 128]. На этот раз его не уговаривали отказаться от мысли об отречении, однако дали понять, что Дунайская мопархия будет вынуждена принять меры для охраны своих интересов [4, ф. Канцелярия, 1888, оп. 470, д. 10, л. 140]. Это звучало как угроза. В различных органах европейской печати усиленно муссировались слухи о возможных военных санкциях Венги против Сербии в случае внутренних изменений в последней. Российскому послу в Вене кн. А. Б. Лобанову-Ростовскому было поручено объясниться с австро-венгерским министром

многосторонних дел по поводу слухов и заявить, что «Россия не отнесется к этому вмешательству равнодушно» [4, ф. Отчеты, 1888, л. 14].

Второй шаг Милана касался внутренней политики. Через два дня после расторжения его брака митрополитом Мраовичем, Милан объявил о своем согласии на созыв Великой скупщины для пересмотра конституции. Это должно было сгладить недовольство широких народных масс Сербии своим королем и вместе с тем оттеснить на задний план проблемы королевы Натальи, тем более, что ее обращение к одному из вождей напредняков М. Пирочанцу за помощью в качестве адвоката резко снизило ее престиж в народе [11, 1889, № 1—2, январь, с. 39].

В тронной речи при открытии Великой скупщины Милан не упустил случая дать почувствовать Вене недопустимость ее угроз. Говоря о необходимости для Сербии находиться в наилучших отношениях с Австро-Венгрией и Турцией, он поставил на один уровень Франца-Иосифа и султана Абдул-Гамида, что должно было «умалить гордого Габсбурга». Затем впервые с 1881 г. в речи Милана прозвучали слова благодарности России и Александру III [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 439, л. 249—250]. В этом тоже был скрыт определенный смысл — Милан не оставлял мысли исправить свои отношения с великой славянской державой или хотя бы припугнуть Вену возможностью изменения курса.

Но это было неосуществимо. Россия четко и последовательно порицала политический курс Милана и не реагировала на его зондаж по поводу примирения. Помимо этого, Милан и Дунайская монархия были связаны прочными узами и представляли друг для друга интерес. Несмотря на то, что Милан своими поступками часто компрометировал Австро-Венгрию, ее правящие круги были против отречения сербского короля. Во всяком случае, Вена соглашалась на уход Милана с политической арены при условии сохранения Сербией прежнего курса. Необходимый венской дипломатии документ был подписан 9 февраля 1889 г. Это был секретный протокол, по которому политическая конвенция 1881 г. продлевалась до совершеннолетия Александра, которое наступало в 1893 г. С этими документами был ознакомлен будущий регент Й. Ристич, который письменно выразил согласие с их содержанием [12, с. 118—132]. Вполне естественно, что отношения России и Сербии оставляли желать лучшего. Несмотря на неоднократные заявления главы сербского правительства о стремлении улучшить отношения с Россией, они продолжали ухудшаться. Развивалась подозрительность ко всем находившимся в Сербии русским, в которых видели шпионов [13, с. 318].

В экономических отношениях двух государств не наблюдалось тенденции к улучшению: в 1888—1890 гг. из России Сербия ввезла товаров на 1063 тыс. динаров, вывоза не было [14, с. 129; 4, ф. Славянский стол, д. 8997, л. 51]. Это свидетельствовало об отсутствии у российского купечества интереса к сербскому рынку. К тому же не было торгового договора, и мизерные торговые отношения регулировались временной конвенцией, заключенной в 1880 г. и ежегодно продлеваемой.

В то же время Петербургский кабинет доброжелательно относился к просьбам Сербии предоставить сведения о приготовлении в России чернослова и организации его экспорта в США и другие страны [4, ф. Славянский стол, 1888—1889, д. 8899]. Межгосударственные финансовые отношения России и Сербии осуществлялись лишь в связи с погашением сербского национального долга. Причем российское правительство часто соглашалось на отсрочку платежей из-за неудовлетворительного состояния сербских финансов. Но в случае необходимости это было средство политического давления на Сербию. До середины 1888 г. в Сербии не было российского военного агента, что, хотя и умалило престиж Сербии, однако лишило российский генеральный штаб компетентной информации о сербской армии. Вся переписка по военным вопросам осуществлялась через миссию.

Вопрос о том, на чьей стороне выступит сербская армия в случае русско-австрийского конфликта, был немаловажным. Поэтому в военных сферах Петербурга было решено усилить борьбу с Дунайской монархией

за влияние на сербские вооруженные силы. Вследствие этого в июне 1888 г. в Белград был назначен по совместительству российский военный агент в Румынии генерального штаба полковник Г. фон Поппен [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 440, л. 31]. Он официально вступил в должность в июле 1888 г. и был принят Миланом с подчеркнутой любезностью [15, л. 7 (с об.)].

Одним из аспектов усиления русского влияния в Сербии петербургская дипломатия считала сплочение ориентирующихся на Россию партий либералов и радикалов. Выражая самодержавно-абсолютистское пренебрежение к политическим партиям как к таковым, правящие верхи России говорили о необходимости объединения всех сербских патриотов в одну «пародную», «национальную» партию. Эта мысль неустанно пропагандировалась в российской периодике. Её представители говорили о бессмыслице партийных различий в Сербии и призывали к объединению всех патриотических сил [16, с. 215].

В этом направлении постоянные усилия предпринимал А. И. Персиани, у которого были многолетние хорошие отношения с руководящими деятелями либеральной и радикальной партий. Его постоянные советы и призывы положить конец бесприщипному препирательству и раздорам не воспринимались сербскими политическими деятелями. Они не могли противопоставить интригам своего короля дисциплину, сплоченность и ясность преследуемой цели.

Деятельность Персиани по примирению политических партий соответствовала интересам русского правительства, которое в непрерывном ожидании какого-то кризисного события хотело иметь консолидированную базу. Министр иностранных дел Н. К. Гирс 4 октября одобрил его переговоры с Ристичем и вождями радикалов о необходимости соглашения [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 442, л. 95]. Докладывая в Петербург о результатах примирительных действий, Персиани констатировал, что «полного, искреннего и долговременного примирения я не вижу, но есть возможность соглашения на почве пересмотра конституции» [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 439, л. 246]. С помощью Груича радикалы приняли совет русского дипломата не выдвигать больших требований при пересмотре конституции в Великой скупшине. Радикалы решили взять за основу своих предложений соглашение 1887 г. с Миланом о формировании радикального кабинета [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 439, л. 247]. Таким образом были предотвращены возможные инциденты, которые могли быть истолкованы главой правительства Христичем как спровоцированные радикалами «беспорядки» и навлечь на них репрессии. Это было тем более своевременным, что «некоторые революционно настроенные депутаты-радикалы прибыли в Белград в надежде не на пересмотр Устава (конституции.— В. З.), а на свержение Милана. Груичу стоило большого труда их переубедить»,— сообщил Персиани. В Великой скупшине не был поднят вопрос и о королеве, чтобы «не вызвать гнев Милана» [4, ф. Политархив, 1888, оп. 482, д. 439, л. 282, 284].

Сдержанность и осмотрительность российской дипломатии проявлялись на каждом шагу. Это вызывало обычные эмоциональные вспышки славянофилов и сомкнувшихся с ними панславистов. Так, генерал Киреев в дневнике отмечал: «Нужно с горечью признаться, что наша дипломатия оказалась, по обыкновению, ниже всякой критики..., что выяснилось до очевидности во всей нашей политике в Болгарии и Сербии, в особенности в инциденте королевы» [9, л. 84, запись 14 ноября 1888]. Подстать ему писал С. С. Татищев: «Россия сама бессознательно играет на руку нашим врагам и противникам..., дипломатия безучастна к внешним сношениям балканских правительств» [17, с. 96].

Внешнеполитическая осторожность, наоборот, удовлетворяла российских либералов. Л. З. Слонимский писал: «...желание укротить чужие народы... не может более руководить нашей внешней политикой» [6, 1888, XI, с. 355]. Но либералы не ограничивались лишь одобрением дипломатического бездействия, а считали его «самой лучшей и благотворной программой» до выработки какого-то определенного курса [6, 1888, XI, с. 356].

При этом они полагали, что коренные недостатки международной политики России зависят от «совершенного ее несоответствия с внутренним состоянием и жизненными потребностями страны» [18, с. 302]. Далее Слонимский писал, что «для сознательной и последовательной национальной политики в области внешних дел нужна сознательная внутренняя политическая жизнь» [18, с. 372]. Вялое сопротивление общественности, допускаемое Александром III в известных пределах и грубо им подавляемое, продолжалось все время. По существенного влияния на определенный самодержцем курс политики оно оказать не могло.

Тем временем конституционная комиссия успешно вырабатывала проект новой сербской конституции. По настоянию Милана принимались все поправки, предлагаемые радикалами. Причем последние, как сообщал Персиани, активно сотрудничали с либералами и полностью изолировали напредняков [4, ф. Канцелярия, 1888, оп. 470, д. 10, л. 163]. Почти одновременно с работой конституционной комиссии прошли выборы в Великую скупщину. Они дали абсолютную победу оппозиции — было избрано более 500 радикалов и около 100 либералов [4, ф. Канцелярия, 1888, оп. 470, д. 10, л. 161], что, однако, свидетельствовало о слабости абсолютизма, а не силе радикалов [1, с. 498].

22 декабря 1888 г. Великая скупщина приняла новую конституцию.

После выборов Милан не спешил распустить кабинет Христича и поручать формирование нового правительства радикалам. Король продолжал активно склонять их руководство к соглашательству, желая иметь гарантии, что получив власть, радикалы не посягнут на принципиальную направленность угодного ему курса Сербии. Поэтому Милан и не распространял провозглашенную им амнистию на находящихся в эмиграции своих активных противников, в том числе Н. Пашича [4, ф. Канцелярия, 1888, оп. 470, д. 10, л. 171; 11, 1889, № 8, II, с. 213].

Общественное мнение России объясняло сговорчивость и уступчивость сербского короля его затруднительным положением. Но, приводя слова Милана, что новая конституция будет наилучшим памятником 500-летию Коссовской битвы, известный публицист В. А. Гольцев выражал опасение, что она может обернуться «для сербского народа Коссовской битвой в политическом отношении» [19, 1888, кн. 11, с. 186].

Но эти опасения были напрасны. Милану было не до трюков с конституцией. В стране нарастала опасность возмущения [5, S. 10]. Избранная скупщина демонстрировала враждебность королю. Поэтому он решил отказать от престола в пользу своего сына, двенадцатилетнего Александра. Акт отречения состоялся 22 февраля 1889 г., в день провозглашения Сербии королевством. Накануне Милан конфиденциально сообщил Персиани о принятом решении, составе регентского совета и о поручении руководству радикалов сформировать кабинет. В завершение беседы Милан обратился с просьбой к Александру III о «благоволении» к его сыну [4, ф. Канцелярия, 1889, оп. 470, д. 98, л. 32]. При этом он добавил, что «в Петербурге нет оснований жаловаться на него, так как все три регента — Йован Ристич, Коста Протич и Йован Белимаркович — друзья России» [4, ф. Политархив, 1889, оп. 482, д. 443, л. 17].

Давно ожидаемое отречение Милана в то же время грянуло неожиданно. В европейских столицах, особенно в Вене и Петербурге, привыкли к его частым обещаниям уйти с престола. Дунайская монархия видела непопулярность политики Милана в его стране. Но в то же время Милан был залогом австрийского влияния в Сербии, и правящие круги Габсбургской империи не хотели его отречения.

Официальная Россия выразила удовлетворенность свершившимся актом — на телеграмме из Белграда царь написал: «Слава Богу» [4, ф. Канцелярия, 1889, оп. 470, д. 98, л. 182]. Общественность, разделяя это мнение, доброжелательно оценивала поступок Милана. Либералы отмечали, что «Милан удалился с исторической сцены довольно эффектно и не без достоинства» [19, 1889, кн. 3, с. 182]; что он с честью сошел со сцены [6, 1889, IV, с. 823] и т. п. Журнал «Славянские известия» отмечал в передовой статье, что «Милан своим отречением доказал, что он ... в реши-

тельную минуту предпочел своим интересам интересы государства...» [11, 1889, № 9, II, с. 217]. Белградский корреспондент журнала проф. П. Сречкович с восторгом писал о патриотизме Милана [11, 1889, № 10, II, с. 264]. Правые в поучительном тоне отмечали знаменательность перемены царствования в Сербии, что «служит подтверждением той старой истины, что судьбы государств и народов развиваются в силу непреложных законов их исторического бытия» [8, 1889, № 4, с. 337]. Киреев писал в дневнике в том же духе и возмущался редакцией «Славянских известий» за «восхваление Милана» [9, л. 113, запись марта 1889]. Такие рассуждения сопровождались намеками печати на бездеятельность русского дипломатического ведомства, а Киреев в дневнике продолжал метать в него стрелы. Но это были обычные эмоции. Российское министерство иностранных дел не имело «высочайшего указания» в связи с событиями в Сербии и продолжало действовать в соответствии с прежней установкой — воздерживаться от вмешательства во внутренние дела и соблюдать осторожность и сдержанность. Это ограничивало деятельность дипломатии, рассматривавшей факт отречения как крупный успех русской политики, который можно было использовать для очередной попытки сближения с Сербией [20, с. 125, запись 27 II 1889].

Однако Александр не спешил. Он лишь «повелед» положительно ответить на просьбу Милана о благоволении к его сыну. Гирс добился согласия царя, чтобы Персиани, не касаясь состава регентства, «постарался их убедить в необходимости составить правительство, способное внушить доверие народу и положить конец борьбе между ним и народом» [4, ф. Политархив, 1889, оп. 482, д. 444, л. 3].

Русский дипломатический представитель выполнил поручение. Милан был «сердечно тронут» милостью Александра [4, ф. Политархив, 1889, оп. 482, д. 443, л. 5]. Первый регент Ристич и глава правительства генерал Грунич выразили полное согласие с желанием России ввести в мирное русло внутреннюю жизнь страны [4, ф. Политархив, 1889, оп. 482, д. 443, л. 36]. Ламздорф с огорчением отмечал в дневнике, что царь не прореагировал на подробное донесение Персиани от 1 марта 1889 г. с деталями отречения Милана, которое «для нас благоприятно и чувствуется поворот в нашу пользу» [20, с. 167].

Были все основания полагать, что после отречения Милана встанет вопрос о восстановлении митрополита Михаила и возвращении королевы Натальи в Белград. На необходимости начать «новые отношения» с Сербией именно с этого акта настаивал реакционный лагерь [9, л. 117, запись 10 марта 1889]. Однако их приезд в Сербию мог вызвать очередной накал политических страстей и отвлечь регентов и правительство от насущных дел. Это понимали в Белграде и в Петербурге. Поэтому Ристич направил через бывшего министра просвещения А. Васильевича личное письмо к Наталье в Крым с просьбой не возвращаться пока в Сербию. Зная характер королевы, Ристич просил Гирса со своей стороны воздействовать на нее [4, ф. Политархив, 1889, оп. 482, д. 444, л. 7]. Официальная версия поездки Васильевича была объяснена как уведомление Натальи о переменах в Сербии [11, 1889, № 16, апрель, с. 411].

Но все же Александр III был не доволен стремлением регентов задержать приезд Натальи. На донесении Персиани от 15 марта 1889 г., где говорилось об организации воспитания и обучения короля Александра, он написал: «О матери ни слова! А кто же лучше нее может воспитать сына?» Генерал Киреев и митрополит Михаил, обсуждая этот вопрос, пришли к мнению, что «королева должна вернуться королевой и жить во дворце с сыном, которого отец возвращал» [9, л. 124, запись 20 апреля 1889]. Таким образом, взгляды самодержца и неославянофильских кругов совпадали. Митрополит Михаил понял необходимость не спешить с возвращением в Сербию. После разговора с Гирсом, который состоялся в конце второй декады апреля, он стал говорить, что с возвращением «нужно повременить, так как регенты боятся, что Милан что-нибудь натворит, а Австрия будет его поддерживать» [9, л. 125, запись 20 апреля 1889].

Такое предположение не было лишено оснований. Австро-Венгрия очень

болезненно отнеслась к событиям в Сербии. Ее правящие круги видели в этом начало упадка своего влияния и говорили о необходимости обеспечить свои интересы в Сербии. Германия все более укрепляла союзные отношения с Австро-Венгрией и в Берлине стали смотреть на сербские дела исходя из интересов союзницы [20, с. 164, запись 5 марта 1889]. До этого Германия уклонялась от прямого вмешательства в дела балканских государств, чтобы не задеть политического самодлюбия России [6, 1889, IV, с. 825]. Российское общественное мнение говорило о долге России защитить Сербию [6, 1889, IV, с. 824—826; 8, 1889, № 7, с. 374]. Но былой воинственности не было. В качестве мер достижения цели предполагались дипломатия и воздействие общественного мнения [11, 1889, № 9, февраль, с. 218].

По линии российского министерства иностранных дел было рекомендовано поверенному в делах в Вене князю Г. Л. Кантакузену избегать в разговорах с официальными лицами сербских дел. «Настоящий момент неблагоприятен как для действий, так и для слов, а требует только бдительного наблюдения за всем, что касается Балкан» [20, с. 166, запись 6 марта 1889].

Следовательно, в конце 80-х годов XIX в., в сложный период истории Сербии, русско-сербские отношения определялись не экономическими, а политическими мотивами. Они строились на совпадении или противопоставлении интересов господствующих классов обоих государств. Несмотря на конъюнктурные моменты, отношения между Россией и Сербией всегда имели тенденцию к улучшению и позитивному развитию, так как их основой были взаимные симпатии широких народных масс.

Россия проводила в отношении Сербского королевства спокойную и уравновешенную политику, которая способствовала укреплению ее внешнеполитического положения и стабилизации внутренней жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Югославии. Т. I. М., 1963.
2. Данченко С. И., Карасев А. В. Основные этапы развития сербской буржуазной государственности и Россия (1858—1903).— Балканские исследования, вып. 9. М., 1984; Малчев К. Проблемы на сръбската външна политика в края на XIX в. (1889—1893). Studia Balcanica, 12. София, 1976.
3. Bolsover G. H. Aspects of Russian foreign policy, 1815—1914. Essays Presented to Sir Lewis Namier. London — New York, 1956; Jelavich B. A century of Russian Foreign Policy, 1814—1914. New York, 1964; Jelavich B. St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet Foreign Policy, 1814—1974. Bloomington (Indiana) — London, 1974; Jelavich Ch. Russia and Balkan Nationalism. Russian Influence in the Internal Affairs of Bulgaria and Serbia, 1879—1886. Westport (Connecticut), 1978; Holborn H. Russia and European Political System. Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective. New Haven — London, 1962; Stojanovich T. Russian Domination in the Balkans. Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick (New Jersey), 1974.
4. Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР.
5. Fünf Jahre am Hofe des Königs von Serbien 1889—1894. Von einem diplomaten. Leipzig, 1895.
6. Вестник Европы.
7. Mijatovich Ch. The Memoirs of a Balkan Diplomatist. London, 1917.
8. Русский Вестник.
9. Отдел Рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 126 (Киреевы и О. А. Новикова), кар. 3, ед. хр. 11.
10. Центральный Гос. архив Октябрьской революции СССР, ф. 568 (В. Н. Ламадорф).
11. Славянские известия.
12. Јакишић Г. Из новије српске историје. Абдикација краља Милана и друге расправе. Београд, 1953.
13. Львов-Кочетов Е. («Русский странник»). Болгария в период террора и анархии. Т. I. Между двумя переворотами. М., 1888.
14. Гулишамбаров С. О. Всемирная торговля в XIX в. и участие в ней России.— Записки императорского русского географического общества по отделению статистики. Т. VII, вып. II. СПб., 1898.
15. Центральный гос. военно-исторический архив СССР, ф. 401 (Военно-учетный комитет), оп. 4/928, ед., хр. 8.
16. Марков Евг. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки. СПб., 1903.
17. Татищев С. С. Дипломатические беседы о внешней политике России. Год первый — 1889-й. СПб., 1890.
18. Слонимский Л. З. Основные вопросы политики. СПб., 1889.
19. Русская мысль.
20. Ламадорф В. Н. Дневник (1886—1890). М.—Л., 1926.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ БОЛЕСЛАВА ЛЕСЬМЯНА¹

Сегодня без преувеличения можно утверждать, что польский поэт Болеслав Лесьмян (1877—1937) — один из тех сложных и глубоких художников, для истинной оценки таланта которых почти всегда требуется определенная историческая дистанция. Лесьмянские творческие искания, оставляя фактически безразличными к себе современников, с тем большей силой волнуют ум и воображение последующих поколений читателей.

Подлинное открытие Б. Лесьмяна состоялось в послевоенной Народной Польше. Оно симптоматично совпало с процессом формирования интеллектуально-философской линии в национальной поэзии. Вдохновляемая идеалами гуманизма, поиском решений важных общечеловеческих проблем и неподдельным пафосом жизнеутверждения, лирика Лесьмяна оказалась созвучной новым тенденциям к постижению имманентной сложности мира и человека. О поэте и сейчас много говорят, пишут, а главное, — спорят. В ПНР, начиная с середины 60-х годов, вышло немало посвященных ему разноплановых монографических исследований [4—9]. Книжки о лирике-мыслителе написали также слависты из Бельгии [10] и США [11]. Исследованию творчества Лесьмяна посвящены статьи советских ученых Н. А. Богомоловой [12] и Л. И. Ровняковой [13]. Разрозненные, но любопытные наблюдения встречаем у Ю. Д. Булаховской и Г. Д. Вервеса.

Упомянутые, а также другие, более частные, работы составили серьезный и весомый научный багаж в осмыслении жизненного пути и литературной деятельности Б. Лесьмяна. Разумеется, не обошлось и без просчетов. Нередко, скажем, приходится сталкиваться с крайностями герметичного подхода к тому или другому произведению писателя, когда поэзия отрывается от автора, а последний — от своей исторической эпохи. При изучении лирики Лесьмяна подобная методологическая слабость обнаруживает себя с особой очевидностью, поскольку творчество автора было связано с общественно-политическими явлениями своего времени весьма опосредованно и увидеть эту зависимость совсем не просто. Кроме того, реакция на явную недооценку этой лирики в прошлом порождает сейчас другую крайность — своеобразную моду на поэта, известный ажиотаж вокруг его имени и сопутствующую им завышенность некоторых оценок. Так, например, Ю. Пшибось считал Лесьмяна самым великим польским поэтом со времен Ц. К. Норвида.

Хотя посвященная Лесьмяню обширная литература нередко содержит дискуссионные суждения, взаимоисключающие точки зрения, порой — сомнительные утверждения, все же она успешно решила широкий круг

Василенко Владимир Николаевич — канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры зарубежной литературы Харьковского университета.

¹ Ряд приведенных в статье документальных сведений уже был использован при подготовке публикации «Лесьмян и Украина» для 12-го выпуска издания ПАН «Studia Polono-Slavica Orientalia. Acta literaria» (в печати).

связанных с его творчеством проблем, позволила достаточно объективно определить его роль и место в польской литературной жизни первой трети XX в. По наш взгляд, можно говорить о двух уже вполне сформировавшихся важных выводах. Во-первых, в работах критиков Б. Лесьмяна все чаще и все доказательнее предстает поэт европейского масштаба. И, во-вторых, научные исследования, решив одни вопросы, тут же открыли немало других (зачастую совсем неожиданных), что показало, сколь много еще невыясненного заключено в жизни и деятельности этого поэта.

Рассмотрение ранее неизвестных подробностей биографии Лесьмяна, в том числе начала его творческого восхождения, его рано складывающихся разносторонних интересов, художнических симпатий и пристрастий, дает возможность приблизиться к решению некоторых малоисследованных вопросов. Имеются в виду: выработка им оригинальной лирико-философской концепции мира, значение для становления его творческой индивидуальности достижений русских и украинских писателей, роль поэта в живом процессе польско-русско-украинских литературных взаимодействий начала нашего века.

Как известно, молодость польского художника прошла на Украине, а в своих первых литературных опытах он, наряду с зависимостью от модернистско-неоромантических тенденций «Молодой Польши», ориентировался также на эстетические открытия русских символистов. Он не только был лично знаком с В. Брюсовым, К. Бальмонтом, А. Белым, С. Городецким, но и печатал свои русскоязычные стихи в ведущих символистских журналах России — «Перевал», «Весы», «Золотое руно» [14—16].

Вместе с тем, именно этот русский, так называемый «украинский» период в творческой биографии Лесьмяна, несмотря на всю его духовную интенсивность, а отсюда первостепенную значимость для формирования мировосприятия поэта, является наименее изученным. «Немного сегодня можно найти информации о раннем периоде жизни и деятельности Лесьмяна», — справедливо отмечает Э. Смычинская [17, с. 49]. Основным и практически единственным источником сведений об этом периоде явились изданные в 1966 г. «Воспоминания о Болеславе Лесьмяне» [18] его близких, друзей и знакомых — М.-Л. Мазур, Я. Бжехвы, К. Глинки, Г. Гертц-Бервиньского, Ю. Тувима, А. Стерна, С. Зелиньского и др. Однако эти воспоминания оказались весьма скупыми на биографические подробности, а в ряде случаев — далеко не достоверными. Они содержат самые общие сведения о том, что писатель окончил в Киеве гимназию, затем — юридический факультет местного университета, увлекся русской поэзией и сам начал писать стихи, был одним из организаторов городского вечера памяти А. Мицкевича, по неизвестным причинам преследовался царскими властями и покинул Украину в самом начале нового столетия.

Благодаря предпринятым архивным разысканиям, автору настоящей статьи удалось обнаружить в Киеве новые документальные сведения, детализирующие этот «украинский» период и тем самым вносящие определенные коррективы в сегодняшние представления о Лесьмяне, человеке и поэте. Достаточно результативным оказался также опыт сопоставительного анализа лесьмяновских произведений с близкими им по духу произведениями восточнославянских литератур.

Так, обнаруженная вместе с личным делом Лесьмяна-студента копия его метрического свидетельства [19, ф. 16, оп. 369, д. 1 «В», л. 157] подтверждает сообщение З. Ястжембского о рождении писателя в Варшаве 10(22) января 1877 г., что важно, поскольку некоторые исследователи (Я. Тшнадель, А. Мильская, К. Дыбцяк, Л. И. Ровнякова и др.) называли то 1878, то 1879 г.

Дата приезда Б. Лесьмяна на Украину оставалась неизвестной. Найденные же архивные материалы показывают — отец поэта с 1 февраля 1879 г. занимал пост заведующего пенсионной кассой находившегося в Киеве Управления Юго-Западной железной дороги [19, ф. 16, оп. 369, д. 4, ч. 4, л. 388] и дают достаточные основания полагать, что переезд его семьи из Варшавы состоялся не позже этого времени. «Украинский» период в биографии Лесьмяна, по всей видимости, охватывает время с

1879 по 1901 г. Неудивительно, что «*Kurier Warszawski*» в 1937 г., сообщая краткие сведения о поэте, ошибочно информировал своих читателей о его рождении «на Киевщине».

То обстоятельство, что Лесьмян более трети своей жизни — детство, юность и молодость — провел на Украине, свидетельствует как о длительности, так и об интенсивности влияния на него инационального окружения. Недооценка этого воздействия порой приводила к натяжкам в трактовке тех или других сторон его творчества, мешала пониманию реальной сложности генезиса его поэтического мира. Ведь творческая индивидуальность поэта формировалась в атмосфере взаимодействия духовно-художественных культур Польши, России и Украины, их ценность плодотворно соединялась в его сознании. Отсюда та широта кругозора писателя, которая определялась К. Выкой как «большая философская панорама», а Э. Врублевской — как «культурный синкретизм». Выработке же такого широкого взгляда на мир и искусство во многом содействовала сама обстановка жизни в Киеве, где издревле своеобразно переплетались эти разные культуры.

В этом городе Б. Лесьмян получил образование, написал свои первые стихи, сблизился с прогрессивными деятелями украинской и русской творческой интеллигенции, был свидетелем и нередко прямым участником исторически важных политических событий рубежа веков.

Как удалось установить, с 1886 по 1896 г. он учился в одной из самых старых и известных киевских гимназий — 2-й классической [19, ф. 14, оп. 235, д. 18, л. 6—6 об.]. Следовательно, литературный дебют поэта в 1895 г. (публикация стихотворения «Секстины» в декабрьском номере «Вендровца») состоялся еще в гимназические годы. Также следует отметить рано проявившиеся у него способности к русскому языку, о чем красноречиво свидетельствуют высокие оценки его аттестата зрелости [19, ф. 16, оп. 369, д. 1 «В», л. 152]. Фактически для Лесьмяна русский был вторым родным языком.

Учеба Лесьмяна в Киевском университете св. Владимира охватывает время с сентября 1896 по июль 1901 г. [19, ф. 16, оп. 369, д. 15, ч. 1, л. 280, 376]. Этот этап — кульминация и одновременно завершение «украинского» периода в его жизни. Составившие его пять лет оказали самое серьезное влияние на дальнейшую судьбу Лесьмяна, в чем-то стали для нее переломными.

Общезвестно, что поэт окончил юридический факультет и впоследствии немало тяготился своей профессией нотариуса, которая хотя и обеспечивала кое-как материальную сторону его существования, но при этом была невообразимо далекой от его истинных духовно-творческих запросов, вела к трагической разорванности самосознания. Оказывается, драматизм выбора собственного пути встал перед ним уже в девятнадцать лет. 18 августа 1896 г. он подал заявление на историко-филологический факультет — этот факт неизвестен историкам польской литературы, но, видимо, вполне обдуманый шаг для самого Лесьмяна. Он был принят и даже начал заниматься. А затем, 12 сентября, написал прошение на имя ректора, где ходатайствовал о переводе на юридический [19, ф. 16, оп. 369, л. 147, 148]. В личном деле Лесьмяна эти заявления оказались скрепленными вместе, волей случая как бы символизируя берущую в них свое начало всю последующую двойственность его бытия. Происшедшая в столь короткий срок перемена жизненно важного решения была слишком поспешной, поэтому и теперь выглядит скорее принудительной, чем добровольной и естественной. Скорее всего, решающим здесь оказалось влияние отца, человека, по воспоминаниям современников, деспотичного, стремившегося направить сына по своим стопам.

Из сообщений разных лиц известно, что в те годы молодой Лесьмян сблизился с творческими кругами Киева, стал завсегдатаем польских либерально-демократических литературных кружков при обществах «*Polska*» и «*Oświata*». Но только сейчас выявились его связи с созданным в 1895 г. киевской творческой интеллигенцией «Литературно-художественным обществом», в культурно-просветительской деятельности которого при-

нимали участие М. Старицкий, О. Пчилка (О. П. Косач), Л. Украинка (Л. П. Косач-Пчилка), Н. Лысенко, Б. Гринченко и др. Причастность Лесьмяна к «Обществу» содействовала его знакомству с таким видным представителем украинской литературы, как М. Старицкий. В письме Старицкого к издателю и литератору К. Билиловскому от 11 февраля 1898 г. читаем: «Пришлю Вам еще несколько стихотворений, да еще 3, 4 перевода стихотворений молодого польского поэта г. Лесьмяна» [20, с. 579]². Это письмо было написано спустя неделю после проведения «Обществом» торжества, посвященного столетию со дня рождения Адама Мицкевича. Председательствовал на том вечере М. Старицкий, а Лесьмян, числившийся в программе вечера как один из его участников, декламировал свои стихи, посвященные великому польскому поэту. Многим позже он стал одним из участников вышедшего в Киеве двуязычного «Литературного ежегодника украинских и польских авторов» (1909), в котором наряду с произведениями Г. Хоткевича, Л. Украинки, М. Коцюбинского, Днепро-вой Чайки и других публиковались сочинения польских литераторов С. Прушиньской, Я. Подгорской, К. Глипки и др.

«Литературно-артистическое общество», по всей видимости, было тем местом, где Лесьмян познакомился с Лесей Украинкой. Об этом он вскользь упоминает в своей статье «Опыт литературного творчества на Украине» (1910), основная идея которой — призыв к сближению культур двух братских славянских народов: «Два народа-побратима, влюбленные в один пейзаж и очарованные красой одной природы, если не теперь, то когда-то, в дни более глубокого постижения этой природы, должны взаимно влиять друг на друга, взаимно пользоваться духовными завоеваниями. Несмотря на индивидуальные различия, их связывает общее прошлое и общий сегодняшний день» [21, с. 249].

В творчестве Б. Лесьмяна, описывающем, как полагают некоторые его исследователи, мир «вне истории и географии», на первый взгляд, трудно обнаружить яркие примеры впечатлений, вынесенных им из Украины. Можно назвать его ранние, во многом еще ученические стихи «Из украинских сонетов», «Степь», «Парк в снегу», а также, к сожалению, не сохранившиеся попытки переводов Т. Г. Шевченко, создания повестей на украинском историческом материале «Ахматовка» и «Атаманша». Однако отсутствие в художественном наследии Лесьмяна отчетливых признаков ассимиляции украинского материала отнюдь не может свидетельствовать о том, что такой ассимиляции вовсе не было. Скорее наоборот, — это наталкивает на мысль о более глубоком и органическом, а не лежащем на поверхности произведении или выполняющем роль некоего экзотического аксессуара-украшения, восприятию инонационального элемента, становящегося в данном случае плотью художественного целого, чем-то неотделимым от него.

Принципиально важно подчеркнуть следующее. Самобытная натурфилософская лирика Лесьмяна своим возникновением во многом обязана влиянию на обостренное воображение поэта буйной украинской природы, увиденной им в молодые годы на Киевщине и Черкащине: в окрестностях Белой Церкви, Софиевки, Шамраевки, Монастырищ. Той природы, которая величественностью своей красоты, как ничто другое, вызывала у него прилив вдохновения, которой он посвятил свои самые лучшие пейзажно-философские стихи [22]. Именно природа Украины, да еще самобытная этнографическая культура ее народа, сильным эхом отзывались в его творчестве. Б. Лесьмяна наряду с Я. Ивашкевичем некоторые исследователи причисляют к так называемой «украинской школе» в польской литературе, хотя под таким углом зрения этот писатель с должной подробностью еще никем не рассматривался.

Сказанное, разумеется, вовсе не исключает определенных ориентаций Б. Лесьмяна на художественные открытия писателей Украины. Тому примером — его клехда³, идейно-художественная созвучность ко-

² Переводы стихотворений Лесьмяна М. Старицким неизвестны.

³ Жанровая разновидность романтического сказания «Майка» (около 1914 г.).

второй драме «Лесная песня» (1911) Леси Украинки осталась незамеченной. Между тем совпадают сюжеты произведений, строящиеся на идентичных любовных треугольниках, близки трактовки центральных персонажей. «Майка» и «Лесная песня» как романтически приподнятые лирико-философские повествования имеют своим общим источником украинскую мифологию, восходя к ее поэтическим формулам и представлениям, они утверждают победу красоты жизни над бездуховностью. У обоих писателей ключевой фигурой выступает русалка (Майка, Мавка), существующая в идейно-образной структуре произведений как бы на грани, отделяющей людскую мелочную повседневность от таинственной жизни природы, будничность от сокровенного. Ей-то и суждено прозорливо подметить в человеке-прагматике неспособность «свою жизнь с собой же уравниваться». Слепленные корыстью молодые герои произведений (Марцин Дзюра, Лукаш) не просто поступают нравственными идеалами: в свете единой мысли авторов о природном совершенстве человека их отступничество воспринимается как верх противоестественности.

Столь же непростой в художественной эволюции польского писателя предстает проблема его связей с русской культурой. Она давно находится в поле зрения как польских (П. Гжегорчик, Э. Смычиньская-Фишер, Э. Салони, С. Полляк), так и советских (Н. А. Богомолова, Л. И. Ровнякова) ученых. Однако сделанное усилиями исследователей представляет отдельные фрагменты, пока еще не сложившиеся в единую и достаточно полную картину. Здесь, как ни в одном другом аспекте жизни и художественной деятельности поэта, по-прежнему кроется много неизвестного.

Так, русским дебютом Лесьмяна считается публикация им своего поэтического цикла «Песни Василисы Премудрой» в журнале «Золотое руно» в ноябре-декабре 1906 г. В то же время славистами высказывалась гипотеза, что знакомство русского читателя с Лесьмяном состоялось ранее этой даты. Действительно, как нам удалось установить, в «Киевской газете», известной своей левой ориентацией и вскоре запрещенной властями, 8 июня 1900 г. была напечатана ранняя новелла писателя «Исцеленный Ясь». Тем самым дата его русского дебюта весьма существенно корректируется.

Редакция газеты сочла необходимым предварить лесьмяновскую новеллу кратким благожелательным уведомлением: «Настоящий рассказ, помещенный в номерах превосходного варшавского еженедельника „Głos“, принадлежит перу нашего земляка-киевлянина, подающего крупные надежды молодого польского поэта, стихи которого в символическом и импрессионистическом духе уже успели обратить на себя внимание» [23] ⁴.

Во время учебы в Киевском университете Лесьмян надолго увлекся русской поэзией, а также проявил серьезный интерес к исследованиям русских ученых в области фольклористики и этнографии. Известно, что он высоко ценил Пушкина, Тютчева, Фета, а из поэтов своего времени — Бальмонта, Блока, Есенина, Городецкого, Пастернака, но скептически отзывался о русском футуризме, о Сологубе и Северяnine. В его домашней библиотеке томики русских поэтов соседствовали с трудами А. Н. Афанасьева, А. Н. Веселовского, А. А. Потебни, Д. Н. Овсяннико-Куликовского.

С фактом ранней, весьма разносторонней — хотя и своеобразной — осведомленности Лесьмяна в области русской поэзии, его теоретической подготовленности в вопросах литературоведения и фольклористики сталкивался каждый исследователь, изучавший его мировоззрение и творчество. И почти всегда этот факт воспринимался как нечто само собою

⁴ Автор перевода и приведенной информации о писателе — профессиональный журналист, в будущем редактор газеты «Работник» — Н. Мукалов. Таким образом, вопреки существовавшему до сих пор мнению, что на творчество Лесьмяна впервые откликнулся в 1904 г. С. Бжозовский, теперь выясняется, самую первую оценку оно получило в русской периодической печати.

разумеющееся, вытекающее из общей эрудированности поэта, опиравшегося на обширную книжную культуру и по степени своей начитанности бывшего с веком наравле. В то же время, истоки, причины, в конце концов, сама природа этой осведомленности оставались неясными. Ведь трудно представить, чтобы столь развитые интересы, требующие от студента-юриста не только горячего желания, но и определенных навыков литературных занятий, носили исключительно самопроизвольный характер.

В результате архивных поисков удалось установить ранее неизвестный факт близкого знакомства начинающего польского поэта с видным русским филологом, учеником и последователем А. Н. Веселовского, Е. В. Аничковым, занимавшим тогда в Киевском университете должность приват-доцента и являвшимся одновременно секретарем Киевского исторического общества Нестора-летописца, автором работ «Эстетика трагизма» (1902), «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян», ч. 1—2 (1903—1904), «Литературные образы и мнения, 1903» (1904), «Язычество и древняя Русь» (1914) и др.

Сохранилось письменное признание Лесьмяна: «(...) Евгений Васильевич Аничков, проживающий в городе Киеве по Мало-Владимирской улице в доме № 31 — профессор нашего же университета, филологических наук, мой короткий знакомый» [24, ф. 274, оп. 1, д. 581, л. 42 об.]. Различного рода обстоятельство содействовали сближению польского писателя и русского ученого. Преподавательская деятельность Аничкова в Киевском университете (1895—1901) совпала с годами учебы в нем Лесьмяна (1896—1901). Общими или довольно близкими оказались их эстетические интересы, охватывающие в первую очередь устное народное творчество, загадки мифомышления и истоки поэтического мировосприятия, вообще наследие старины. Надо полагать, именно благодаря посредничеству Аничкова, Лесьмян оказался столь хорошо осведомленным как в области основных направлений русской филологической науки, так и в новых тенденциях развития нашей отечественной поэзии того времени⁵.

Это знакомство дает повод пристальней взглянуть в возможные причины столь рано возникшего у Лесьмяна интереса к фольклору и мифологии, позволяет объективнее представить его рано сложившийся творческий и научный кругозор, что, вне всякого сомнения, может привести к истолкованию многих неясностей в его теоретических воззрениях, а также в художественной практике.

Отметим, что, усматривая в слове тончайший инструмент познания действительности, тяготея к раскрытию его «первородных» значений (адекватные поиски «самовитого» слова вели его русские современники В. Хлебников, Д. Бурлюк, А. Крученых), Лесьмян оказался в сфере идей А. А. Потебни, имевших, как известно, широкий резонанс в творческих кругах символистов. Вслед за ученым, он применял трихотомическое членение художественного целого на содержание, форму и то, что он именовал «материалом» (*tworzywem*), являвшимся в его интерпретации созвучным потебнианскому понятию «внутренней формы». Наблюдается также совпадение их оценок образного видения мира человеком древнейших эпох. Согласно Потебне: «... в мифе ... образ целиком (не разлагаясь) переносится в значение. В позднейшем поэтическом произведении образ есть не более как средство создания (познания) значения» [27, с. 432].

⁵ В 1901 г. Лесьмян и Аничков покинули Украину. О том, что в последующие годы поэт не терял из виду русского литературоведа, свидетельствует одно из его парижских писем (около 1903 г.) к Мириаму (З. Шесмыцкому), в котором он, находясь в серьезных материальных затруднениях, пишет: «Уж лучше погибнуть. Попытаюсь еще обратиться к надежному русскому — моему профессору» [25, с. 268]. Анонимный «русский профессор» — Е. В. Аничков, участвовавший тогда в деятельности так называемой Высшей русской школы в Париже.

Стремление исследовательницы из США Р. Г. Стоун объявить наставником молодого Лесьмяна читавшего в Киевском университете курс лекций философа-мистика Г. И. Челпанова [26, с. 20] фактами не подтверждается.

У польского поэта читаем: «Этот первобытный человек стремился к тому, чтобы образы, которые мы видим, становились его мыслями. Мы же, наоборот, стараемся, чтобы наши мысли стали образами... Мы образно мыслим. Он — осмыслял образы» [21, с. 47].

Еще более очевидна связь размышлений Лесьмяна и его творчества с открытиями школы А. Н. Веселовского, создавшей к тому времени наиболее последовательную и обоснованную теорию происхождения поэтического искусства. А. Н. Веселовский полагал, что поэзия возникла в недрах первобытного синкретизма видов искусств (музыка, поэзия, танец), объединенных рамками народного обряда, а поэт восходит к певцу и, в конечном счете, к запевале народного хора [28, с. 314—316]. Лесьмян-литератор творчески развивает в своей деятельности концепцию Веселовского «певец-поэт»; часто и охотно автор ассоциирует себя с древним певцом: «Романс», «Я — не Оссиан», «К певцу» и др. Не случайно взгляд на лесьмянновского лирического героя как на певца-сказителя лег в основу монографии Е. Чаплеевича «Адресат в поэзии Лесьмяна» [1], убедительно доказывающей, что этим имплицитным адресатом во многих случаях выступает сельская община. А переключку лесьмянновской поэзии с образной и эмоциональной стихией архаического синкретизма точно подметил его русский переводчик А. Гелескул: «Звуковой строй Лесьмяна уходит корнями в ту музыкальную древность, где движение, звук и цвет были едины, — в языческий ритуальный танец. По его стихам тайно бродит волнующий и легкий дух танцев» [29, с. 21].

Особо оказался созвучным Лесьмяну-мыслителю тезис А. Н. Веселовского о ритме как надревнейшем свойстве поэтического искусства [28, с. 201, 204]. Е. В. Аничков также уделял много внимания этой эстетической проблеме ранних форм искусства, для него «ритм — это главная основа песнетворчества» [30, ч. 2, с. 309]. В 10—20-е годы вопросы ритмомелодики стиха, ее восхождения к музыкальному (плясовому) началу древних проявлений художественной деятельности человека чрезвычайно занимали русских ученых (В. Жирмунский «Мелодика стиха», Б. Томашевский «Стих и ритм», Б. Эйхенбаум «Мелодика русского лирического стиха», А. Белый «Ритм как диалектика»). В этот перечень, хронологически предшествуя некоторым из упомянутых работ, органично вписываются литературоведческие эссе Лесьмяна «Ритм как мировоззрение» (1910), «У истоков ритма» (1915). По его мнению: «Изменение содержания и обновление звучания принадлежит ритму и из ритма как из невидимого источника возникают: Он властвует над словом и преобразует его по-своему» [21, с. 69]. Таким образом, в размышлениях поэта стихотворный ритм является чем-то изначальным, ведущим, обуславливающим сам характер образного рисунка стиха и даже его смыслового наполнения, т. е. той же «основой песнетворчества». Из этих общэстетических установок писателя самым недвусмысленным образом вытекали его художественные решения.

Разумеется, было бы явной натяжкой видеть в теоретическом поиске Лесьмяна, равно как и в его конкретных лирических произведениях, всего лишь отраженный свет чужих открытий. Мысль и муза этого проникновенного поэта неизменно вдохновлялись кругом самых разнообразных идей (в данном случае мы сознательно опускаем уже достаточно освещенные критикой вопросы не менее важных контактно-генетических связей лесьмянновской лирики с литературным каноном «Молодой Польши», с необычайно жизнеспособными традициями национальной романтической поэзии, с французским символизмом). Эти идеи, сложно преломляясь в сознании поэта, получали свою новую жизнь в его индивидуальных подходах и интерпретациях, являясь своеобразной «питательной средой» его воображения, во многих случаях приобретали свежие оттенки, обогащались. Без этого попросту невозможным было бы само появление того качества, которым столь щедро наделена лесьмянновская поэзия, — интеллектуальной насыщенности. Для Лесьмяна-художника одним из наиболее предпочитаемых материалов была мысль, живущая своей сложной жизнью в сфере культурного опыта человечества.

Нет сомнений, что в ходе продолжающегося активного изучения художественного наследия Лесьмяна обнаружится больше примеров творческой ассимиляции им опыта русской поэзии, но и сейчас уже отмеченное позволяет говорить о реальных следах интереса Лесьмяна к поэзии России.

Н. А. Богомолова, сопоставляя его цикл «Лунное похмелье» с «Лунным светом» К. Бальмонта, справедливо отмечала в нем «дыхание русской символистской поэзии» [12, с. 241]. К этому можно добавить, что в цикле прослеживаются и следы влияния цикла С. Городецкого «Луна» (сб. «Ярь»), реально ощутимые не только в созвучности идейно-художественных решений, но и в прямой перекличке лесьмяновского центрального образа Луния Старшего с Лунным Стариком у Городецкого.

Обращаясь же в своей эссеистике к образу языческого Световита, Лесьмян, по существу, спорит с трактовкой этого персонажа Бальмонтом в стихотворении «Световит».

Можно привести случаи, когда поэт использует произведения русской лирики как «отправную точку», создавая — с различной мерой внутреннего согласия или полемичности — стихи с идентичными названиями, но с видоизмененным, порой травестированным содержанием. Так, его туманные философские медитации в «Трех розах» навеяны замысловатой романтической символикой «Трех роз» Д. М. Веневитинова; «Клеопатра» подсказана «Клеопатрой» Блока: идентично описываются впечатления об увиденном в музее восковых фигур скульптурном изображении древнеегипетской царицы, однако этический план лесьмяновского стихотворения имеет свои существенные отличия.

Особо следует сказать о цикле Лесьмяна «Песни Василисы Премудрой» — самом совершенном из созданного им на русском языке. Этот художественно зрелый цикл органично вписался в общую картину нашей поэзии начала века, хотя обычно воспринимается критиками как образец удачного подражания, своеобразной литературной мимикрии на фоне стиливых примет отечественного символизма. Но это внешне безукоризненное подобие является тем не менее чем-то вторичным, оно обусловлено, надо думать, в первую очередь не стремлением угодить вкусам своих читателей, а близостью творческих исканий польского и русских литераторов, определенной перекличкой их эстетико-философских концепций, т. е. более глубоких оснований, чем скоротечная мода на формальную размытость и многозначность лирического письма. В то же время эти вторичные свойства образного рисунка цикла, рисунка расплывчатонясного, маскируют его идею, что в результате приводит исследователей к самым разноречивым выводам, которые к тому же недостаточно аргументированы. Ряд зарубежных ученых (С. Полляк, Э. Смычинская, Р. Стоун) усматривают в цикле, главным образом, присутствие сакральных или же мистических мотивов. Трудно согласиться и с ленинградской исследовательницей Л. И. Ровняковой, пишущей: «Замысел цикла сводится лишь к передаче ласково-неясного настроения героини русской сказки» [13, с. 309].

Русские фольклорные сюжеты о Василисе Премудрой служат автору исходным материалом для далеко идущих трансформаций, в ходе которых народная сказка превращается в сложный символистский неомиф, устойчивые элементы архаического сюжета — в полисемантические структуры, а сказочная героиня — в мифическое олицетворение самой природы:

Я — солнечная быль, я — мудрая царица,
Любимица небес и леса, и ручья,
Я — голос бытия таинственно запевный,
Всем обрученная и все же я — ничья.

[16, с. 54].

Соответственно модифицируется у Лесьмяна и содержание главного образа: Василиса Премудрая представлена здесь как некий универсальный космогонический символ, предельно общая художественно-философская идея радостной гармонии личности и мира. Это, по нашему мнению,

дает возможность истолковать вдохновенный монолог Василисы Премудрой как реакцию Лесьмяна на характерную для русских «младосимволистов» тенденцию к созданию насквозь мистического образа «души мира». Поэт, думается, не без иронического подтекста противопоставляет премудрость народной героини идее Вл. Соловьева о теургическом провидении — мудрости («София»). У него фольклорное и природное выступают в нерасторжимости, приобретая свойство единого, исконного праначала жизни, в котором человек и природа органически объединены. Очевидна также типологическая близость Василисы классическим персонажам польского романтизма — Свитезянке А. Мицкевича и Гоплане Ю. Словацкого.

В свете сказанного утверждать, что, помимо прочной связи с родной польской культурой, важной стороной творчества Б. Лесьмяна, заметно раздвинувшей его эстетический диапазон и обогатившей его художественными приобретениями, был своеобразный диалог с теми или иными проявлениями духовной культуры России и Украины.

Именно такой подход к этому писателю представляется наиболее оправданным и перспективным. Благодаря ему удалось прочесть еще одно загадочное произведение в поэтическом наследии Лесьмяна. Речь идет о поэме-мистерии «Луг», давшей название второму лирическому сборнику (его появление в 1920 г. принесло поэту широкую известность) и сфокусировавшей, по замыслу автора, многие идеи этой поэтической натурфилософской книги. В поэме «Луг» повествуется о фантазмагорическом приходе к лирическому герою цветущего весеннего луга, заполнившего своей «непостижимой зеленью» его скромное сельское жилище. В этой поэме-мистерии берет свое начало типично лесьмяновская лирическая тема «зелени-загадки», чью художественную свежесть не обошел вниманием, пожалуй, ни один из писавших о поэте литературоведов. Интерпретаторы поэмы в основном усматривали в ней мистицизм, проявляющийся, по их мнению, в алогичности описываемого. Скажем, Е. Чаплевич воспринял ее героя как «колдуна», а Е. Квятковский писал по поводу главного предмета изображения: «есть в этом луге-не луге что-то из сонного кошмара, что-то из атмосферы мистических парадоксов» [31, с. 62]. Но повествование поэмы разворачивается отнюдь не в иррациональном ключе смятения и страха. Более того, — даже о подавленности психологического состояния ее героя не приходится говорить — описанное в ней, при всей очевидной невероятности, проявляет себя в его торжественном, радостном и светлом настроении:

Не виденья, не тени, не сон окрыленный,
А лужок заглянул в мою хату зеленый.
Лишь успел он объявиться —
Расцвели все половицы,

И роса воссияла на раме оконной [22, с. 148].

(Перевод Л. Мартынова)

В тексте произведения неоднократно указывается, что действие происходит майским вечером: «застигнутые Маєм», «Май клонится уж к'ночи...» и др. А в своем интервью Э. Бою Лесьмян — только что новоизбранный член Польской академии литературы — упоминает: «Эта непостижимая зелень — Украина, где я вырос» [21, с. 500]. Следовательно, описанное совершается на Украине в один из майских вечеров. Это вполне очевидно. Если же принять во внимание ориентацию Лесьмяна на открытия в области фольклористики и этнографии школы А. Н. Веселовского, с ее повышенным интересом к народному обряду, и затем, руководствуясь высказанными выше соображениями, обратиться к весенней календарной обрядности украинцев, то без труда можно найти источник идейно-образной специфики поэмы.

В данном случае мы сталкиваемся с поэтически вольным переосмыслением древнего обряда, о котором советский этнограф А. В. Курочкин пишет: «У украинцев так же, как у русских и белоруссов, на „зеленые

святки" (падающие на первые числа мая и называющиеся в отдельных местах „зеленой неделей". — В. В.) и троицу до сих пор принято украшать дома и двор растительностью, называемой „клевания", „мая", (...) вносить в дом и разбрасывать по полу травы и цветы» (в тексте Лесьмяновского «Луга»: «... расцвели все половицы». — В. В.) [32, с. 157]. В самом деле, проживший более двадцати лет на Украине, интересующийся фольклором, поэт имел предостаточно случаев быть свидетелем подобного красочного празднества. С другой стороны, научное истолкование упоминаемого обряда Лесьмян наверняка хорошо знал из исследования своего «короткого знакомого» — Е. В. Аничкова «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян», над которым русский этнограф как раз работал в годы их общения. Аничков указывает, что слово «май» означает «зелень вообще» [30, ч. 1, с. 139], а также приводит свидетельств Б. Маннгардта — у древних зелень «олицетворяла антропоморфический образ духа растительности» [30, ч. 2, с. 78].

Итак, в лесьмяновском «Луге» анимизм, сохранившийся до наших дней в красивом народном обряде, пропущен через индивидуальное мышление художника с его свободным отношением к изображаемому и превращен в литературный миф, с позиций пантеизма провозглашающий излюбленную идею писателя о согласии человека с природой.

Крайне существенно, что ранний, «украинский», период в биографии Лесьмяна оказался интенсивным и ответственным этапом не только для его творческого развития. Время сохранило для нас убедительные свидетельства непосредственного участия Б. Лесьмяна в событиях общественно-политической жизни Киева конца XIX — начала XX в., и эти данные идут вразрез со все еще существующими представлениями о нем как далеком от политики человеке, ведем чуть ли не отшельнический образ жизни. Последние месяцы пребывания Лесьмяна на Украине, наполненные особым драматизмом, стали своеобразным испытанием его гражданского мужества.

Примета назревания революционной ситуации в России (1901—1904) — бурные выступления киевского пролетариата рубежа веков. Волна сходок, волнений, манифестаций захлестнула также и университет. В августе 1898 г. среди его студентов распространяется «Манифест» I съезда РСДРП, где говорится о создании в России марксистской партии. Тогда же в его стенах возникает «Киевский союзный совет объединенных землячеств и организаций» — подпольная студенческая организация, ставившая своей целью борьбу с самодержавием. Кульминацией революционного движения студентов университета явилось их массовое выступление 7 декабря 1900 г. против реакционного курса царского правительства в области высшего образования. Сходка, в которой приняло участие около 400 человек, была жестоко подавлена силами полиции и армии. На ее участников распространили так называемые «Временные правила» от 29 июля 1899 г., — согласно им большая часть студентов была сослана в солдаты, а к остальным применили разного рода штрафные санкции. Весть об этом всколыхнула всю страну, и во многих ее высших учебных заведениях учащая молодежь выступила в поддержку своих товарищей.

На это событие откликнулся В. И. Ленин известной статьей «Отдача в солдаты 183-х студентов»: «Искушенное опытом десятилетий, правительство твердо убедилось в том, что оно окружено горючим материалом, что достаточно малейшей искорки, достаточно протеста против карцера, чтобы зажечь пожар. А если так, то понятно, что расправа нужна примерная: отдать в солдаты сотни студентов» [33].

В киевских архивах хранятся документы, свидетельствующие о том, что участником событий 7 декабря 1900 г. был и студент 4 курса юридического факультета Болеслав Лесьмян [24, ф. 274, оп. 1, д. 517, л. 187, 195]. На основании «Временных правил» его приговорили к исключению из университета с отправкой на один год в солдаты [19, ф. 16, оп. 369, д. 63 «А», л. 7 об.]. Однако позже ему и ряду таких же студентов-выпускников смягчили меру наказания. Лесьмяну был объявлен выговор с внесением в штрафной журнал, он был лишен всех студенческих льгот,

а также дал подписку о том, что, в случае нового участия в беспорядках, настоящая его виновность станет отягчающим обстоятельством [19, ф. 16, оп. 369, д. 1«В», л. 146]. Случившееся, надо полагать, повлекло за собой разрыв с родителями, ведь в своих письмах, датированных январем-февралем 1901 г., он пишет о том, что вынужден теперь жить «отдельно и самостоятельно», что «нужда преследует его по пятам — не во что обуться и одеться, нечем заплатить за учебу» [25, с. 245—246].

Спустя недолгое время, 11 марта 1901 г., в Киеве состоялась многотысячная демонстрация рабочих и студентов, вышедших на Крещатик под красными знаменами с пением «Марсельезы» и «Дубинушки». Сведений об участии в ней Лесьмяна нет, но косвенно на эту вероятность указывает уже то обстоятельство, что через три дня он был уличен в распространении среди товарищей по учебе гектографированных листовок «Союзного совета», освещавших ход демонстрации и одновременно призывавших «всюду разбудить дух протеста и разлить его широкой волной» [24, ф. 274, оп. 1, д. 520, л. 113 об.].

15 марта начальник Киевского губернского жандармского управления генерал-майор В. Д. Новицкий получил секретное сообщение чинов университетской инспекции о призывах студентов В. Дворяницкого, В. Никитина и Б. Лесьмяна к своим сокурсникам «продолжать борьбу» [24, ф. 274, оп. 1, д. 565, л. 2], «довести забастовку до конца» [24, ф. 274, оп. 1, д. 518, ч. 2, л. 405 об.]. Эти лица характеризовались как «замечательные в распространении среди студентов преступных прокламаций и в противоправительственной агитации» [24, ф. 274, оп. 1, д. 518, ч. 2, л. 443]. Лесьмян же был отнесен к «ярким сторонникам беспорядков» [24, ф. 274, оп. 1, д. 565, л. 3].

В ночь на 17 апреля, в связи с завершением жандармами розыска по делу Киевского комитета РСДРП, Б. Лесьмян в числе 60 студентов университета и политехнического института был подвергнут предварительному тюремному заключению. Во время обыска в комнате Лесьмяна, подозреваемого в «принадлежности к противоправительственному сообществу», не было найдено «ничего явно подозрительного» [24, ф. 274, оп. 1, д. 581, л. 23 об.—24]. Он обвинялся в «распространении среди студентов преступных прокламаций и антиправительственной пропаганде» [24, ф. 274, оп. 1, д. 518, л. 410—410 об.]. Его товарищам по учебе — В. Л. Теплицкому, Л. В. Павлюцу, В. В. Павлюцу, С. Л. Полянику, В. Н. Маршаку, Н. А. Ласкаронскому, Л. Г. Ковянскому и другим — инкриминировалась причастность к деятельности РСДРП. Следует также отметить, что в «Деле об обнаружении в гор. Киеве типографии и двух складов литературы Киевского комитета РСДРП» среди подозреваемых лиц трижды упоминается имя Б. Лесьмяна [24, ф. 274, оп. 1, д. 554, т. VI, л. 13, 125 об., 128].

Лесьмян находился под стражей с 17 апреля по 7 мая. Сохранившиеся протоколы допросов [24, ф. 274, оп. 1, д. 565, л. 10—19 об.; д. 581, л. 24—42] свидетельствуют о его выдержке и мужестве: «Ко мне заходят товарищи, не называю их фамилий, чтобы этим не причинить им каких-либо неприятностей» [24, ф. 274, оп. 1, д. 565, л. 13]. Ничего не удалось от него добиться и по поводу его, известного охранке, знакомства с приват-доцентом Е. В. Аничковым личное которого чрезвычайно интересовала жандармов. Любопытные данные о негласном надзоре властей над этим человеком приводит И. Д. Ремезовский в монографии «Киевский университет: страницы революционной борьбы» [34, с. 20—21]. Своеобразное досье на Аничкова нам удалось отыскать в уцелевших архивных материалах. В ноябре 1903 г. директор Департамента полиции сообщал начальнику Екатеринбургского охранного отделения: «По имеющимся в Департаменте полиции сведениям, Аничков, издавна известный своею политическою неблагонадежностью, в бытность студентом С. Петербургского университета, был близко знаком с участником злодейского замысла 1 марта 1881 г. Ульяновым (речь идет о попытке покушения на Александра II народовольцами и участии в подготовке к нему А. И. Ульянова.— В. В.). В том же году он принимал деятельное участие в студенческих

беспорядках, за что был исключен из университета. по впоследствии окончил образование и был назначен приват-доцентом университета Св. Владимира, откуда вышел весной 1901 г. ввиду столкновения с ректором по поводу студенческих беспорядков» [24, ф. 313, оп. 2, д. 570, л. 21 об., 22].

Приведенные сведения открывают еще одну общую грань в отношениях между Лесьмяном и Аничковым, как оказывается, боровавшимися сообща против монархического деспотизма, тирании. И если 1901 год их объединил, то он же, заставив обоих покинуть Киев, открыл перед каждым из них свои пути, которые могли рано или поздно пересечься, но уже никогда не совпадали.

Б. Лесьмян вышел из тюрьмы под надзор пристава Старокиевского участка [24, ф. 707, оп. 287, д. 4011, л. 182—183] в самый разгар выпускных экзаменов. Их пришлось сдавать практически экстерном. 31 мая он получил диплом юриста второй степени, а в конце лета уехал в Варшаву. В его жизни открывалась другая страница.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Czaplewicz E.* Adresat w poezji Leśmiana. Wrocław, 1973.
2. *Clowiński M.* Wiersze B. Leśmiana. Warszawa, 1971.
3. *Clowiński M.* Zaświat przedstawiony: Szkice o poezji Bolesława Leśmiana. Warszawa, 1981.
4. *Karpowicz T.* Poezja niemożliwa: Modele Leśmianowskiej wyobraźni. Wrocław, 1976.
5. *Nyczek T.* Bolesław Leśmian. Wrocław, 1976.
6. *Papierkowski St. K.* Bolesław Leśmian: Studium językowe. Lublin, 1964.
7. *Rowiński C.* Człowiek i świat w poezji Leśmiana: Studium filozoficznych koncepcji poety. Warszawa, 1982.
8. *Studia o Leśmianie.* / Pod red. M. Clowińskiego i J. Sławińskiego. Warszawa, 1971.
9. *Trznadel J.* Twórczość Leśmiana: (Próba przekroju). Warszawa, 1964.
10. *Pankowski M.* Leśmian: La révolte d'un poète contre les limites. Bruxelles, 1967.
11. *Stone R. H.* Bolesław Leśmian: The Poet and his Poetry. Berkeley, 1976.
12. *Богомолова Н. А.* Болеслав Лесьмян (1877—1937).— В кн.: История польской литературы. Т. 2. М., 1969.
13. *Ровнякова Л. И.* Русские стихи Болеслава Лесьмяна (К проблеме русско-польского билингвизма).— В кн.: Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981.
14. *Лесьмян Б.* Волны живые.— Перевал, 1907, № 11.
15. *Лесьмян Б.* Лунное похмелье.— Весы, 1907, № 10.
16. *Лесьмян Б.* Песни Василисы Премудрой.— Золотое руно, 1906, № 11—12.
17. *Smuczynska E.* U źródeł fascynacji Bolesława Leśmiana literaturą rosyjską.— *Slavia Orientalis*, 1982, № 1—2.
18. *Wspomnienia o Bolesławie Leśmianie.* / Pod red. Z. Jastrzębskiego. Lublin, 1966.
19. Государственный архив г. Киева.
20. *Старицький М.* Твори у 8-ми т. Т. 8. Оповідання. Статті. Листи. Київ, 1965.
21. *Leśmian B.* Szkice literackie. Warszawa, 1959.
22. *Лесьмян Б.* Стихи. М., 1971.
23. *Лесьмян Б.* Исцеленный Ясь.— Киевская газета, 1900, 8 VI.
24. Центральный государственный исторический архив УССР.
25. *Leśmian B.* Utwory rozproszone: Listy. Warszawa, 1962.
26. *Stone R. H.* Leśmian i drugie pokolenie symbolistów rosyjskich.— *Pamiętnik Literacki*, 1972, z. 2.
27. *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.
28. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940.
29. *Гелескула А.* Болеслав Лесьмян.— В кн.: Б. Лесьмян. Стихи. М., 1971.
30. *Аничков Е. В.* Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. Ч. 1—2. СПб., 1905, 1905.
31. *Kwiatkowski J.* Leśmian — artysta.— In: J. Kwiatkowski. Szkice do portretów. Warszawa, 1960.
32. *Курочкин А. В.* Растительная символика календарной обрядовости украинцев.— В кн.: Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.
33. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 392.
34. *Ремезовский И. Д.* Киевский университет: страницы революционной борьбы. Киев, 1984.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД СЛАВЯНСКИМИ ЗАГАДКАМИ С ОККАЗИОНАЛЬНЫМИ НОМИНАЦИЯМИ

В статье будут рассмотрены окказиональные номинации, используемые для замещения скрытого денотата (его частей, а также объектов обладания) в славянских¹ загадках. Эти заместительные номинации называют скрытый денотат по признаку (качеству) или действию и являются, таким образом, обусловленными, а не произвольными его обозначениями. Анализ таких номинаций может помочь выявлению признаков (действий, состояний, качеств), через призму которых воспринимались в фольклорной модели мира загадываемые денотаты. Следует подчеркнуть, что существует определенная связь между структурой текста загадки и использованием для обозначения скрытого денотата окказиональной производной номинации, т. е. прием словотворчества, употребляемый в образном описании загаданного денотата, сочетается со строго ограниченным набором других приемов, используемых для построения текста загадок об этих денотатах. Предметом настоящей статьи является изучение структур загадок с окказионализмами в функции заместительных номинаций; подробное описание словообразовательных типов, их продуктивности и распространенности не входит в задачу настоящей статьи и будет специально рассмотрено в другой нашей статье.

На исследованном славянском материале удалось выделить шесть типов загадок, в которых в функции заместительных номинаций используются окказионализмы.

1. Характерной особенностью первого типа структур загадок с окказиональными номинациями (номинативно-упорядоченный тип) является представление скрытого денотата или совокупности скрытых денотатов в виде локально или темпорально упорядоченной последовательности частей (сегментов) скрытого денотата или отдельных денотатов, входящих в связанную совокупность. В зависимости от того, производится упорядочивание по временному или темпоральному критерию, этот тип подразделяется на два подтипа. В первом подтипе (номинативно-локативном) скрытые денотаты или их объекты обладания упорядочены по локальному принципу, указано их относительное (относительно друг друга) расположение, а во втором (номинативно-темпоральном) скрытые денотаты упорядочены по временному принципу, указана последовательность появления одного денотата вслед за другим на временной оси. Относительное расположение (локус) вербально выражено предлогами 'над/на/под', относительное расположение во времени выражено предлогом 'за'.

Волоцкая Зоя Михайловна — канд. филол. наук, научн. сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

¹ Анализировались загадки русские (Р, по [1]), украинские (У, по [2]), белорусские (Бл, по [3]), болгарские (Бг, по [4]), польские (П, по [5]). Тексты загадок сопровождаются указанием на помер, под которым зафиксирована загадка в соответствующем сборнике (при польских загадках из статьи Мазура [6] указывается индекс М и помер страницы).

а) В общем виде (без лексического наполнения с указанием только тождества и различия лексем) структура загадок первого подтипа может быть представлена следующим образом²: N¹, над (на, под) N², N² (над, на, под) N³ и т. д. Таким способом — путем создания образа скрытого денотата через локально упорядоченную последовательность составляющих его частей (предметов неотторжимой принадлежности) — чаще всего загадывается человек (его физический облик или внешний образ). Предметом загадывания может быть все тело или только голова человека.

Подобное представление о целом, состоящем из выделяемых по внешним признакам частей, очень характерно для мира загадки, в котором на первое место выдвигается восприятие денотата зрительно и на слух, т. е. внешними органами чувств. Загадки этого типа широко распространены во всех славянских регионах и представлены разными вариантами в зависимости от выбора функций, по которым называется тот или иной орган человека, т. е. базы мотивации, и выбора словообразовательных средств (формантов), с помощью которых образуется заместительная номинация для обозначения соответствующего денотата. В пределах текста одной загадки, посвященной внешнему виду человека, разные окказионализмы, обозначающие разные скрытые денотаты и образованные соответственно от разных основ, имеют тенденцию образовываться с помощью одного и того же форманта, т. е. здесь проявляется действие закона аналогии при образовании разных окказионализмов. В один ряд с этими окказионализмами могут попадать и непронизводные слова с финалью, совпадающей по звуковому составу с формантом, с помощью которого образуются данные окказионализмы. В пределах текста одной загадки могут сосуществовать ряды с разными формантами, но каждый из рядов обязательно должен включать несколько окказионализмов, ср.: *Стоят вили, на вилах короб, на коробе махалы, на махалах ханало, на ханале нюхало, на нюхале мигало* (Р — 1327); *Стоять вили, а на вилах барило, а на барилі кивало, на кивалі моргало, а на моргалі гора, а на горі ліс* (У—1254 В). *Стоить два сповчики, на сповчиках бочоночок, на бочонку їдун, під їдуном сопун, на сопунові бибун, на блибунові ліс* (У—1256 А); *Стоить дуб, на дубі гай, під гаєм моргаї, під моргаєм кліпун, під кліпунюм дивун, під дивунюм сопун, під сопунюм ханун, під ханунюм трясун* (У—1255); *Dwa drągale, nad drągalami bęben, nad bębnem dwie pałki, nad pałkami jadacz, nad jadaczem smarkacz, nad smarkaczem dwie świeczki, nad świeczkami góra, na górze las* (П—870); *Gaj, pod gajem patraj, pod patrajem saraj, pod sarajem charaj, pod charajem grabaj, pod grabajem ręczaj, pod ręczajem klęczaj, pod klęczajem tupaj* (П—871); *Dąb, na tym dębie gałęzięta, pod gałęziętami guguleta, pod guguletami łysa góra, pod łysą górą wytrzyścęta, pod wytrzyścętami gęgnot, pod gęgnotem beblacz, pod beblaczem bęben, pod bębnem widły* (П—872); *Na widłach grabie, nad grabiami papa, na papie krzykacz, za krzykaczem sapacz, za sapaczem widzenie, nad widzeniem zarośle, nad zarośłem pole, za polem gęsty las* (П—M167).

В табл. 1 представлены в сопоставительном аспекте виды окказиональных производных номинаций, использованных в славянских загадках для обозначения частей тела человека, релевантных для его образного представления.

При преобладании отглагольных образований для обозначения частей тела отмечены отдельные отыменные образования, так: 'ресницы' — *мохнушки* (Р), 'лоб' — *ржище* (Р), *равнище, рамница* (Бл), 'руки' — *gałęzięta* (П). Наибольшее количество разных наименований отмечено

² О типах структуры и элементарных семантических компонентах загадок см. [7; 8]. Используются следующие сокращенные обозначения компонентов загадки: N — мотивированная заместительная номинация (имя существительное); N_R — заместительная номинация — термин родства; A — обозначение признака скрытого денотата (прилагательное); V — обозначение действия скрытого денотата (глагол — предикат); Num — обозначение количества скрытых денотатов (числительное); Num^{ord} — обозначение порядкового номера скрытого денотата (порядковое числительное); Num (1) — числительное 'один'; N_V и N_A — заместительные номинации, мотивированные соответственно глаголом (V) и прилагательным (A).

Скрытые объекты	Заместительные производные номинации				
	русск.	укр.	белор.	болг.	польск.
'голова'	кивало	кивало			
'глаза'	глядун мигун мигало смотрило светило моргай	глядун глядай мигало моргало моргай моргульцы	глядун маргала мігала міргалкі лятаркі	очилца огледалца стькалца	(dwa) patrace patraj mrugaj widzenie wytrzysszczęta
'рот'	крикун зевало	хапун ідун ревун хапай цапко	равун	зьяло	krzykacz jadacz hapaј papajka
'зубы'		тримай			
'нос'	сапун сопай свистун нюхало сморкало чихало	сапун нюхко смаркач	сапун шмаргај	шмъркало шмърчко смръчко	sapaј sapacz smarkacz
'туловище'	шатун	шатун	шатун		
'язык'	болтун говорун	бовтай брехач лепетуля ленетайло			
'руки'	махалы хватало хватай	махали	махалкі		grabaj hapaј gałęzięta
'ноги'					tupaј
'коленио'					klęcaј
'живот'					pękaј
'пальцы'					guguleta

для глаз, носа и языка (в украинских загадках), вообще же наибольшее количество различных производных номинаций отмечено в польских загадках, наименьшее — в болгарских. В восточнославянских и польских загадках для образования обозначений частей тела в большинстве случаев используются модели «глагол + —ай» и «глагол + —ун», в болгарских загадках эти модели не используются, а номинации частей тела образуются по моделям «глагол + —ло» и «глагол + —ко».

Кроме загадок о физическом облике человека, среди польских загадок по этой же модели (перечисление номинаций упорядоченных в пространстве или времени объектов, которые в совокупности должны вызывать образ загаданного денотата) построены загадки о прялке, самопрялке (орудии для прядения без веретена), ср.: *KĄDZIEL — Siedzi lascak na płascaku, na płascaku pudło, na pudle kudłac, pod kudłacem dudłac* (II—M157); *Dudława na dudławie, na dudławie kudława, na kudławie śrybny pas* (II—M162) (*kudława* 'кудель' от *kudły*; *dudława* от *dudlić* 'вынимать середину, делать полым); *Siędziawa na siędziawie, stojawa na stojawie, kudława na kudławie powrózkiem obwinięta* (II—1453; II—M162) (*siędziawa* — плоская

часть прялки, предназначенная для сидения, *stojawa* — ее вертикальная часть); *Stoi stojawa, na stojawie trzęsawa, na trzęsawie belica, na belicy szkórlat, na szkórlacie róży, kwiat* (П—М162).

б) Во втором подтипе первого типа загадок денотаты упорядочены не по пространственному, а по временному принципу (N^1 за N^2 , N^2 за N^3 и т. д.). По этому подтипу построены польские загадки о Рождественском посте, карнавале, Великом посте и Пасхе: *Stoi, stoi stoidło, za stoidłem stroidło, za stroidłem suchy las, a za lasem różny kwiat* (П—1455; П—М163); *Stoi, stoi stojawa, za stojawa trzesiawa, za trzesiawa suchorost, a za suchorostem rozy kwiat* (П—1456).

2. Характерной особенностью второго типа структуры загадок с окказиональными номинациями (денотативно-квантитативного) является указание точного количества скрытых денотатов или их частей (объектов неотторжимой принадлежности). Указание количества всегда соответствует действительности и наряду с признаком, содержащимся в заместительной номинации, является фактором, способствующим опознанию скрытого денотата. Загадки этого типа обязательно включают перечисление нескольких объектов (частей тела животных) с указанием при каждом их количества. В качестве последнего члена в этом ряду обычно выступает заместительная номинация, обозначающая хвост животного (с указанием количества 'один' или порядкового номера в ряду перечисленных объектов обладания). В общем виде, без лексического наполнения, с указанием только тождества и различия лексического наполнения загадки этой структуры могут быть представлены в виде следующей последовательности символов: $\text{Num}^1 N^1 + \text{Num}^2 N^2 + \dots + \text{Num}(1) / \text{Num}^{\text{ord}} N^n$. Скрытым денотатом загадок этого типа являются разные виды домашних животных (чаще всего корова, а также вол, конь, осел, собака, кошка). Производные окказиональные номинации, обозначающие в образной части загадки названия соответствующих частей тела животных, могут называть их: а) по характерному действию: хвост — *помахайло*, ноги — *ходаста, ходуны, ступици, стоици, лягаи*; б) по названию данной части тела, путем субстантивации прилагательных с суффиксом *-аст*: рога — *рогаста*, нога — *ногаста* и т. п.; в) по числительным, обозначающим количество обозначаемых частей тела: ноги — *четырки*. Таковы загадки: КОРОВА — *четыре-ста ходаста, два-ста мотаста* (Р—1054), *один вихлей вихлеется* (Р—1058); *Два-ста ухаста, два-ста рогаста, один пыхтун, один вертун* (Р—1163); *Четыри ходаки, два бодаки, а сьомий помахайло* (У—857 А); *Чотири чотирки, дві розтопирки і сьомий вертун* (У—858); *Два бодни, чотири пазодні, семає махта* (Бл—1008); *Дваста бадаста, чатыриста ходаста, два ухтары, адзін махтар (памалайла, вярцель)* (Бл—1009—1011); *Ma dwa patyczki, a cztery cycki, piąty zamachaj* (П—М787); *Styry chodyry, styry pociągace, jeden chlustac, dwa słurace* (П—М156); *Styry tyki, dwa patyki, piąty dmuchac* (П—М156); *Dwa patrace, čtyry słupace, čtyry pociągace, dwa s^zchace, a jeden myrdac* (П—М157); *Sztere chone (dojki), sztere patrone (oczy), dwa poganiacza (rogi), a jednego nadganiacza* (П—М157); *Styry tyczki, dwa patyczki, a siódmy omiatacz* (П—М157); *Styry pochodyry, styry pociągace, jeden pochlustac, a dwa styczace* (П—М157); *Dwa styczace, dwa patrzace, stery podpierace, jeden saidak* (П—М157); *Cztery chodery, cztery dojery, dwa bodery, a jeden machaj* (П—М158); *Stery cycki, dwa patyczki, a piąty omachaj* (П—М159); *Styry mtry, dwa fajery, siódmy zamachaj* (П—М159); *Ctery tyki, dwa patyki, piąte zamachadło* (П—М163); *Ctery tyki, dwa patyki, piąte machaj-jo* (П—М166); *Styry chucky, dwa patyczki, siódmy nachal* (П—М166); КОНЬ — *Четыри калакандерици, две фуфури и един мандрас* (Бг—1034); ОСЕЛ — *Четери така-тука, два алалука и едно махало* (Бг—1042); ВОЛ — *Styry fiki, dwa patyki, a jeden byczaj* (П—786); СОБАКА — *Четыри четырки, две растопырки, один вертун* (Р—1173); КОШКА — *Четыре четырки, две растопырки, один верток, две юзторки* (Р—1191).

Номинации релевантных для опознания частей тела животных представлены в табл. 2.

Считые объекты	Заместительные производные номинации				
	русск.	укр.	белор.	болг.	польск.
'хвост'	махай махтай вихляй вихлей вилюн вертун махтун болтун хлебеступ мухтырь махтак	замахайло помахайло вертун хлебеступ	замахайла помахайла вярцель махта махтар	махало махалчица махалце байрак	byszaj machaj zomachaj omachaj zamacladło machajło chlustac dmuchac myrdac omiatacz nadganiacz sajdac
'рога'	бодай бодаста рогаста бодунок растопырки (два)витня	(два)бодаки бодаста розтопирки	(два)бодні бодаста		(dwa)stychace poganiacza bodery tyki patyczki
'вымя'	(два)мотуха болтуха мотаста	—			pociągace dojery dojki cycki
'уши'	(два)ухаста ухтаря ухтахта				
'глаза'					patrace patrone
'морда'	фыркун пыхтун				
'ноги'	ходаста ходули ходуны ходунки ногасты ступихи стонхи (четыре)лягая четырки	ходаста ходори ходаки стоячки четырки			chodyry pochodyry podpierace tupaj tyki stupace
'копыта'	кошыласта стучихи стичицы стучила громихи громоты громотухи				

3. Характерной особенностью типа, который можно обозначить как номинативно-квалитативный, является доминирующая роль атрибута, повтор основы прилагательного в производном существительном, выполняющем функцию заместительной номинации. В общем виде структура этого типа загадок $AN_A^1 + AN^2 + AN^3 \dots$. Скрытым денотатом загадок этого типа является грудной ребенок, который обозначается в образной части загадок различными окказиональными производными от основы прилагательного 'живой', это же прилагательное повторяется и в определениях места нахождения ребенка, а также объекта, на который направлено действие ребенка: *Жив живалец от жива снага яде* (Бг—1605); *Жива живуринка на жив ред седеше, живо месо сецаше* (Бг—1610); *Живо, живо*

живоленце на жив камик седеше, живо месо едеше (Бг—1614); Живо живоленце на жив брег седеше, живо месо едеше (Бг—1618); Живая живучелка сидит на живом стульчике, тербит живое месо (Р—1317). Среди украинских, белорусских и польских загадок этот тип не обнаружен.

4. Характерной особенностью четвертого, номинативно-реляционного типа является наличие в образной части загадки заместительных номинаций терминов родства, указывающих на связь (определенную реляцию) между скрытыми денотатами, которые обозначены еще и окказионализмами, производными от названий признаков скрытых денотатов. Имеет место, таким образом, двойное обозначение скрытых денотатов: а) окказионализмами, производными от названий качеств каждого из скрытых денотатов и указывающими на специфическое, своеобразное каждого из скрытых денотатов, и б) терминами родства, указывающими на связь этих денотатов между собой.

В общем виде загадки этого типа могут быть представлены следующим образом: $N^1_R N^1$ — $N^2_R N^2$ и т. д., где N^1 , N^2 — окказиональные производные, образованные от прилагательных. Производные номинации-приложения, обладая категориальным значением предметности, сохраняют значение признака предмета и называют скрытый денотат по его характерному признаку. Зафиксированы только польские загадки этого типа: ГОРШОК, КРЫШКА, КАРТОФЕЛЬ; *Ojciec pękajka, matka czubajka, a dzieci golysięta* (П—575, П—М160). Здесь горшок (отец) назван по признаку 'толстый', крышка — по признаку 'иметь чуб' (видимо, с чубом ассоциировалась ручка у крышки), картошка названа по признаку 'быть голым', т. е. очищенным. В другой польской загадке горшок ассоциируется не с отцом, а с матерью, а крышка — с отцом: *Matka gądátka, ociec cubatka, dzieci golusęta* (П—М164); горшок (matka) назван по признаку 'болтливый, говорливый', видимо, по звуковой ассоциации с кипением, бурлением. СТУПА и ПЕСТИК — *Matka (ступа) pękátka* (толстая, пузатая), *ociec (пестик) wisielák* (от wisieć, *dzieci trzysiętka* (П—М164); *Matka (пестик) pluskatka* (от pluskać — нырять, погружаться), *ociec (ступа) cysy byk, dziecięta trzysięta* (П—М160); дети обозначаются по признаку 'то, что трется, крупа'. Термины родства 'мать' и 'отец' не закреплены в определенной паре скрытых денотатов за определенными денотатами, они могут свободно варьироваться, как это видно из приведенных текстов загадок, их функция — не обозначать скрытый денотат по какому-либо его признаку, а показывать связь между этими денотатами. Но термины родства 'мать' и 'отец', с одной стороны, и 'дети' — с другой, закреплены за определенными видами денотатов, первые обозначают орудия производства, воздействия, а вторые — то, что производится, на что оказывается воздействие.

5. Характерной особенностью пятого типа структур загадок с окказиональными номинациями — номинативно-предикативного — является доминирующая роль предиката, от основы которого образована заместительная номинация, таким образом, скрытый денотат в загадках этого типа всегда назван по его действию, функции. В общем виде загадки этого типа могут быть представлены как $V^1 N^1_{V1} + V^2 N^2_{V2}$ и т. д. Загадкам этого типа свойственен как повтор основ (производящей и производной), так и повтор однотипных синтаксических конструкций, а также повтор словообразовательных формантов, образующих производные имена в разных конструкциях. Загадки этого типа распространены во всех славянских регионах, ср. *Ходя* (свинья) *ходит, виса* (желудь) *висит, виса пала, ходя съела* (Р—1823); *Стоит стаята* (дерево), *висит висюта* (желудь), *пришла Аксюта* (свинья), *покачнула стаяту, упала висюта, съела Аксюта* (Р—1824); *Стоить стояка, на стояці висить висяка, під стоякою ходить ходяка, у стояки просить висяки* (У—3113). Кроме желудя, производными от глагола *висеть* могут обозначаться такие денотаты, как 'яблоко', 'груша', 'черешня', 'орех', 'сало', 'сыр', а в болгарских загадках — 'женская грудь', так: *Виса* (яблоко) *висить, хода* (человек) *ходить, виса — пук, хода — хал* (У — 3111); *Виса* (сало) *висить, хода* (кот)

ходитъ, вона просить, коби виса впала — навѣки пропала (У — 3110); *Хода* (человек) *ходзіць, віса* (орех) *вісіць, прийшла хода — цап за вісу, да ў торбу* (Бл—472); *Висе свисуле* (груша), *кърта къртуле* (спящий), *падна висуле, дигна къртуле* (Бг—409); *Виса висулкя* (яблоко), *дойде кърсулкя* (откусывающий), *откърсна висулкя* (Бг—424); *Висуле* (грудь женщины) *висит, къртуле* (спящий) *къртит, падна висулето, го грабна къртулето* (Бг—1622); *Висуле* (черешня) *висит, къртуле* (дети) *къртит, висуле падна, къртуле грабна* (Бг—410); *Wisi, wisi wisieluch* (сыр), *kucu, kucu kuceluch* (кот). *Prosi Boga kuceluch, żeby upad wisieluch* (П—М170); *Chodzi chodora* (свинья), *wisi wisiora* (груша), *wisiora spadla, chodora zjadla* (П — 1461); *Wisy wisora* (яблоко), *klęczy klęczora* (ребенок/мальчик/человек) *bē rōd, co bē wisora spōdt, co bē klęczora wisorę zjōdt* (П — 1461, примечание); *Cympri, cypri cypioreczek* (кот). *Wisi, wisi wisioreczek* (сыр/свиное сало/колбаса). *Prosi Boga cypioreczek, żeby spadł wisioreczek* (П — М168).

По этой модели построены следующие загадки: ГРОМ и ГРАД — *Бежит бегун, ревет ревуи* (Р—297); ПОХОРОННАЯ ПРОЦЕССИЯ — *Певунчики поют, ревуичики ревуи, текунчики текуи, бегунчики бегуи* (Р—1668); СВИНЬЯ и ЗАЯЦ — *Рында роет, Скинда скачет* (Р—1262); ВОЛК и СОРОКА — *Рычка рычит, скачка скачет* (Р—1264). Разновидностью этого типа загадок можно считать загадки, содержащие одну синтаксическую конструкцию с повтором формантов у номинативного и локативного компонентов, так ЯБЛОКО — *Висулкя висит на грамадулкя* (Бг—423); ЛОЗА ВИНОГРАДА — *Висит висулкя на трепетулкя* (Бг—445).

Близки к этому типу загадки с повтором одной и той же глагольной основы с разными словообразовательными формантами для обозначения разных, но связанных между собой скрытых денотатов; такова болгарская загадка о курице, яйце и цыпленке — *Родила хода* (курица) *неходча* (яйцо), *а неходчето ходянце* (цыпленок) (Бг—1263). Все три скрытых денотата обозначены по их отношению к действию 'ходить', явные термины являются разными производными от одного глагола.

Номинативно-предикативный тип загадок, специфической особенностью которого является семантическая тавтология, повтор основы глагола (предиката) в отглагольной заместительной номинации, можно считать переходным к следующему, событийному типу загадок.

6. Характерной особенностью событийных загадок является то, что в них описывается некоторая ситуация, которая представлена в соответствии с действительностью, но имена участников ситуации зашифрованы, названы по их признакам, отгадывающему требуется правильно прочесть текст, т. е. опознать истинных участников действия. Участники ситуации обозначены производными окказиональными номинациями. В зависимости от типа ситуации можно выделить три подтипа ситуационных или событийных загадок.

а) В наиболее развернутом виде ситуацию первого типа (первый подтип событийных загадок) можно представить следующим образом: N¹ украл N², N³ увидели, сказали N⁴, N⁴ взяли N⁵, догнали N¹, отобрали N². Эти загадки могут быть представлены также и в сокращенных вариантах, вплоть до такого, в котором говорится только о факте похищения: N¹ украл N².

Ср.: *Тяв, тяв, Дулейка* (собака), *выдь ко мне, улейка* (хозяйка), *Страх тащит тепличку* (Р—1258); *Пришел шуру-муру* (волк), *унес чики-брики* (овцу), *мьякинники* (свиньи) *увидали, житейникам* (людям) *сказали, житейники шуру-муру догнали, чики-брики отняли* (Р—1260); *Пришла шайда-байда* (волк), *взяла штрики-брики* (козу), *як почувли м'якинники* (собаки) *та сказали житейникам* (людям): *сїдайте на вївсяники* (кони), *доганяйте шайду-байду, вїднїмайте штрики-брики* (У—3116). *Стоїть ястреб під шопою й держить ков'якало* (ребенка), *пришов нетюпало* (волк), *взяв ков'якало. «Ой вставай нерозсвіте* (человек), *вступай в опїтницю* (обувь), *бери гаркїтницю* (собаку), *доганяй нетюпало та вїдбирай ков'якало»* (У—3117). Сокращенный вариант представлен в русской за-

Функция участника ситуации	Скрытые денотаты	Заместительные производные номинации		
		русск.	укр.	польск.
субъект действия, похититель	‘волк’	страсть страх шуру-муру	нетюпало страх шайда-байда шурда-бурда штрики-брики шанда-манда застукало	sołdy-bołdy kosmacz rechwijan filozof lichota graczmag
объект действия, кого похищают	‘овца’	тепличка тепло чики-брыки	тепло штрики-брики	skiki-bryki chudoje
	‘коза’ ‘свинья’ ‘конь’ ‘вол’ ‘боров’/‘кабан’ ‘ребенок’		штрики-брики далда-балда ков’якало	gracyja grywacz chleboracz świerczek
свидетели действия	‘свиньи’ ‘собаки’	мякинники	м’якинники лешетя отрубник мики-мики	pułława podławnik
противодейтели, спасители	‘люди’	житейники	жатники гречаники нетюпало хлібороби	chlebniki
одушевленные помощники	‘кони’		вісяники високи гаркігниця	owsianiki pomocnik podławnik
	‘собака’			
неодушевленные сопутствующие предметы	‘палка’ ‘обувь’		опітниця глибоки	podrygacz golatyce
	‘одежда’ ‘постель’			strachota twardos
локус действия	‘лес’			szumnia szumnik

гадке: *Страсть* (волк ³) *тепло* (овцу) *тащит* (P—1263). Очень распространены загадки этого типа в польском, в них, кроме помощников человека (собаки, свиньи и коня) называются разные объекты обладания человека (постель, обувь, палка и др.), ср.: *Zstąp z góry w swoje doły, weź podrygacza* (палку), *bo pod sumkiem drze kosmacz* (волк) *chleboracza* (вола) (П—1457); *Szedł kum do kuma. «Wdziwaj, kumie, buty, pojedziewa do szumnika, wezmiewa se podławnika* (собаку), *zabijewa rechwijana* (волка), *co nam zajadł świerczka* (борова)» (П—1464); *Przylecieli sołdy-bołdy* (волки) *i zajęli skiki-bryki* (овцу), *a wy chlebniki* (люди), *siadają na owsianiki* (коней), *doganiają sołdy-bołdy i odbierają skiki-bryki* (П—161); *Siadaj na pomocnika* (коня), *bierz podławnika* (собаку), *goń filozofa* (волка) *z gracyją* (свинья) *co uciek do sumnika* (леса) (П—M161); *Przyszła lichota* (волк) *pod pańskie wrota, a pułława* (собака) *się dowiedziata i panu powiedziata. Pan wziął ciupy na gwizdy* (одежда) *i siadł na trzęsą* (повозку) *i pojechał do szumni* (леса) (П—M162); *Słaż z peretyca* (постели), *obuj golatyce* (обувь), *weź na siebie strachotę* (одежду) *i idź, bo graczmaga* (волк) *prowadzi chudoje* (овцу) *do sumnika* (П—M168); *Słyż z twardosa* (постель), *wstąp na moje*

³ В данном случае имеется в виду не окказиональное словопроизводство, а окказиональное употребление производной лексемы.

doły (обувь), *weż podrygaca* (палку), *a bij kostaca* (волка), *bo ci zje grywaca* (коня) (П—М157). В болгарских загадках эта ситуация представлена в несколько ином варианте: *Гънда мънда* (овца) *в път върви, шейтан* (волк) *из трън изскочи, че улови гънда мънда и я зе на гърба си* (Бг—1176) *Камени сгради, алени звезди* (овцы) *суферим* (собака) *варди, май* (волк) *да не влезе* (Бг—1086).

В табл. 3 представлены в сопоставительном аспекте номинации участников ситуации похищения.

б) Ситуация второго типа с использованием окказиональных производных номинаций описывается диалогом. Адресант N¹ хочет узнать у адресата N², дома ли (или где находится) N³; ответ на этот вопрос в тексте загадки может и отсутствовать. Скрытыми денотатами N¹, N², N³ являются животные (чаще всего N¹ — мышь, N² — кот). Таковы загадки: *Выскочила Звонка-Звонкушка* (мышь) *из горы, из пещеры и спрашивает у Хоря-Хорюши: «Хоря-Хорюша, не видала ли царя Грабуля (кота)?»* — *«Царь Грабуль убежал на горы, на глины»* (Р—1244); *Пришла темнота* (волк) *под наши ворота, пытал лепоту* (собаку), *чи дома понура* (свинья) (Р—1256); *Вибигла земська* (мышь), *питаться курської* (петух), *чи дома печерська* (кот) (У—3128); *Бигла сивушка* (мышь) *и питала крикуна* (петуха), *чи хапанка* (кот) *дома?* (У—3131); *Бигла горбулька* (мышь) *через тепличку, питался співака* (петуха), *чи гопра* (кот) *дома?* (У—3136); *Пришла темнота* (волк) *під наші ворота, пита лепетиці* (собаку), *чи дома догвомордиця* (овца) (У—3119 В); *Leciata siwoszka* (мышь) *koło ciepłozska, naprotka cyrulika* (крысу): *«Cyruliku, cyruliku, nie widziałeś mamrotka (кота)?»* — *«Nie widziałem, bo i jam się boję go»* (П—1467); *Leciata siwocha koło ciepłocha, pytała się świergota* (сверчка), *czy nie widział mamrota* (П—М167); *Pytała się prychna* (мышь) *gorgąta, czy jes pán Kotkowski w domu. Jes ci, jes, siedzi na prekuracie* (постели) (П—М165); *Pytała się Marysia kurdybisia, czy nie widział chuštaka* (кота) (П—М160); *Przysyła tatanuska* (мышка), *pytała się dzwonuska* (крысу), *czy jest cajka* (кот) *w domu* (П—М165).

Украинские загадки этого подтипа содержат наибольшее количество производных окказиональных номинаций, таковы для обозначения скрытого денотата 'мышь' — *скробушка, сивушка, біглошка, метлушка, вертлюшка, чорнушка, коконка, катаринка, мохлячка, чечітка, моргуля, швидка, земська* и т. п., для обозначения 'петуха' — *співак, крикун, свистун, дзвінок*, для обозначения 'кота' — *хапко, муркотун, мордун*. В русских загадках для обозначения мыши чаще используются такие заместительные номинации, как *царица, сестрица, девица* и т. п., не содержащие в своем значении указания на признаки скрытого денотата, а также собственные имена с указанием при них локуса обитания: *Тодора из-за пещоры, Нюра из своей конуры* и т. п. При обозначении денотата с функцией адресата в русских загадках используются произвольные номинации, могущие обозначать любое одушевленное существо; для обозначения 'кота' в русских загадках также чаще всего используются собственные имена типа *Марья Раповна, Марья Фадеевна* и только в редких случаях само собственное имя содержит указания на признаки скрытого денотата: *царь Грабуль, царь Котафей, царь Муракин* (ср. 'петух' — *царь Кукурей*).

в) Событийные загадки третьего подтипа описывают ситуацию одалживания одним лицом N¹ у другого N² некоего предмета N³, при этом может быть указана и цель одалживания. Таковы польские загадки: *Przyszedł pan do pana pozusyć grabana* (гробень), *aby wypędzić baki* (вшей) *z niedobrej łąki* (П—М166); *Przyszedł kumos do kumosa, pożyczę mi krzywonosą* (сани), *co pojedę z kolanichę* (жена) *do septosa* (ксендза) (П—М165).

В табл. 4 представлены все типы загадок с использованием окказионализмов в функции заместительных номинаций, при каждом типе указывается, в каких славянских языках он имеет распространение.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что, во-первых, использование окказионализмов в функции заместительных номинаций характерно для загадок определенной структуры и семантики, причем загадки данной структуры и семантики отмечены либо с окказионализмами, либо в отдельных случаях с лексемами из тайных языков и, во-вторых,

Тип структуры загадок	русск.	укр.	белор.	болг.	польск.
1. Номинативно-упорядоченный					
1а. Номинативно-локативный	+	+	+	+	+
1б. Номинативно-темпоральный					+
2. Номинативно-квантитативный	+	+	+	-	+
3. Номинативно-квалитативный	+			-	
4. Номинативно-реляционный					+
5. Номинативно-предикативный	+	+		-	+
6. Событийные загадки					
6а. (Похищение)	+	+		+	+
6б. (Диалог о местонахождении)	+	+			+
6в. (Одалживание)					+

окказионализмы используются только для замещения определенного, относительно небольшого набора различных денотатов, причем этот набор денотатов в разных славянских языках примерно идепичен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Митрофанова В. В. Русские народные загадки. Л., 1968.
2. Загадки. Українська народна творчість. Сост. П. Березовський. Київ, 1962.
3. Загадки. Беларуска народная творчасць. Мінск, 1972.
4. Стойкова Ст. Български народни гатанки. София, 1984.
5. *Foljasiński S.* Polskie zagadki ludowe. Warszawa, 1975.
6. *Mazur J.* O słowotwórstwie zagadek ludowych (Przyczynek do charakterystyki artystycznej odmiany gwary).— *Językoznawca*, 1964, № 11—12, s. 154—174.
7. Волоцкая З. М. Некоторые наблюдения над структурой болгарских загадок (в сопоставительном аспекте).— В кн.: Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. М., 1986, с. 150.
8. *Volockaja Z. M.* Struktur und Semantik von Rätseln des Gegenstandsfeldes 'Natur' (Am Beispiel slavischen Materials).— In: *Semiotische Studien zum Rätsel/Hrgs. von W. Eismann und P. Grzybek.* Bochum., 1987, S. 225—246.

Х МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ. СОФИЯ, 14—22 СЕНТЯБРЯ 1988 г.

СЛОВО УЧАСТНИКАМ СЪЕЗДА

Итоговый разговор на страницах «Советского славяноведения» о Х съезде славистов еще впереди. Сейчас же, сдавая в печать очередной номер журнала, сразу, после закрытия конгресса, спешим ознакомить наших читателей с общей атмосферой, которая царила на софийской встрече славистов и которая, можно надеяться, благотворно скажется на дальнейшей исследовательской работе, на консолидации славистических сил. Публикуемые ниже интервью — это ответы участников съезда на два вопроса нашей редакции: 1. Что нового дал Вам Х Международный съезд славистов? 2. Что бы Вы хотели пожелать очередному славистическому съезду?

Сообщаем также о принятых на съезде решениях. Председателем Международного комитета славистов (МКС) избран проф. С. Вольман (ЧССР). В числе заместителей председателя МКС избраны: акад. Н. И. Толстой, председатель Советского комитета славистов, проф. В. Магула (ЧССР). Принято предложение делегации ЧССР о проведении в Братиславе в 1993 г. XI Международного славистического съезда.

Итак, слово участникам софийской встречи.

*Акад. П. Динков, председатель Болгарского комитета славистов, заместитель председателя МКС (НРБ)*¹

Уважаемые коллеги и гости!

Х Международный съезд славистов завершает свою работу. Сегодня утром заседали научные комиссии. Мы заслушали также краткие сообщения докладчиков о работе основных пяти секций. Мне остается только в нескольких словах подвести итоги. Для более подробной, а главное — углубленной оценки время еще не пришло: только спустя некоторое время можно будет оценить научные результаты, достигнутые на нашем съезде.

Здесь я хотел бы затронуть лишь отдельные наиболее важные моменты.

1. Прежде всего несколько количественных показателей, которые дают представление о числе участников съезда, проведенных заседаниях и прочитанных докладах.

Следует говорить о двух видах участия в съезде: первая группа — зарегистрированные участники, уплатившие таксу за участие в съезде, а также имеющие право участия в работе съезда в качестве представителей руководящих органов; вторая группа — получившие пропуски на заседания. В первой группе насчитывается 764 делегата из зарубежных стран, а из Болгарии — 715 человек, всего — 1479. Это основная, активная группа, включающая докладчиков и участников дискуссий.

Однако интерес к съезду с болгарской стороны был столь высок, что было выдано около 500 пропусков для лиц, желавших присутствовать на съезде; в ряде случаев они участвовали и в обсуждении докладов. Сюда же следует отнести и 120 журналистов. Таким образом, в съезде приняло

¹ В ответ на вопросы редакции акад. П. Динков любезно предоставил нам ниже публикуемый текст своей речи на заключительном пленарном заседании съезда.

Участие около 2090 человек, разумеется, в отдельные дни их число было различным.

На съезде было прочитано 750 докладов в пяти секциях на 94 заседаниях.

Песомненно, что X съезд является одним из наиболее многолюдных международных съездов славистов. Я бы не хотел делать каких-либо специальных выводов из этого факта, особенно в отношении проделанной научной работы и полученных научных результатов. Хочу только подчеркнуть большой интерес к съезду не только со стороны специалистов, ученых, но и со стороны широких общественных кругов болгарской интеллигенции, особенно получивших образование в области болгарской и славянской филологии, истории и т. д. Руководство съезда решило предоставить возможность заинтересованным лицам получить доступ на заседания. И это никоим образом не помешало работе съезда.

Я не могу в полном объеме судить о заседаниях отдельных секций, однако есть сведения о присутствии в залах, где проходили заседания, значительного числа посетителей, что обеспечивало их нормальную работу. В некоторых секциях такое наблюдалось постоянно. Разумеется, на каждом съезде важное значение имеют личные встречи, беседы и обмен мнениями в кулуарах. Следует отметить, что и они на сей раз характеризовались дисциплиной и порядком.

2. Особенно хотел бы отметить широкое освещение съезда телевидением, радио и печатью — в том числе задолго до его открытия. Мы сами в качестве организаторов были этим приятно удивлены и, разумеется, восприняли с признательностью. Журналисты, радиорепортеры, представители телевидения (а также представители не только болгарской, но и советской и югославской прессы) на протяжении всей работы съезда были постоянно среди нас: снимали, брали интервью, заказывали статьи и т. д. Каждый вечер «Дневник съезда» по болгарскому телевидению информировал тысячи болгарских зрителей о работе съезда, а материалы в газетах помещались на самых видных местах и в специально выделенных рубриках. Журналисты заслуживают нашей горячей благодарности.

Я отмечаю этот факт, чтобы подчеркнуть, что X Международный съезд славистов стал большим событием, событием первостепенной важности в культурной жизни Болгарии в течение этих дней. Славистика оказалась очень близкой болгарской интеллигенции, ее интересам и надеждам — как наука, имеющая национальный характер, изучающая родственные связи со всем славянством и славянской культурой, как проявление интереса и признания деятельности ученых (не только из славянских стран, но и со всего мира), которые разрабатывают проблемы славистики, углубляются в далекие эпохи, чтобы исследовать корни славянской письменности, славянских языков, литератур, народного творчества и т. п.; ученых, которые, исходя из прошлого, стремятся к современности, чтобы представить современный образ славянских народов.

3. Нет возможности охватить многочисленные научные проблемы, нашедшие отражение в докладах и дискуссиях. Хотел бы подчеркнуть только тот факт, что дискуссии было уделено достаточно времени. Иногда обсуждение докладов продолжалось до позднего вечера. Высказывались различные мнения, сталкивались противоположные концепции, возникали споры, подчас весьма горячие. Но это вполне естественно. В спорах, в поиске рождается истина. Бывают общепризнанные научные истины, но есть и сложные явления, сущность которых надлежит постигнуть. Можно сказать, что в сложности заключается истина; сложность — это поиск и, через устранение противоречий, приближение к истине.

Я хочу поэтому привести один анекдотический случай. На высоком уровне почетному президенту Болгарской академии наук акад. А. Балевскому было высказано недовольство тем, что академия получает финансовые средства, а результаты ее деятельности проявляются не сразу. Балевский ответил, что наука — это темная комната, в которой есть черная кошка; можно поймать эту кошку немедленно, а можно через месяц, через год, но мы ее непременно поймем; что же касается философии, это — тоже темная комната, но без кошки; однако философы все

же продолжают ее искать... В эти дни мы, слависты, также ловили нашу филологическую кошку...

Я полагаю, что научная атмосфера нашего съезда, несмотря на споры, ничем не была омрачена; дискуссии были творческими и развивались в атмосфере коллегиальности и международного сотрудничества. Мы должны выразить нашу признательность всем, кто способствовал укреплению этого духа нашей научной встречи.

4. Я хотел бы отметить один отрядный факт: интерес к славистике начинает охватывать все новые страны. Сильное впечатление произвел на меня доклад проф. Ен Дзеяна из Китая, содержащий интересные данные о развитии китайской славистики. Международный комитет принял совершенно справедливое решение о включении в свой состав представителя Китая. Такое же решение принято и относительно Новой Зеландии. Территориальное расширение означает и расширение проблематики, и в этом одно из достижений нашего съезда.

5. В ряде докладов и выступлений, а также в печати был затронут вопрос, который заслуживает внимательного обсуждения — о необходимости расширить понятие славистики. Подчеркивалось, что славистика — это комплексная, синтетическая наука, чье содержание не ограничивается языкознанием, историей и теорией литературы, отдельными историческими вопросами: этногенезом, развитием славянской общественной мысли, историей славянской филологии. Известно классическое определение славянской филологии, но наблюдается также и смешение терминов «славянская филология», «славистика» и «славяноведение». Ставился вопрос о расширении исторической проблематики, о создании секции этнографии, о включении славянской археологии, о более широком представительстве истории искусства. Возникшие в результате столкновения мнений, часто с оттенком недовольства, эти вопросы, прежде чем они будут решены организационно, должны быть исследованы теоретически. Я не буду высказывать своего отношения к этой проблеме, но обращаю ваше внимание на ее реальное существование. Может быть новое руководство Международного комитета найдет возможность рассмотреть их в свете комплексного характера славистической науки. Возможно, определенное решение этого вопроса заключалось бы в более тесном сотрудничестве с родственными институтами и организациями.

6. Мне, как представителю страны — хозяина X Международного съезда славистов неудобно говорить о его успехе, либо неуспехе. Мы, хозяева, хорошо знаем недостатки, допущенные в его организации. Мы пытались их устранить — не всегда успешно — в ходе самого съезда, стремясь создать надлежащие условия для спокойной и плодотворной его работы. Если нам это удалось — будем очень рады. А если не удалось — пусть из этого извлекут урок наши чехословацкие коллеги, чтобы ошибки нашего съезда не повторились в Братиславе.

Если все же нам удалось создать благоприятную атмосферу для работы, для свободного научного сотрудничества, хочу вас заверить — этим мы обязаны прежде всего помощи и доверию, оказанным нам официальными организациями и болгарской общественностью. Мы благодарны за предоставленную нам возможность использовать чудесный Народный дворец культуры. Я выражаю сердечную благодарность его генеральному директору тов. Панову и его сотрудникам, которые во всех случаях шли нам навстречу и оказывали всестороннюю помощь.

Если организация съезда действительно была успешной, следует подчеркнуть, что главная заслуга в этом группы людей, самоотверженно, с огромным чувством ответственности, я бы сказал — круглосуточно, исполнявших свою нелегкую задачу, во главе с проф. Т. Бояджиевым, деканом факультета славянской филологии, энергичным и неутомимым секретарем оргкомитета. Если все же съезд прошел успешно, этим мы обязаны прежде всего тем, кто подготовил и прочел доклады, тем, кто председательствовал на заседаниях, кто участвовал в дискуссиях, создавал научную атмосферу и намечал перспективы развития славистической

мысли. Это была для нас постоянная моральная поддержка. Всем им наша признательность.

Сегодня мы расстаемся, расстаемся на пять лет. Я глубоко сожалею, что организационные обязанности не позволили мне встретиться с многочисленными коллегами и друзьями, которые приехали в нашу страну и участвовали в работе съезда. Не только я, но и мои коллеги, к сожалению, не смогли им уделить такое личное внимание, какое они нам оказывали, когда мы были их гостями. Я надеюсь, что мы увидимся в Братиславе в 1993 г. Организаторам будущего XI съезда мы от души желаем успеха.

Все вы были желанными, дорогими гостями Народной Республики Болгарии, болгарских славистов, болгарской интеллигенции, болгарского народа. Мы вновь встретимся в Болгарии через 25 лет, на XV Международном съезде славистов. Я позволю себе пригласить вас на него уже сегодня. Этот съезд в XXI веке, в новой политической обстановке, в новой духовной атмосфере. Мне тогда будет 103 года и, к сожалению, мне будет трудновато присутствовать...

Всем участникам настоящего X съезда славистов я от всей души желаю новых научных успехов и счастья в личной жизни, а нашим зарубежным гостям — счастливого пути.

Проф. С. ВОЛЬМАН, председатель Международного комитета славистов (ЧССР)

1. Софийский съезд позволил прежде всего укрепить прежние и установить новые контакты, главным образом, с более молодыми учеными, в которых — будущее нашей науки. Во всяком случае, чувствуется необходимость более широкого привлечения молодых к исследованию истории и культуры славян и, стало быть, к омолаживанию последующих съездов славистов, как это делали, к слову будет сказано, наши учителя с моим поколением.

На самом конгрессе я познакомился с новыми актуальными воззрениями и тезисами, например, в области изучения сравнительно-исторической поэтики, в исследовании литературных течений конца XIX и XX вв. и рядом общеметодологических взглядов, которые помогут нам при формулировке проблематики XI славистического съезда, намеченного в Братиславе. Очень важно, что на софийской встрече была создана еще одна Международная комиссия — по сравнительному изучению славянских литератур.

2. Хотелось бы, чтобы съезд в Братиславе был удачным и способствовал прогрессу во всех дисциплинах славистики. Необходимо преодолеть чрезмерную специализацию и поставить в центр внимания крупные междисциплинарные проблемы. Мы имеем в виду также предстоящие 200-летний юбилей со дня рождения Яна Колара и 150-летие со времени кодификации словацкого литературного языка, в целом проблематику национальных возрождений, формирования и развития современных славянских наций и славянских национальных культур. Кроме того, на съезде, который состоится на землях Великой Моравии, желательно будет развить кирилло-мефодиевскую и велико-моравскую тематику и вернуться также к основным вопросам этногенеза и этнической истории славян. Созрело время провести дискуссию на тему «Славистика в системе гуманитарных наук, ее методология, предмет и научные цели».

Канд. филол. наук Л. Н. БУДАГОВА (СССР)

Съезд дал новые радости общения со старыми друзьями-коллегам из Болгарии, ЧССР, Польши, ГДР, Венгрии, принес новые надежды на укрепление нашего сотрудничества и процветание славяноведения. Подобные форумы можно считать праздниками нашей науки, но не праздными, а многотрудными, требующими напряжения не только от их организаторов, но и участников. Трудности эти компенсируются: обращение в разноразличной и разноплеменной аудитории дает заряды энергии, помогает соотносить твой труд с работой товарищей по цеху, скоординировать планы на будущее.

На закончившемся съезде, на мой взгляд (субъективный, конечно же, ограниченный участием в работе лишь нескольких из множества секций конгресса), царила деловая атмосфера, не было парадности, господствовали не безответные монологи докладчиков, а заинтересованные и острые дискуссии. Меня порадовал интерес зарубежных, в том числе западных славистов к докладам литературоведов нашего Института, к проблемам реализма и модернизма (делегат из Индии назвал их животрепещущими), социалистического реализма, к проблемам взаимосвязей славянских литератур и к тем жанровым модификациям, которые инспирировала наша эпоха.

Впервые на этом съезде работала секция теории литературы, что подтвердило неслучайность давнего и стойкого внимания славистов к теоретическим вопросам и необходимость шире привлекать опыт литератур нашего региона для их решения.

В атмосфере съезда заново осознана необходимость гармоничного сочетания обобщающих трудов с «негромкими» конкретными исследованиями, с монографическими разработками творчества отдельных писателей, по которым давно тоскует наша славистика, а еще — актуальность задачи создания истории зарубежных славянских литератур и те великие трудности, которые ждут ее энтузиастов.

2. На будущее хотелось бы пожелать возможно большего соответствия между заявленной программой и практической работой конгресса, развернутых дискуссий, свободных от публицистики, торжества научных аргументов. А еще — углубления споров, выведения их на уровень литературоведческих критериев разных явлений. В наших полемиках мы подчас касаемся следствий, а не причин, мало учитываем разные подходы к предмету, разные системы измерений, в которых работают исследователи, что подчас превращает объективные научные разногласия в хаотичный разнобой мнений.

Успех очередного съезда, вероятно, будет зависеть от состояния нашей науки. Поэтому все наилучшие пожелания в первую очередь — ей.

Проф. Б. БЯЛОКОВОВИЧ (ШР)

1. Огромное значение конгресса славистов состоит в ускоренномращении научной информации, ознакомлении с новыми идеями, в обмене литературы, в личном знакомстве (de visu) между представителями разных стран и поколений. Очень часто генезис плодотворного сотрудничества между славистами, появление новых исследовательских перспектив восходит к конгрессным встречам и дискуссиям. Сложился прочный «конгрессный» актив ученых. Многие из них приезжают на собственный счет, расходуют свои сбережения, зная, что в их научной и дидактической деятельности результаты конгресса скажутся плодотворно и надолго.

Меня лично в ходе работы конгресса очень заинтересовали пленарные доклады Д. С. Лихачева, В. Генселя, Р. Олеша и П. Зарева. В частности, доклад Р. Олеша «О периферических явлениях в звуковой и лексической системе некоторых славянских языков» имеет не только узкое специализированное лингвистическое значение. В нем очень интересно поставлен вопрос, касающийся научного значения периферийных славянских языков, вымерших (полабский язык) или же находящихся в окружении другой языковой среды. Я думаю, что в славистике есть и другие «белые пятна». Возьмем хотя бы судьбу восточнославянских подляшских говоров, этнографии и фольклора, о которых в свое время неоднократно писал Н. А. Янчук. Я недавно с преогромнейшим интересом ознакомился с художественным творчеством на полесском говоре и той примечательной во многих отношениях дискуссией, которая возникла вокруг ряда публикаций под рубрикой «Балесы Полісься» на страницах газеты «Чырвоная змена». Лично считаю, что там начат весьма важный и ответственный разговор об истоках художественного творчества, о значении говоров и диалектов в развитии национальных языков и литератур. Пройти мимо этого никак нельзя, тем более, что здесь имеются также свои спорные вопросы и проблемы. Следовало бы также весьма основательно исследовать судьбы поль-

ского, русского и белорусского языков в Прибалтике, генезис, состояние и развитие польских и русских говоров в Белоруссии и на Украине. Возникают при этом также весьма интересные и чрезвычайно важные проблемы религиозных традиций и их огромного, даже чрезмерного влияния на национальное сознание. К примеру, значительная часть белорусов по происхождению причисляют себя к полякам лишь только по религиозным соображениям на основе стереотипного смешивания конфессиональности с национальностью: «поляк — католик». Наука не имеет права отмежевываться от проблем реальной действительности. В этом ведь весь смысл ее самодвижения и постоянного обновления.

Следовательно, в широко понимаемой славистике не могут существовать запретные зоны, темы, проблемы, идеи. Необходим широкий и открытый взгляд на славянские народы, их историю, традицию, языки, этнографию, фольклор, культуру и взаимоотношения, на их значение и роль в развитии мировой цивилизации.

2. Я хотел бы пожелать очередному съезду славистов более точного определения тем и проблем, более отчетливого размежевания между отдельными секциями, увеличения значения и роли отдельных комиссий МКС в подготовке конгресса. В связи с тем, что конгресс состоится в столице Словакии — Братиславе, учитывая местные научные традиции, на мой взгляд, следовало бы особое внимание обратить на сравнительное изучение славянских языков, литератур и культур. Лично же меня особенно волнует тема: славянские литературы в современном мире, их роль и значение в сохранении и развитии человеческой цивилизации. Надеюсь, что эта проблема найдет свое достойное освещение на XI съезде славистов.

Проф. Д. ВОРТ (США)

Одному человеку, очевидно, нельзя составить сколько-нибудь справедливый отчет о 34 языковедческих заседаниях, на большинстве которых он и не успел побывать. По моим предварительным впечатлениям, на X съезде разрабатывались преимущественно вопросы исторического, ареального и сравнительно-типологического языкознания. Как следовало ожидать, особенное внимание уделялось изучению древнецерковнославянского (древнеболгарского) языка в его географическом распространении и историческом развитии, причем выступавшие в большинстве случаев не увлекались досадными терминологическими спорами, а дискутировали существенные лингвистические и текстологические вопросы. Из синхронного языкознания широко представленными оказались вопросы грамматики текста, социолингвистики и взаимоотношений грамматики и семантики. Сравнительно слабо представленной оказалась проблематика фонологическая.

Если стараться подвести некоторые (весьма предварительные) оценочные итоги, то можно отметить как положительное явление широкий междисциплинарный подход ко многим вопросам славянского языкознания и культурной истории, как, например, значение этимологии для изучения славянского этногенеза, или семантическую и контекстуальную обусловленность синтаксических конструкций. Менее позитивным, на мой взгляд, следует признать все более заметное, от съезда к съезду, расхождение между славянским языкознанием, с одной стороны, и актуальнейшими проблемами общетеоретического языкознания — с другой. На нашем съезде, например, насколько мне известно, не было обращено внимания на такие явления, как роль так называемых «пустых категорий» в синтаксисе, или так называемую «нелинейную» или «метрическую» фонологию. Возможно, что на следующем, XI съезде в Братиславе нам придется обратить внимание несколько меньше на междисциплинарность и несколько больше на дисциплинарность. Тем не менее, как мне кажется, следует оценить языковедческую работу на нашем X съезде весьма положительно. Языковеды с наукой обращались строго и серьезно, а друг с другом — дружески и непринужденно.

1. Буду говорить о том, что наиболее меня заинтересовало и наиболее поразило в ходе работы съезда. Заинтересовали прежде всего многочисленные оригинальные изыскания о церковнославянском языке, письменности — как в классической, так и в национальных редакциях. Особенно плодотворным оказалось (и, по-видимому, окажется в будущем) сопоставление церковнославянских текстов с греческими образцами, включая недавно открытые. Кроме того, для меня весьма полезными были дискуссии о поэтике — исторической, теоретико-структурной — и попытки определения литературных течений, школ, эпох, с чем, кстати, связан и мой доклад, посвященный исторической и типологической характеристике Ренессанса в славянских странах.

Теперь о том, что поразило. Мне кажется, все более усиливается европейский контекст славистических штудий и методологии. В первом случае (штудии) заметны успехи исторической компаративистики, в направлении от сравнительно узких, междуславянских до более широких, обще-европейских пределов. Что же касается методологии или методики — это плюрализм мнений. Бросается также в глаза параллельный рост престижа в Западной Европе мастеров славистики — от Веселовского до Бахтина и Лотмана. И наоборот, растущий интерес к исследовательским методам Запада — историческая критика, текстуальная критика — со стороны ученых славянских стран. Еще один позитивный момент на этом участке: преодоление методологических затруднений, связанных с идеологическими стереотипами, не имеющими ничего общего с литературной, лингвистической и исторической филологией. Наконец, большая свобода, непосредственность в выражении своих мыслей, скажу даже — большая благожелательность в личном общении, в дискуссиях, не исключая полемики. Не могу не подчеркнуть высокого организационно-технического обеспечения съезда, что также следовало бы засчитать в плюс его хозяевам.

2. Для очередного и последующих съездов было бы желательным создание специальной секции по западнославянской медиэвистике, которая практически отсутствовала на нынешнем съезде. Значение этого пожелания тем более очевидно, если принять во внимание необыкновенное богатство литературы, всей национальной культуры средневековья в стране, которая определена хозяином XI съезда славистов, — в Чехословакии. Заслуживает, по-моему, внимания и второе предложение. Следовало бы включить для обсуждения на съезде и литературные произведения славянских стран, созданные на неславянских языках. К примеру, вся поэзия и проза Богемии, Польши, Хорватии эпохи Возрождения и почти вся литературная проза Далмации вплоть до конца XVIII в. написана на неславянских языках, прежде всего на латинском. Отчасти это же можно сказать о литературах средневековья восточных славян — Белоруссии, Украины. Никакой иной конгресс, кроме славянского, не будет специально интересоваться этими вещами, которые тем не менее составляют органическую часть славянской истории и культуры.

Доц. Э. Я. ГРЕБНЕВА (СССР)

Для меня этот съезд знаменателен тем, что здесь я познакомилась с проф. из Болгарии Н. М. Двелевским, которого ранее знала только по его работам и переписке. Мы работаем в одной области и, можно сказать, в одном направлении: предмет нашего изучения — «Слово о полку Игореве». Проф. Двелевский еще 30 лет тому назад, на IV Международном съезде славистов (Москва), высказал очень плодотворную идею о том, что изучение лексики «Слова» невозможно без славянских параллелей. Я уже ряд лет занимаюсь изучением славянских переводов памятника. Сопоставление древнерусского текста с его славянскими переводами помогает понять смысл ряда доселе непонятных мест и, что самое главное, доказывает чрезвычайную близость переводов к древнерусскому тексту и древность памятника. Такое исследование никогда еще не проводилось, нет

даже специальной библиографии этих переводов. А между тем их делали крупные лингвисты. Первые чешские переводы, например, и первый немецкий перевод (1811) выполнялись под руководством и при непосредственном участии отца славистики — Йозефа Добровского, который как раз рассматривал этот памятник в сопоставлении со славянскими языками. У каждого из исследователей были интересные идеи, есть просто превосходные переводы, но все это пока terra incognita.

Мое пожелание на последующие пять лет до Братиславского съезда и связаны с этой идеей. Пора, наконец, ввести в слововедение его славянское кольцо, его переводы, по крайней мере лучшие, принадлежащие крупным лингвистам: Юнгману, Ганке (немецкий перевод), А. Белёвскому, Брюкнеру, Л. Лэпкому, Р. Жинзифову и многим другим. Такая антология с предисловиями и комментариями переводчиков раскрыла бы новые горизонты для самых разных сопоставительных исследований.

Мечтаю, чтобы такая книга появилась к Братиславскому съезду. Материал для нее у меня уже собран. Дело остается за немногим...

Акад. П. ИВИЧ (СФРЮ)

Не надо ожидать сенсационных новостей на научных конгрессах. То, что мы получаем — это многочисленные конкретные результаты, которые способствуют прогрессу науки, а также — смотр достижений каждой среды. Конгрессы дают возможность каждому показать свои итоги и познакомиться с опытом других. Все-таки я должен подчеркнуть: 1988 год принес крупные результаты на поле лингвистической географии, что было отражено на выставке книг X съезда. Первый фонетический том «Общеславянского лингвистического атласа» (Белград, Сербская академия наук и искусств), первый лексический том того же атласа (Москва, АН СССР), вступительный выпуск «Общекарпатского диалектологического атласа» (Скопье, Македонская академия наук и искусств) и второй выпуск (карты и комментарии) этого же атласа (Москва, АН СССР). На ниве издания межнациональных лингвистических атласов в славянском мире 1988 год принес больше, чем все предшествующие 30 лет со времени Московского съезда славистов.

Невозможно дать обзор наиболее важных докладов на съезде, проходившем в многочисленных секциях. Упомяну лишь несколько докладов, касающихся сербохорватского языка. М. Пешикон из Белграда говорил о значении антропонимии в турецких фискальных списках XV—XVI вв. для исторической диалектологии сербохорватского языка, а В. Лефельдт (ФРГ) — о весьма ценном арабско-персидско-греческо-сербском рукописном разговорнике XV—XVI вв. как источнике сведений сербского народного языка той эпохи. И. Ньюмаркаи (Венгрия) рассказал о плодотворных итогах своих разысканий, касающихся сильного венгерского влияния на лексику литературного языка хорватов во второй половине XIX в. Все эти авторы проделали многолетнюю работу, о результатах которой вкратце сообщили на съезде. Кроме того, В. Вермеер и Х. П. Хаутзагерс говорили о некоторых из своих исследований в области современной и исторической диалектологии. Оба автора представляют небольшую группу голландских исследователей младшего поколения, которые достигли блестящих результатов в изучении сербохорватских диалектов. В этой области они сделали больше, чем иностранные слависты всех остальных стран мира в течение последних ста лет.

Канд. ист. наук А. К. КАВКО (СССР)

1. Хотелось бы высказать два, по меньшей мере, впечатления о съезде. Прежде всего — это внимание к первоисточкам, корням славянской истории и культуры, к исторической преемственности, к той самой «связи времен», которая столь важна для полнокровного духовного творчества и его научного осмысления. Второе наблюдение связано с расширением географии, дальнейшей интернационализацией славистической науки. На съезде ее представляли ученые из 29 стран Европы, Азии, Америки,

что лишний раз убеждает в общечивилизационном значении самобытных национальных культур славянских народов.

Сочетаемость национального и общечеловеческого наглядно отразилась, к примеру, в работе подсекции, посвященной восточнославянскому гуманисту-просветителю и первопечатнику Фр. Скорине, чье творческое наследие рассматривалось в общеславянском и мировом историко-культурном контексте. Правомерны, на мой взгляд, и рекомендации в связи с 500-летием со дня рождения (1490) автора первопечатной «Бивлии русской», прозвучавшие на пленарном заседании при закрытии съезда: о безотлагательном репринтном переиздании скорининских текстов, давно ставших чрезвычайно труднодоступными для исследователей; о достойном внимании «во всем славянском мире» к предстоящему юбилею (1990) выдающегося белоруса — представителя славянской культуры.

2. Как и нынешний, грядущий съезд, по-видимому, не будет жаловаться на недостаток идей — новых, спорных, постановочных. Не плохо бы заранее позаботиться о достаточно отлаженной оперативной информации. Пусть интеллектуальное богатство славистического форума станет достоянием широкой научной и не только научной общественности.

Чл.-корр. САН Я. КАЧАЛА (ЧССР)

1. На международном форуме славистов в Софии с удовлетворением убеждаешься в том, что к проблематике славянских языков и литератур, к истории культуры славянских народов во всем мире неизменно проявляется большой интерес. В связи с этим мне хотелось бы особенно подчеркнуть то большое внимание, которое уделяется славистике в неславянских странах. На мой взгляд, следует высоко оценить общий вклад славистических исследований в сокровищницу мировой науки. На меня приятное впечатление производит осознание того, что славистика не отомрет вместе с современными поколениями ее вдохновенных приверженцев: на съезде представлена хорошо подготовленная молодая генерация, способная на равных дискутировать с представителями старшего и среднего поколения... Я рад убедиться в том, что по славистической проблематике на различных встречах славистов ведется заинтересованная и даже жаркая научная полемика, что славистика постоянно притягивает многих ведущих представителей мирового языкознания, литературоведения, историографии и фольклористики.

2. Я очень бы хотел, чтобы на XI Международном съезде славистов, который впервые состоится в Братиславе, с самой хорошей стороны показала себя прежде всего словацкая лингвистическая славистика. Но для этого, разумеется, необходимо вести целеустремленную подготовительную работу уже сейчас, причем комплексно: в научной и научно-организационной сфере, включая воспитание молодых адептов славистики, и тщательно следить за тем, чтобы мы были готовы к дискуссиям, особенно по проблематике древнейших этапов развития славянских языков, старославянского и праславянского языков. В Словакии мы ощущаем недостаток специалистов именно в этих областях знания. Сегодня уже ясно, что многие славистические проблемы нельзя решать силами отдельных научных дисциплин, что от исследователей требуется хорошая информированность в других родственных дисциплинах и целенаправленное интердисциплинарное решение этих проблем: я был бы рад, если бы славистический форум в Братиславе продолжил добрые традиции предшествующих съездов славистов и принес бы новое качество особенно в интердисциплинарном освещении таких вопросов, как этногенез славян и словаков, праславянская эпоха и язык, искусство и образованность в Великой Моравии, которые непосредственно связаны с деятельностью Кирилла и Мефодия на нашей территории.

Проф. И. И. КОСТЮШКО (СССР)

1. На мой взгляд, работа исторической подсекции 4 по проблеме «Октябрьская революция и социально-культурное развитие славянских народов» была интересной и полезной. В докладах, прочитанных на под-

секции, и в дискуссии по ним раскрывалось значение Октябрьской революции для исторического развития славянских народов, культурные связи между ними и их духовное взаимообогащение. Новые наблюдения и обмен мнениями по этой проблематике в значительной мере обогатили знаниями участников заседания.

2. На XI съезде славистов, по-видимому, следовало бы расширить историческую проблематику, в особенности постановку докладов методологического и сравнительно-исторического характера. Имея в виду необходимость дальнейшего и углубленного изучения проблемы Октябрьской революции, целесообразно было бы на съезде обсудить и результаты новейших исследований в этой области.

Проф. Г. МУКЕРДЖИ (Индия)

1. Здесь, на славистическом съезде, по-особому ощущаешь единство человеческой семьи. Пусть этот дух взаимного познания и дружелюбия господствует во всем мире. Индусов славянская культура привлекает своим высоким духовным настроением. Слушая церковнославянские песнопения при открытии съезда, мне казалось, что я слышу мелодию, ритмы древнейшего индийского ведического гимна. В своем докладе на съезде я и стремился привлечь внимание участников к идее единства наших культур — на примере изучения религии и культуры Индии и славянских народов, в частности России и Болгарии. Эту же идею проводит в жизнь и Всеиндийская ассоциация славистов, которую имею честь возглавлять. На счету наших исследователей уже имеется ряд интересных публикаций: «История торговых связей между Россией и Индией в XVI—XVIII вв.», «Культура и цивилизация в СССР», «Сравнительное изучение рассказов Чехова и Тагора», «Георгий Димитров — вождь рабочего класса», «Георгий Стойков — великий сын Болгарии и великий друг Индии», «Ганди и Шолохов». Недавно в Делийском университете открыта кафедра славистики — пока единственная в Индии.

2. Было бы желательно и дальше расширять представительство на съездах славистов ученых из стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Проф. Р. ОЛЕШ (ФРГ)

1. Начиная с IV Московского съезда славистов (1958) я бывал на всех международных славистических конгрессах. Основные секции на них остаются, но каждый съезд имеет свои определенные темы. И на этом, X съезде, тоже было так. Но участник может посетить только некоторые заседания отдельных секций. Доклады, которые я слушал, были очень информативны и с некоторыми новыми идеями, например, доклады по вопросам праславянского языка.

2. Содержание работы будущего съезда определится на следующих заседаниях МКС с учетом пожеланий новых хозяев съезда — славистов Чехословакии. Что касается моего собственного желания, то оно относится к нашему большому научному предприятию — изданию древних славянских библий на национальных языках. Уже готов первый том, а именно первая католическая польская библия (Леополита 1561 г.). Далее в плане издания значатся чешские, сербские, восточнославянские (Ф. Скорины, 1517—1519, Острожская 1580—1581, Московская 1663) и другие первопечатные библии славянских стран, а также Литвы. Мне не хотелось бы заранее предугадывать пожелания других членов МКС очередному, XI съезду, славистов. Но я желаю ему полного успеха.

Акад. АН УССР В. М. РУСАНОВСКИЙ (УССР)

1. Каждый большой научный форум способствует определению актуальных направлений развития славистики. Можно сказать, что на X Международном съезде славистов отчетливо проявились две тенденции: внимание к анализу конкретных текстов (древнеболгарских, древнерусских, церковнославянских и др.) и развитие новых теорий на основе крупных работ (исторических словарей, исторических грамматик, лингвистических атласов и т. п.), выполненных в национальных исследовательских

центрах. Работы, претендующие на оригинальность вследствие перегруженности известным фактическим материалом, не вызывали интереса или же принимались с определенной долей скепсиса. Поднялась на истинно славистический уровень национальная диалектология. Возможно, этому способствовала работа над общеславянским лингвистическим атласом и издание первых его выпусков. Тем не менее все еще ощущается неравномерная репрезентация говоров различных славянских языков в научной литературе.

Международные конгрессы славистов способствуют укреплению научных контактов между учеными различных стран, кооперации их работы. Для меня были очень полезны встречи с американскими, польскими, итальянскими украинистами, с болгарскими и чехословацкими русистами. В частности, были намечены пути координации украинистических исследований, ведущихся в различных странах, выяснены возможности совместных польско-украинских работ в области лексикографии, была констатирована необходимость обмена диалектным материалом между украинскими и болгарскими учеными и т. п.

2. Мне кажется, что работа съезда по секциям (лингвистической, литературоведческой и т. д.) в целом себя оправдывает. Однако в пределах секций следует предлагать более узкую проблематику. Скажем, такие названия докладов, как «Славянская этимология и праславянская культура», «Проблемы балканского субстрата и формирование южнославянских языков», «Праславянский в западнославянском диалектном континенте» и многие другие, могли бы быть названиями подсекций. Это способствовало бы большей целеустремленности славистических встреч.

Хотелось бы, чтобы дискуссионные вопросы, выносимые на очередной съезд, предварительно тщательнее обсуждались в славистической периодике. Кстати, в последнее время мы стали несколько небрежно относиться к предварительному ознакомлению участников съездов с содержанием докладов: материалы национальных делегаций приходят с большим опозданием или вообще не представляются, с резюме участники съезда знакомятся уже в ходе работы.

И еще один важный вопрос: желательно, чтобы на съездах славистов чаще шла речь о реализации крупных научных проектов, как национальных, так и международных. Для этого следует значительно активизировать работу научных комиссий, работающих при Международном комитете славистов.

Проф. А. Е. СУПРУН (БССР)

1. Главное, что дают такие большие встречи, на мой взгляд, это новые (в том числе возобновляющиеся) контакты между учеными. Именно в ходе этих контактов происходит обмен информацией, до публикации которой еще долго ждать. «Над чем Вы работаете?» — вот вопрос, который я во время съезда слышал десятки раз и столько же задавал его. А в результате — у меня теперь более реальная и живая картина мировой славистики — от Австралии и Китая до Исландии и Канады.

2. Побольше конкретных тематических заседаний, может быть, более коротких, но чтоб было отчетливо ясно, на что идешь. И поменьше состоявшихся докладов. И над тем и над другим обязаны настойчивее поработать национальные и Международный комитеты славистов, которым следует быть более рабочими, чем почетными органами (или при «почетных» комитетах создать рабочие).

Чл.-корр. АН СССР К. В. ЧИСТОВ (СССР)]

1. Съезды славистов становятся все грандиознее, организация их все сложнее. Секций и подсекций становится все больше. Вместе с тем радуется расширение «географии» съезда — на этот раз появление делегаций Китая и Новой Зеландии.

В фольклорной секции прозвучали доклады из всех славянских стран, ГДР, Италии, Швейцарии, ФРГ, США, Англии, Японии и др.

Особенный интерес вызвало обсуждение докладов по двум проблемам — методам реконструкции славянской протокультуры, органической частью которой был фольклор, и проблема современного фольклоризма, т. е. вторичных форм функционирования фольклорной традиции (в литературе, в том числе детской, в кино, телевидении, театре и т. д.). Значительный интерес вызвал доклад Д. Симонидес о роли фольклора и фольклористики в формировании национального самосознания западнославянских народов.

К сожалению, на секции почти не были представлены некоторые влиятельные современные направления фольклористики — этнолингвистика, лингво-фольклористика и то направление, которое получило условное название «постструктурализма».

2. Хотелось бы надеяться, что на XI съезде славистов в Братиславе будет достойно представлена не только фольклористика, но и этнография, без которой классическая славистика как комплексная наука (или точнее — органический комплекс взаимосвязанных наук) не мыслилась.

Несомненно, в Братиславе в центре внимания фольклористов, этнографов и, вероятно, историков будут проблемы многонационального Карпатского региона. Успехи карпатоведов последних двух десятилетий дают все основания на это надеяться.

И последнее — на конгрессе в Софии мы были свидетелями странного предложения представителей двух англо-саксонских стран и Голландии. Они заявили, что считают необходимым съезду славистов перейти на «единственный мировой язык» — английский, так как славянские языки понятны не всем присутствующим. Разумеется, это вызвало протест — делегаты воспринимали съезд как праздник славянского многоязычия, как уникальную возможность за несколько часов услышать речь стольких славянских народов. Эта традиция съездов ни в коем случае не должна быть нарушена — ни к чему, кроме падения уровня славистики это привести не может.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Анічанка У. В., Жураўскі А. І. Беларуска-іншаславянскі сінкрэтызм мовы выдашняў Францыска Скарыны. Доклад на X Міжнародны з'езд славістаў. Мінск, 1988, 35 с.

Бандарчык В. К. Агульныя рысы і рэгіянальныя асаблівасці матэрыяльнай і духоўнай культуры насельніцтва Беларуска-Украінскага Палесся. Доклад на X Міжнародны з'езд славістаў. Мінск, 1988, 26 с.

Бірыла М. В. Тыпалогія і геаграфія славянскіх прозвішчаў. Доклад на X Міжнародны з'езд славістаў. Мінск, 1988, 26 с.

Българско-полска съпоставителна граматика. / Гл. ред. Иванчев С. (отг. ред.) и др. София, 1988.

Българо-съветски отношения и връзки: Док. и материали. / Гл. ред. Христов Хр. (отг. ред.) и др.; Злиднев В. И. (отг. ред.) и др. Т. 3. Януари 1959 — декември 1969. / Ред. колегия на тома: Златев Зл. (отг. ред.) и др.; Позолотин М. Е. (отг. ред.) и др. София, 1988, 691 с.

Втори международен конгрес по българистика. София, 23 май — 3 юни 1986. Доклади 8. България след Освобождението (1878). София, 1988.

Втори международен конгрес по българистика. София, 23 май — 3 юни 1986. Доклади 12. Българската литература след Освобождението (1878). Съвременна българска литература. София, 1988.

Втори международен конгрес по българистика. София, 23 май — 3 юни 1986. Доклади 20. Международни отношения. София, 1988.

Гандев Х. Н. От народност към нация. София, 1988, 108 с.

Головкин А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII вв. Киев, 1988, 136 с.

Гольберг М. Я. Христо Ботев: Нарис життя і творчості. Київ, 1988, 170 с.

Джиджешивили Дж. Борьба болгарского народа за независимость и Грузия. / Ред. Мегрелидзе Ш. В. Тбилиси, 1988, 102 с.

Доклади / 2-й Междунар. конгр. по българистика. София, 23 май — 3 юни 1986 г. /

БЕРНШТЕЙН С. Б.

ТРАГИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ (30-е годы XX века)

В середине августа 1943 г. академик Н. С. Державин и я были приглашены на прием к министру С. В. Кафтанову. Помню, пришлось долго ждать в приемной. Наконец мы в кабинете министра. С. В. Кафтанов говорит: «Должен вас, товарищи, обрадовать. Принято решение об открытии на филологическом факультете Московского университета отделения южных и западных славян. Еще до войны об этом усиленно хлопотал профессор Селищев. К сожалению, полгода назад он скончался. Теперь всю организационную работу по созданию нового отделения Министерство поручает Вам, Николай Севастьянович. Конечно, Вам нужен будет помощник. Эту работу мы поручаем Бернштейну. Теперь у вас есть полная возможность начать в широком масштабе подготовку славистов, в которых так остро нуждается наша страна. Мы ежедневно сталкиваемся с трудными случаями, когда некому поручить переводы текстов с зарубежных славянских языков. Мы вынуждены часто обращаться за помощью к представителям славянской политической эмиграции в нашей стране, но они, как правило, очень плохо знают русский язык. Большие трудности языкового характера возникают при организации различных политических и общественных мероприятий. Вчера я поручил ректору университета организовать прием на славянское отделение уже в этом году. Нужно провести прием студентов не только на первый курс, но и на второй из второкурсников русского отделения. На первый курс мы утвердили прием в сто человек (четыре группы). Мы рекомендуем начать с подготовки прежде всего специалистов по сербскому и чешскому языкам, так как именно по этим языкам нет специалистов, а потребность в них особенно велика. Желаю успеха».

Вероятно министр полагал, что на этом завершится наша встреча, что мы выразим благодарность и начнем работать. Однако все сложилось иначе. Мы грустно молчали. Наша реакция для министра оказалась совершенно неожиданной. «В чем дело?» — раздраженно спросил Кафтанов. Державин сидел молча, низко опустив голову. Кафтанов повторил вопрос, адресуя его уже непосредственно мне. Я ответил кратко. В Москве нет преподавателей сербского и чешского языков, нет специалистов по истории сербского и чешского языков, по истории сербской и чешской литератур. Нет учебников по этим языкам, нет текстов, нет и словарей. Недавно опубликованный учебник проф. Селищева понадобится студентам лишь на третьем курсе, когда они будут изучать историю чешского или польского языков. С большим трудом мы сможем организовать преподавание чешского языка на втором курсе. На первый курс сможем принять максимально 20 человек (две группы по десять человек сербистов и богемистов). Я заметил, что Кафтанов начинает терять самообладание. На

Бернштейн Самуил Борисович — д-р филол. наук, проф., вед. научн. сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

высоких нотах он резко спросил: «Что вы делали все эти годы? Как Вы, Николай Севастьянович, могли допустить, чтобы в Московском и Ленинградском университетах в довоенные годы прекратилось преподавание славянских языков, подготовка славистов? Ведь это же настоящее преступление!» Последние слова Кафтанова неожиданно вывели Державина из состояния апатии. Больше того, академик просто пришел в ярость. Я никогда не видел Николая Севастьяновича в таком состоянии. «Да! — почти кричал Державин. — Уже давно прекращена подготовка славистов в нашей стране. Кто прекратил эту подготовку? Кто объявил, что славянская филология льет воду на мельницу фашистам? В свое время мне с большим трудом в составе Академии наук удалось организовать Институт славяноведения, который просуществовал всего лишь три года. Мой главный помощник по институту В. Н. Кораблев в 1934 г. был арестован и погиб в Средней Азии. Вы упомянули Селищева, а ведь он несколько лет провел в лагерях». Дальше Державин говорить не мог. Он закатил глаза, изо рта пошла пена. Срочно была вызвана медицинская сестра, которая сделала Державину укол, дала таблетки. Кафтанов понял, что переборщил. Это видно было по его лицу. Вскоре два дюжих молодца по рукам увели Державина. Кафтанов дал знак, чтобы я остался. «Расскажите подробнее о ваших славянских делах», — сказал министр. Мой рассказ он слушал внимательно, но с бесстрастным лицом. В заключение Кафтанов сказал: «Что было — то было. Теперь положение изменилось. Слависты теперь нам нужны позарез. Работайте! Обещаю поддержку!»

А что же было? Почему одна из важнейших областей гуманитарной науки за одно десятилетие была ликвидирована? За все 30-е годы в нашей стране не было опубликовано ни одной монографии, посвященной зарубежным славянским языками, сравнительной грамматике славянских языков, старославянскому языку. Эту цепь молчания в начале десятилетия удалось разорвать лишь Н. И. Кравцову своей публикацией «Сербский эпос» (1933).

Первый международный конгресс славистов состоялся в Праге в 1929 г. Наша страна была представлена на нем, хотя сам состав делегации вызывал недоумение. В 1934 г. в Польше состоялся второй Международный конгресс славистов. Вопрос о нашем участии в конгрессе долго висел в воздухе. В самый последний момент было принято решение послать на конгресс только одного Л. П. Якубинского. Однако Лев Петрович отказался, мотивируя отказ тем, что он уже давно не работает в области славянского языкознания. Таким образом, на конгрессе советской делегации не было. Все это было связано с событиями 30-х годов, когда славяноведение во всех его разделах было объявлено лженаукой, глубоко враждебной советскому строю. На этой основе решались вопросы административного и юридического характера. В эти годы резкие выпады против славяноведения можно было встретить в самых различных изданиях, услышать на различного рода собраниях.

Для уяснения событий 30-х годов полезно хотя бы в самой общей форме охарактеризовать состояние славянской филологии в первое десятилетие после Октябрьской революции. Несмотря на трудности гражданской войны, перегибы в области организации академической жизни, отъезда за границу некоторых русских славистов, исследования в области славянской филологии успешно продолжались. Достаточно назвать имена П. А. Лаврова, Б. М. Ляпунова, М. П. Сперанского, А. И. Соболевского, Г. А. Ильинского, П. К. Грунского, Н. С. Державина, Н. Н. Дурново и др. Необходимо вспомнить имена славистов, вошедших в науку перед самой революцией: А. М. Селищев, М. Г. Долобко, Л. А. Булаховский, П. А. Бузук.

С полным основанием можно говорить о расцвете в 20-х годах славянской филологии в Московском университете. В этом велика роль А. М. Селищева, который в 1922 г. переехал из Казани в Москву. Он был не только выдающимся ученым в области славянского и балканского языкознания, но одновременно и крупным организатором. В первой половине 20-х годов в Московском университете под руководством

В. П. Волгина шла активная перестройка университета. К 1925 г. была проделана большая работа, которая подготовила постановление Совета Народных Комиссаров от 17 мая 1925 г. Факультет общественных наук (ФОН) был реорганизован. На его основе были созданы два факультета: этнологический (позже он стал именоваться историко-этнологическим) и советского права. А. М. Селищев был инициатором организации на этнологическом факультете самостоятельного цикла западных и южных славян. Впервые в истории русского университетского славяноведения в одном месте была сконцентрирована подготовка славистов разных специальностей: лингвистов, этнографов и историков. С помощью Волгина Селищеву удалось привлечь к работе на цикле западных и южных славян лингвистов Г. А. Ильинского, Д. Н. Ушакова, М. Н. Петерсона, И. Г. Голанова, П. А. Расторгуева, П. П. Свешникова, Н. Л. Туницкого, историков Ю. В. Готье, М. К. Любавского, С. Д. Сказкина, Д. П. Егорова. Студенты-лингвисты обязаны были сдавать экзамены по истории и этнографии зарубежных славян, студенты-историки и этнографы в свою очередь сдавали экзамены по предметам лингвистического цикла. Впервые в истории обучения славистов были организованы практические занятия по изучению чешского, польского, сербохорватского и болгарского языков.

Известное оживление в подготовке славистов наблюдалось и в Ленинградском университете. Однако одно обстоятельство самым отрицательным образом сказывалось здесь на подготовке лингвистов. Речь идет о насаждении в Ленинградском университете принципов яфетической теории акад. Марра, нанесшей большой ущерб подготовке славистов-лингвистов.

Подготовка славистов в Московском университете шла успешно очень короткий срок. Первые трудности начались уже в конце 1926 г. С ректором Волгиным у Селищева установились простые и дружеские отношения. Они вместе обсуждали разные вопросы не только во время официальных приемов в ректорате, но и в профессорской во время перерывов между лекциями, даже при случайной встрече за пределами университета. Волгин был всегда внимателен и корректен. В начале 1925 г. ректором университета был назначен юрист А. Я. Вышинский. С этого времени коренным образом изменился весь стиль работы администрации университета. Вместе с Вышинским пришли новые люди, деятельность которых носила отнюдь не академический характер. Селищев позже как-то сказал: «Ректора сменил генерал-губернатор». Две попытки Селищева встретиться с новым ректором окончились неудачей. Во второй половине 1927 г. сам Вышинский приказал Селищеву и Ушакову срочно явиться к нему в ректорат. На встрече обсуждались два вопроса: почему на занятиях старославянским языком студенты читают евангельские тексты и почему на факультете игнорируются теории акад. Марра. Ответы, особенно на второй вопрос, не очень убедили ректора, знавшего, что в Ленинградском университете яфетическая теория пользуется признанием. «По вопросу о теории Марра я имел беседу с М. Н. Покровским. Он мне сказал, что яфетическая теория — это первый серьезный опыт применения марксистской теории в языковедении. Возможно именно это вас и не устраивает?» — ехидно спросил ректор.

Новый ректор откровенно повел линию на свертывание славистического образования. Вскоре резко сократился прием на славянский цикл, а затем в 1931 г. факультет был вообще ликвидирован.

На рубеже 20—30-х годов резко увеличилось число отрицательных оценок славяноведения и его конкретных носителей. В самом начале 30-х годов была арестована большая группа историков-славистов: М. К. Любавский, В. И. Пичета, Д. Н. Егоров, Ю. В. Готье, а кроме того, ряд известных историков России. Примечательно, что историки-слависты понесли более тяжелое наказание, нежели историки России.

В конце 1933 г. начались массовые аресты славистов-филологов (специалистов по истории древнеславянской письменности, по кирилло-мефодиевскому вопросу, по славянскому фольклору, по сравнительной грам-

матике славянских языков, по истории зарубежных славянских языков и т. д.). Наиболее интенсивными аресты были в Москве. Здесь были арестованы М. Н. Сперанский, Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, А. М. Селищев, В. В. Виноградов, В. Ф. Ржига, И. Г. Голанов, П. А. Расторгуев, В. Н. Сидоров, Ю. М. Соколов, А. И. Павлович, только что закончивший университет Н. И. Кравцов и ряд других ученых.

Вскоре неожиданно несколько человек оказались на свободе — акад. М. Н. Сперанский, проф. Ю. М. Соколов. Их освобождение толковали так. Брат акад. М. Н. Сперанского Г. Н. Сперанский был известным в стране педиатором, лечил детей крупных политических и государственных деятелей страны, что помогло ему добиться освобождения брата. Однако обвинение с М. Н. Сперанского снято не было. Он был лишен звания академика, находился до самой своей смерти под домашним арестом.

В первой половине 1934 г. шла интенсивная подготовка к съезду советских писателей. Для написания доклада Горькому нужен был консультант по разделу фольклора. Выяснилось, что им может быть только Ю. М. Соколов. По ходатайству Горького Соколов был освобожден.

До возвращения из лагерей арестованных славистов (оно началось в 1937 г.) никто не знал ничего о содержании обвинения, о самом процессе. Был лишь один эпизод в 1934 г. немного приоткрывший завесу. После завершения процесса один из обвиняемых, известный специалист в области древней славянской письменности, оказался на свободе. На другой же день после возвращения домой он покончил с собой.

Первую информацию о содержании обвинения, о ходе самого процесса, о поведении обвиняемых на допросах и на очных ставках я получил в 1939 г. от В. Н. Сидорова. Кратко обвинения сводились к следующему. На рубеже 20-х и 30-х годов в Москве под руководством акад. М. Н. Сперанского группа славистов якобы начала активно действовать в антисоветском направлении. Члены организации поставили перед собою задачу свержения Советской власти и восстановления монархии в России. На квартире Сперанского систематически устраивались собрания, на которых обсуждались как общие, так и частные вопросы борьбы. Еще до завершения процесса было обращено внимание на то, что среди арестованных не было лиц с нерусскими фамилиями (поскольку маловероятно, чтобы носители «кинородческих» фамилий могли желать восстановления в России монархии) — следствие стремилось хотя бы к внешней достоверности.

Следственным органам необходима была помощь в организации процесса. Не все арестованные вели себя на допросах и очных ставках достойно. Некоторые помогали следствию, полагая, что при вынесении приговора это будет учтено.

В результате коллективных усилий было сфабриковано так называемое «дело Сперанского». Суть его состояла в следующем: организационно группа Сперанского была подчинена венскому центру, во главе которого стоял белоэмигрант князь Н. С. Трубецкой. Функцию координатора московского и венского центров по разработанной схеме выполнял Н. Н. Дурново, который в середине 20-х годов находился в длительной заграничной командировке. Была учтена одна важная деталь — сын Дурново был женат на племяннице Трубецкого. В ходе следствия не только ковались новые факты, но и сочинялись биографии. Н. Н. Дурново был объявлен сыном известного реакционного государственного деятеля эпохи Александра II и Александра III. От этого, однако, в дальнейшем пришлось отказаться, так как старые москвичи хорошо знали, что отец Н. Н. Дурново был скромным преподавателем гимназии.

В апреле 1934 г. неожиданно для всех арестованных произошло резкое изменение направления основного удара. Следователи одновременно прекратили вопросы, имеющие отношение к реставрации монархии, к Трубецкому и Сперанскому. Они стали резко прерывать арестованных, если они вспоминали прежние обвинения. Обвинение с этого времени получило другое направление: славянская филология — реакционная наука, которая получила широкое распространение в фашистской Гер-

мании; читая лекции в университете, обвиняемые толкали молодежь в объятия религии; публикуя книги и статьи в буржуазных странах, они наносили большой вред нашей идеологии. Об этом новом повороте следствия мне подробно рассказали А. М. Селищев и Н. И. Кравцов.

Николай Иванович Кравцов учился со мной на историко-этнологическом факультете Московского университета (на два курса старше). Среди студентов того времени он был самым ярким и талантливым. Всех нас поражало его необыкновенное трудолюбие. Он был студентом отделения русского языка и литературы, одновременно сдавал все экзамены по славянскому циклу (по сербохорватскому разряду), под руководством проф. М. В. Сергиевского основательно изучал средневековый романский эпос. Еще в студенческие годы Н. И. Кравцов опубликовал монографию по истории русской литературы, несколько статей. Профессора и студенты видели в нем будущего крупного филолога. Нам было известно, что Кравцов готовит капитальный труд, посвященный сербскому эпосу. После завершения университета он работал в издательстве «Академия», где опубликовал свою книгу «Сербский эпос». Ее первая часть была посвящена исследованию сербского эпоса, вторая содержала тексты песен в переводе на русский язык. Многие из переводов были выполнены самим Н. И. Кравцовым. Мы искренне радовались успеху нашего товарища. Никто из нас не мог представить себе, что «Сербский эпос» превратит жизнь молодого слависта в тяжкую муку. Вот что через много лет рассказал мне Николай Иванович.

В апреле 1934 г. Кравцов был арестован. На первом допросе следователь четко определил вину молодого слависта. В пересказе Кравцова допрос носил определенно антиславянский характер.

— Следователь: Ну, рассказывайте о своих преступлениях.

— Кравцов: Преступными действиями никогда не занимался.

— Следователь: А вы вспомните!

— Кравцов повторил свой ответ.

— Следователь: Хорошо. Тогда скажите мне, почему в фашистской Германии теперь усиленно развивается изучение филологии, не только германской, но и славянской. Белоэмигрант Фасмер имеет возможность в Берлине издавать «Вестник славянской филологии». Неужели не понимаете, что ваша книга «Сербский эпос» — это орудие в борьбе против нас, нашей идеологии?

Кравцов был осужден. В лагере Кравцову пришлось пережить еще одно тяжелое испытание. Вместе с группой неизвестных ему лиц он был объявлен участником одной террористической организации, которая готовила покушение на Сталина. Лишь в самый последний момент один высокопоставленный член специальной коллегии вычеркнул фамилию Кравцова из списка лиц, приговоренных к высшей мере наказания.

После организации на филологическом факультете МГУ славянского отделения в 1943 г. я узнал, что Кравцов отбыл срок наказания и теперь работает в Тамбове. С помощью ректора удалось организовать временные приезды Кравцова в Москву, а затем он получил право жить в Москве. 7 июня 1947 г. на заседании ученого совета Института мировой литературы им. Горького Н. И. Кравцов получил за книгу «Сербский эпос» ученую степень доктора филологических наук. Оппонентами выступали профессоры Н. К. Гудзий, П. Г. Богатырев и И. Н. Розанов. Так замкнулся круг: арест — лагерь — ссылка — докторская степень. И все за одно и то же произведение. Во все это теперь трудно поверить, но так было. Для подтверждения сошлюсь не на воспоминания, а на публикацию.

Ленинград. Тот же злоедейский 1934 г. Самое авторитетное в Ленинграде лингвистическое учреждение — Институт языка и мышления АН СССР. Неожиданно из президиума Академии приходит распоряжение провести широкое обсуждение состояния славянского языкознания в нашей стране. Желающих выступить с докладом на эту тему не находилось. Наконец выразил желание выступить с докладом доцент Областного педагогического института Д. Димитров. Доклад под названием «Славянская филология на путях фашизации» был оглашен и обсужден в самом конце декабря.

Уже в середине 1935 г. доклад был опубликован в трудах Института «Язык и мышление» (т. V, с. 125—133). В опубликованном докладе было сделано много фактических ошибок. Однако не это теперь заставляет нас вспоминать это сочинение. Оно давно и заслуженно забыто. В данном случае речь идет не о науке, а об общественно-политической ситуации в стране, об отношении самых высоких инстанций к славяноведению, к славянской филологии, к славянскому языкознанию.

Уже в самом начале доклада, не приведя никаких убедительных доказательств, Димитров утверждает: «Славянская филология ... была всегда наукой заведомо и насквозь пропитанной зоологическим национализмом» (с. 127). Но этого Димитрову показалось мало. Перед докладчиком была поставлена другая задача, сформулированная в самом названии доклада — славянская филология на путях фашизации. «Какими философскими источниками питается современная славянская филология?» — спрашивает Димитров. «Ответим на поставленный вопрос прямо: славянская филология в качестве своей теоретической базы имеет в настоящее время идеализм фашистского толка. Отрицательное и презрительное отношение к разуму, утверждение ведущей роли души, противопоставление иррационализма, интуитивизма рационализму, культ духа и открытой поповщины, идея расы, восторженное прославление Гердера, Ницше, Шпенглера» (с. 130). Завершил свой доклад Димитров следующими словами: «славянская филология на Западе плотно врастает в фашизм и этим самым теряет право на науку» (с. 133). В случае с Кравцовым данный тезис защищал следователь, здесь его защищал сам славист. Результат, однако, был тождественным: судьбу Кравцова в худшем варианте разделил и автор доклада.

Жестокий каток прошел в 30-е годы по славяноведению в нашей стране. В равной степени это коснулось всех его разделов и всех его научных центров. В Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Минске на длительный срок прекратилось преподавание славяноведческих дисциплин. Это самым отрицательным образом сказалось и на подготовке специалистов по русской филологии. Печальные последствия всего этого сказались быстро. Потребовалось не менее десяти лет, чтобы не только восстановить нормальный процесс обучения, но и подготовить серьезных молодых ученых. В 1958 г. в Москве состоялся IV Международный конгресс славистов. Советские слависты послевоенной формации достойно представляли на конгрессе славяноведение во всех его основных разделах.

ИЗУЧЕНИЕ СЛОВАЦКО-РУССКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В СЛОВАКИИ

Словацкие литературоведы уделяют большое внимание изучению связей своей литературы с другими славянскими литературами, в том числе и с русской. Только за последнее десятилетие по этой тематике в Словакии вышло довольно много статей и книг, среди которых обращают на себя внимание книги Э. Пановой — «Связи и сопоставления» [1] и «Русская и советская поэзия в Словакии» [2], тематический сборник работ С. Лесняковой «Словацкая и русская проза» [3] и книга одного из старейших словацких литературоведов Р. Бртаня «Словацко-славянские литературные отношения и контакты» [4]. Коротко остановимся на характеристике упомянутых работ, исходя из хронологической последовательности истории словацко-русских литературных отношений.

Статьи, вошедшие в раздел «Русско-словацкие отношения» [4, с. 9—71] книги Р. Бртаня, в основном освещают ранний период связей между словацкой и русской литературами. В первой из них говорится о С. Рожнаи, переводчике «Слова о полку Игореве» и «Ермака» Дмитриева, о других первых словацких переводчиках с русского (К. Кузман, Я. Краль, С. Возар, Б. Носак и др.), которые в 1830—1860-х годах переводили Пушкина, Державина, Хомякова, Крылова, Жуковского, Давыдова. Деятельности Рожнаи посвящена и специальная статья «Неизвестный переводчик „Слова о полку Игореве“».

Очень важный этап в развитии словацко-русских литературных отношений рассматривается в статье «Штуровцы и русская литература». Заметная тяга штуровцев к России и произведениям русских писателей опиралась на их общеславянскую ориентацию и имела разные проявления. Это и курс лекций, прочитанный Штуром в 1836 г. в Братиславском лицее — «История литературы русско-славянского племени», и переводы его учеников из Ломоносова (Ц. Зоx), Державина (С. Грабонь), Пушкина (Я. Краль, Я. Ботто), Крылова (Б. Незабудов), Хомякова (Я. Ботто, Б. Незабудов), и активный интерес к русским книгам со стороны штуровцев вообще. Л. Штуру и А. Сладковичу принадлежат первые словацкие стихотворения о Пушкине, явившиеся истоком традиции в национальной поэзии. Интерес к России и русской литературе нашел отражение в творчестве многих штуровцев (Я. Краль, С. Грабонь, Я. Гройхман и др.). Большое значение для укрепления связей с русской литературой имели их встречи с Бодянским, Срезневским и другими русскими культурными деятелями. Особо отмечает Р. Бртань определенное родство штуровцев с общественными и литературными воззрениями декабристов.

Тема взаимоотношения Срезневского со Словакией, где он провел в 1842 г. около трех месяцев, получила раскрытие в статье «Словаки и

Кишкин Лев Сергеевич — канд. филол. наук, д-р ист. наук, проф., вед. научн. сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Срезневский». В ней говорится о встречах русского ученого со Штуром, Шафариком, Колларом, Носаком и многими другими словацкими учеными и литераторами, приводятся тексты стихов, посвященных Срезневскому.

Завершается «русский раздел» сборника Бртаня статьей «Есенский и Пушкин», показывающей сколь существенным было для творческой судьбы словацкого поэта знакомство с произведениями Пушкина. Это лишь одна из немногих работ автора о Пушкине, которые были собраны в другой его книге «Пушкин в словацкой литературе» (1947). Она затрагивает уж не первую половину и середину XIX в., а рубеж XIX и XX в. Упомянутые статьи Бртаня содержат богатый фактологический материал, без которого невозможны какие-либо обобщения. И в этом видится прежде всего их непреходящая ценность.

В отличие от статей Р. Бртаня, книга Э. Пановой [1] является монотематической и охватывает более обширный хронологический период. Она состоит из трех разделов: I. Русская поэзия в словацких переводах до 1918 г. (главы — «Переводы из лирики», «Переводы из лиро-эпических форм», «Стихотворная эпика» и «Обзорные таблицы переводов»); II. Сопоставление родов (главы — «Словацкие проромантики и романтики и баллада Пушкина „Песнь о вещем Олеге“, «Строфа героических песен Штура в европейском контексте» и «Лиро-эпическая поэма в штуровском и русском романтизме»); III. Отзвук некоторых русских романтиков (главы — «Отзвук поэзии А. С. Хомякова в Словакии», «С. Г. Ваянский и А. К. Толстой», «К восприятию творчества М. Ю. Лермонтова»). В книге лишь частично затронута существенная тема знакомства с творчеством Пушкина в Словакии, поскольку ей была посвящена монография Э. Пановой «Пушкин в словацкой поэзии до 1918 года» (1966).

Целью книги являлась «реконструкция общей картины того, как воспринималась и воздействовала русская поэзия XIX в. в Словакии, и определение некоторых закономерностей отношений словацкой и русской литературы» [1, с. 237]. Можно сказать, что если и не во всем, то во многом эта цель достигнута. В разделе первом говорится о том, что переводились на словацкий язык в XIX в. из русской лирики прежде всего произведения философского и гражданского звучания, такие как «Бог» Державина, «Клеветникам России» Пушкина или «Орел» Хомякова. Среди первых переводчиков русской лирики были известные словацкие поэты Кузmani, Коллар, Штур, Сладкович, Краль и др.

Из лиро-эпических и эпических русских поэтических произведений в XIX в. на словацкий язык были переведены «Песнь о вещем Олеге», «Ворон к ворону летит» Пушкина и другие, многие басни Крылова, стихотворения Тютчева, Кольцова, Майкова и т. д. Из более крупных произведений — «Евгений Онегин», «Кавказский пленник», «Руслан и Людмила» Пушкина, «Песнь о купце Калашникове» и «Демон» Лермонтова, «Грешница» А. К. Толстого и др.

Особенно ценными представляются в первом разделе таблицы переводов, в которых указано, кто, когда, чье и какое произведение переводил. На отдельных таблицах показаны общая статистика печатных переводов с 1839 по 1914 гг., а также их жанровая дифференциация. В своей совокупности таблицы, составление которых требовало большого труда, дают представление о переводах русской поэзии в Словакии в XIX в.

Особая роль в словацкой литературной жизни выпала на долю «Песни о вещем Олеге» — и не только как первому произведению Пушкина, с которым познакомились словаки (сначала по воспроизведенному в 1838 г. в журнале «Гронка» латинскими буквами оригиналу, а затем по переводу Я. Крала в 1846 г.), но и как своеобразная историческая баллада. Знакомство с нею имело следствием создание К. Браксоторисом поэтического произведения из шести песен «Судьба, или Олег, воевода русский», опубликованного в 1838 г. в той же «Гронке», что и пушкинская «Песнь о вещем Олеге», и послужившего не только творческим откликом на нее, но и выражением повышенного интереса к истории русского народа. Творческое осмысление и освоение формы и содержания пушкинской «Песни...» прослеживается и в поэме Штура «Святойбой», опирающейся уже на сло-

вацкий исторический материал, и в творчестве Й. Гурбана и А. Г. Шкультего.

Все эти темы, как и близость шутовской строфы шестистроичной строфике пушкинской «Песни...» с рифмовкой *ававсс*, как и родство лироэпической поэмы в русском и словацком романтизме, рассматриваются во втором разделе книги. Завершая ознакомление с обширным и многосторонним откликом на «Песнь о вещем Олеге» Э. Панова пишет: «„Песнь о вещем Олеге“ дала импульсы балладе, историческому эпосу и таким синтетическим сочинениям, как исторические песни Штура...» [1, s. 82]. Такое заключение кажется правомерным.

Третий раздел книги в основном посвящен восприятию в Словакии творчества Хомякова, философские, политические и эстетические взгляды которого, как и его поэзия, «имели в Словакии XIX в. исключительно сильный резонанс, не соответствующий значению и месту его наследия в русской литературе» [1, s. 129]. С этими словами можно бы согласиться при четкой дифференциации степени влияния философии Хомякова на определенные общественные круги Словакии и на литературу, как таковую. Она проводится, на наш взгляд, не вполне последовательно — литературное влияние Хомякова в какой-то мере видится завышенным. Трудно, например, согласиться с таким утверждением относительно 60-х годов: «Склонность к Хомякову была такой выразительной, что в словацко-русских литературных связях затеняет имя самого Пушкина» [1, s. 178]. На основании чего делается такой вывод? С 1861 по 1875 г. в Словакии переводов стихов из Хомякова было несколько больше чем из Пушкина, но можно ли на этом основании определять значение поэта в литературной жизни? Ведь в 60-е годы переводили и прозу Пушкина. Поэтика же Хомякова не выходила из русла пушкинской поэтики, что, кстати, не раз отмечается в книге. Повышенное внимание к содержанию стихов Хомякова со стороны части словацких читателей вряд ли дает основание говорить о том, что он затенил Пушкина, произведения которого в 60-е годы переводили чаще чем до этого. Заметим, что многие в Словакии читали Пушкина еще и по-чешски. Ну, а если взять не 15 лет, а весь XIX в., то значение Пушкина и Хомякова в словацкой литературной жизни просто несоизмеримо. Кроме того, если исходить из числа переводов в какой-то отрезок времени, то надо будет признать, что в 1869—1877 гг. Крылов затенил Хомякова, поскольку в этот период появился 31 перевод из Крылова и только 10 из Хомякова. Но ведь никто не делает таких выводов.

В третьем же разделе книги говорится о переводах из А. К. Толстого, осуществленных С. Г. Ваянским. Автор объясняет интерес Ваянского к А. К. Толстому творческими устремлениями словацкого поэта, его склонностью к эпической поэзии, желанием постичь специфику русского фольклорно-былинного стиха.

Завершается третий раздел главкой о восприятии в Словакии поэзии Лермонтова, которую переводили лишь начиная с 70-х годов и сравнительно с другими русскими поэтами — меньше. Причину этого автор видит не в столь широком, как у Пушкина, тематическом диапазоне его поэзии и ее «идейно-художественной ориентации», в присущем стихам Лермонтова «обостренном субъективизме». Думается, могла здесь еще сказываться и малая осведомленность словацких читателей о духовной атмосфере николаевской России, в которой жил и творил Лермонтов.

«Связи и сопоставления» — итог плодотворной работы Э. Пановой, представляет богатый, разносторонний по характеру историко-литературный материал о связях словацкой и русской поэзии.

Вторая книга Э. Пановой [2] по своей тематике является продолжением двух ее упомянутых предшествующих публикаций. Восприятию в Словакии русских поэтов-классиков (Пушкин, Лермонтов) в межвоенное двадцатилетие посвящены статьи: «Переводы из поэзии Пушкина после образования республики», «Краско и Лермонтов», «Поэзия Лермонтова в переводах и критике», «Янко Есенский и русские инспирации». Содержательная статья «Краско и Лермонтов» несколько выпадает из хронологи-

ческих рамок книги. Замечание автора о том, что отношение творчества Краско «к поэзии инонациональных литератур симптоматично и для периода» [2, с. 9], который им исследуется, представляется все же в какой-то мере умозрительным.

Характерной особенностью восприятия Пушкина в Словакии периода 20—30-х годов был повышенный интерес к его лирике, причем нередко лицейского периода. В оригинальных произведениях и переводах Есенского автор усматривает близость его поэтики Пушкину. Причинами интереса словацких переводчиков к лирике Пушкина автор считает ее тематику, а также и то, что лирику Пушкина ценили русские символисты. Последнее, на наш взгляд, довольно спорно, даже если учитывать интерес к последним в Словакии 20—30-х годов. Кстати, говоря о тенденциях символизма в словацкой поэзии рассматриваемого периода и их влиянии на отношение к зарубежным поэтам, автор книги почему-то почти совсем не упоминает о витализме в творчестве словацких поэтов 20-х годов, о присущей ряду из них тяге к реализму, особенно в 30-е годы. А ведь и эти явления определяли отношения словацкой поэзии с поэзией других стран.

Причины запоздалого внимания словацких переводчиков к Лермонтову Э. Панова видит в том, что если его поэтика и могла быть близка словацким поэтам XIX в., то ее содержание для них, «с их ориентацией на официальную Россию» [2, с. 29], было неприемлемо. Думается, что этот тезис нуждается в известных коррективах. Действительно, Лермонтова в XIX в. переводили по сравнению с Пушкиным меньше. Однако не все словацкие поэты XIX в. (например, Л. Кубани, Я. Краль, Гвездослав) ориентировались лишь на «официальную Россию». Нам кажется Э. Панова более права, когда пишет, что в Словакии «условия для читательского восприятия поэзии Лермонтова возникли в период между двумя войнами» [2, с. 29]. Автор приводит ценные сведения об изданиях Лермонтова (1929, 1940) и его оценке словацкой критикой.

К числу весьма удачных и наиболее интересных с точки зрения раскрытия творческих контактов словацкой и русской поэзии относится статья о русских инспирациях в творчестве Я. Есенского. Автор мотивированно отмечает, что на отношение Есенского к русской классической поэзии влияли труды советских литературоведов, а в заключение пишет: «Отношение Есенского к России было решающим фактором его формирования не только художественного, но и гражданского» [2, с. 46].

Статья «Новая русская поэзия в словацких переводах и публицистике» на богатом фактическом материале подробно освещает переводы Есенина, Блока, Пастернака, Ахматовой, Волошина, Брюсова и других поэтов. Автор пытается показать, чем был обусловлен выбор произведений того или иного поэта. Одной из основных причин отбора, по ее мнению, были изменения в традиционном понимании поэзии. Для молодых поэтов она уже не была порождением народно-освободительной публицистики, а — средством выражения поэтической индивидуальности. Статья содержит обзор статей и заметок о русской советской поэзии в словацкой печати, в частности о Маяковском, Есенине, Блоке, Хлебникове и др. Особое внимание при этом уделено публикациям Л. Новомеского.

Статьи «Словацкая и русская поэма в межвоенный период — ее жанровый характер» и «Словацкая социальная баллада: связи и типологические параллели с чешской, русской классической и советской поэзией» по преимуществу посвящены типологическому сопоставлению. В развитии словацкой поэмы автор отмечает ее сближение как с французской поэмой аполинеровского типа, так и с русской классической поэмой. Эти чисто типологические или же генетические сближения имеют как синхронный, так и диахронный характер. Если поэма в 20—30-е годы не занимала как жанр ведущего положения в словацкой поэзии, то этого нельзя сказать о балладе. Новым в это время явился жанр социальной баллады. К нему обращались Я. Поничан, Л. Новомеский, Д. Окали, Ф. Краль и многие другие; его развитие в словацкой поэзии, как отмечается в книге, было

связано с поэтической традицией Волькера и с сатирической балладой Маяковского, а также балладическим опытом Некрасова.

Никак не умаляя позитивного в целом вклада в литературоведение, каким видится последняя книга Э. Пановой, хочется все же заметить: она, думается, выиграла бы, если бы автор не абсолютизировал выдвигаемый им теоретический тезис о том, что «потребности развития воспринимающей литературы определяют ее обращение к тем или другим импульсам из мировой литературы» [2, s. 113]. Спору нет, это — закономерность развития литературы, но не единственная. Зададим себе такой вопрос: было ли всегда и везде потребностью едва ли не всех европейских литератур обращение к Байрону в начале XIX в.? Не было ли в «байроплизме», в самих новых качествах поэзии Байрона того активного начала, которое способствовало всеобщему интересу к ней? Очевидно, однозначно ответить на эти вопросы нельзя, поэтому надо признать, что обуславливают литературные отношения не одни только потребности воспринимающей литературы, не одни только «домашние литературные каноны» [2, s. 12], а ряд факторов, чего нельзя не учитывать.

Трудно безоговорочно согласиться и с тем, что «носителями» русско-словацких отношений до 1917 г., как сказано во введении, «были, с одной стороны, словацкие русофильские круги, а с другой — официальные славянофильские круги царской России» [2, s. 7]. Во-первых, не все словацкие русофилы и не всегда были связаны со славянофилами и тем более с царской Россией (достаточно в этой связи вспомнить имена Шкарвана и Маковицкого). Во-вторых, не вполне ясно, что подразумевается под определением «официальные славянофильские круги». Таким образом, выдвинутое в книге положение нуждается в уточнении и прояснении.

Несколько более частных замечаний. Институт, в котором учился Илемницкий, будучи в Москве, назывался не «Институт им. А. М. Горького» [2, s. 7], а Коммунистический институт журналистики; на s. 44 вместо современника Пушкина графа В. А. Соллогуба (1813—1882) назван писатель более позднего времени Ф. К. Сологуб (Тетерников, 1863—1897); представляются не совсем точными, во всяком случае требующими разъяснения, мысли автора книги о «господстве и продуктивности» символизма «как литературного направления» в словацкой литературе межвоенного периода [2, s. 66].

Книга С. Лесняковой [3] — итог многолетней работы автора — целиком посвящена словацко-русским связям в области прозаических жанров. Предшествовавшие работы автора близки по теме: «Максим Горький в словацкой культуре» (1961), «Пути к реализму. И. Г. Тайовский и русская литература» (1971). Вошедшие в данную книгу десять статей по своей проблематике могут быть разделены на две части: одни из них затрагивают контакты словацких писателей с русской прозой, другие посвящены истории переводов и выдающимся словацким переводчикам русских прозаических произведений.

В статье «Словацкая и русская проза на рубеже столетий» говорится о застойно-кризисном состоянии словацкой литературы и, в частности, прозы в 1870-е годы. Преодолению сентиментально-романтических условий в словацкой литературе этого времени способствовал опыт русских реалистов — Тургенева, Толстого, Чехова, Горького. Восприятию каждого из этих писателей в Словакии до 1918 г. посвящены в книге специальные исследования.

Прозаики старшего поколения реалистов (Ваянский, Шкультеты) ценили Толстого главным образом как художника, правда Шкультеты более сдержанно относились к философии Толстого, не отвергая ее столь безоговорочно, как Ваянский. Исключительным вниманием пользовался Толстой у «второго поколения реалистов», воспринимавших его и как великого писателя, и как выдающегося мыслителя. И хотя не все последовательно и полностью разделяли его учение, подобно Маковицкому и Шкарвану, однако в большинстве своем ценили социальную критику Толстого, этическую направленность его сочинений, стремление служить своими произведениями народу. «Большинство из них понимало и разде-

ляло не только необходимость просветительской работы среди народа, но и политической деятельности; Д. Маковицкий и А. Шкарван, как самые горячие последователи идей Толстого, все же в этой деятельности не участвовали» [3, с. 24]. Последнее по сути верно, но все же требует некоторого уточнения. Шкарван и Маковицкий в политической деятельности не участвовали, однако подвергались преследованию венгерских и русских властей, ибо объективно их деятельность затрагивала политические интересы власть имущих.

О популярности Толстого в Словакии позволяет судить приводимая в статье статистика его переводов: первый появился в 1876 г., к 1900 г. было уже 88 переводов, а к 1918 — 188. На рубеже XIX—XX вв. Толстой был самым переводимым в Словакии русским писателем.

Много фактов, свидетельствующих о большом интересе к творчеству Чехова в Словакии, приводится в статье «Словацкая литература и Антон Павлович Чехов до образования республики». Первые переводы из Чехова появились в Словакии в конце 1880-х годов и сразу же полюбили читателей своей критичностью, острым вниманием к жизни простых людей, своей особой простотой и краткостью. Среди тех, кому был близок Чехов, для кого его творчество было примером, С. Леснякова называет Й. Г. Тайовского, Я. Есенского и др.

Две статьи посвящены восприятию в Словакии Горького («Йозеф Грегор Тайовский и Максим Горький», «Словацкая проза первого послевоенного периода и творчество Максима Горького»). Помимо демократизма и гуманизма, лежащих в основе творчества Горького и Тайовского, автор отмечает и такие общие для них черты, как частое обращение к живой действительности, повествование лишь об одном герое и т. д. Творческие соприкосновения с Горьким и аналогии с ним автор отмечает в целом ряде произведений Тайовского. После 1945 г. на опыт Горького опирались такие писатели, как В. Минач и Р. Яшик, которым, как и Тайовскому, была близка «горьковская концепция человека».

В аналитическом обзоре «Переводы произведений русских писателей в период формирования словацкой национальной литературы» от начала переводов произведений русской литературы на словацкий язык (1836) и до наших дней выделено три периода: 1836—1918, межвоенные и военные годы и период после 1945 г. Темой статьи является первый период. Переводы этого периода автор справедливо связывает с «общественной, культурной и литературной жизнью Словакии», однако не исключает при этом и элементов случайности. Особо интенсивно русская литература переводится в конце XIX—начале XX в.: с 1890 по 1918 г. в «Словенских поглядах» было опубликовано 155 переводов произведений 60 русских писателей (Толстого — 32, Чехова — 17, Тургенева — 10), в «Народных новинах» с 1887 по 1915 г. — 150 рассказов Чехова. С 1918 по 1938 гг. зарегистрировано 700 переводов (Чехов, Толстой, Тургенев, Горький, Блок, Эренбург, Есенин, Маяковский, Пришвин, А. Н. Толстой и др.). Я. Леснякова приходит к обоснованному заключению, что «переводы с русского языка на словацкий сыграли особенно значительную роль в двух исключительно важных исторических этапах развития словацкой литературы — во время утверждения национальной самобытности и реализма, и затем при формировании концепции социалистической литературы...» [3, с. 81].

Общие данные о важной роли переводов с русского в развитии словацкой литературы дополняются и конкретизируются в статьях «Йозеф Шкультеты и русская литература», «Три словацких перевода рассказа А. П. Чехова „Скрипка Ротшильда“» и «Переводы Марии Разусовой-Мартаковой...». В статье, посвященной популяризаторской и переводческой деятельности Й. Шкультеты, показано, что по сравнению с Ваянским он был более объективным ценителем русской литературы, что ему принадлежат особые заслуги в деле ознакомления читателей со своими переводами из Тургенева, Толстого, Чехова, которого он перевел на словацкий язык первым. Шкультеты переводил также Гоголя, Сал-

тыкова-Щедрина, Короленко; его перу принадлежат первые публикации о Пушкине, Гоголе, Достоевском и других русских писателях.

Разные переводы (1895, 1934, 1954) разбирает автор в статье о рассказе Чехова «Скрипка Ротшильда», сопоставляя каждый из них с определенным периодом словацкого литературного развития и соответствующей ему поэтики. О заслуживающем признания переводческом труде М. Разуновой-Мартаковой говорится в специальной статье, где рассматриваются ее переводы из русской литературы и высоко оценивается их общее культурное и литературное значение.

В статье «Идейно-художественная функция переводов из русской и советской литературы» отмечается более широкое — общественно-политическое — и более узкое — специфически художественное — назначение переводов [3, с. 112]. Особо выделена позитивная роль переводов из русской советской литературы после 1945 г.

Основной задачей книги С. Лесняковой было «на основе исследований конкретного материала ответить на вопрос, какие импульсы и когда представлял русский литературный реализм словацким писателям» [3, с. 120]. В целом это удалось.

В заключение краткого обзора четырех книг о словацко-русских литературных связях можно сказать, что они — не только свидетельство активности словацких ученых, но и существенный шаг вперед в этой области науки о литературе. Они содержат очень богатый материал и ценные обобщения, которые несомненно послужат дальнейшей разработке важной и актуальной проблематики словацко-русских литературных связей. Такие книги служат делу культурного сближения и научного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Panovová E. Vzt'ahy a konfrontácie. Bratislava, 1977.*
2. *Panovová E. Ruská a sovietská poézia na Slovensku (1918—1938). Bratislava, 1983.*
3. *Lesňáková S. Slovenská a ruská próza. Bratislava, 1983.*
4. *Brtaň R. Slovensko-slovanské literárne vzt'ahy a kontakty. Bratislava, 1979.*

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Гл. ред. Зарев П. и др. 20. Международни отношения. София, 1988, 258 с.

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 5. Май 1945 г. — февраль 1948 г. М., 1988, 484 с.

История, культура, этнография и фольклор славянских народов: Докл. сов. делегации. X Междунар. съезд славистов, София, сент. 1988 г. / Отв. ред. Костюшко И. И. М., 352 с.

Кабашнікаў К. П. Узаемадзеянне ўсходнеславянскіх традыцый на сучасным этапе. Даклад на X Міжнародны з'езд славістаў. Мінск, 1988, 35 с.

Каталог советской литературы на книжной выставке X Международного съезда славистов. София, сентябрь 1988. М., 1988, 167 с.

Кирило-Методиевски студии. / Ред. кол.: Дпнеков П. (отг. ред.) и др. Кн. 4. Хиляда и сто години от смъртта на Методий. София, 1987, 520 с.

Ковачев Н. П. Българска ономастика: Наука за собствениите имена. София, 1987, 212 с.

Мальдзіс А. І. Францск Скарына як прыхільнік збліжэння і ўзасмазразумення людзей і народаў. Даклад на X Міжнародны з'езд славістаў. Мінск, 1988, 34 с.

Мальков М. П. Ярослав Ивашкевич и Александр Блок: Опыт сопоставит.-типол. исслед. Л., 1988, 158 с.

X Международен конгрес на славистите. Резюмета на докладите. София, 14—22 септември, 1988. София, 1988, 766 с.

Микитенко О. О. Сербские тужбалицы, опыт синхронной и историко-географической характеристики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. / АИ БССР. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Минск, 1988, 18 с.

Милисвац Ж. Матица Српска и звукова реформа. Нови Сад, 1987.

Мюнхен — преддверие войны: (Ист. очерки). / Андреевская Е. А., Беляева В. И., Волков В. К. и др. / Отв. ред. Волков В. К. М., 1988, 310 с.

Навуменка І. Я. Элементы міфалогіі ў назвіі Янкі Купалы і Якуба Коласа. Даклад на X Міжнародны з'езд славістаў. Мінск, 1988, 39 с.

Общеславянский лингвистический атлас: Сер. лексико-словообразоват. Вып. 1. Животный мир. / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1988, 188 с.

Общественное движение на польских землях: Основные идейные течения и полит. партии в 1864—1914 гг. / Душенко К. В., Лешынина М. И., Обухенкова Л. А. и др. / Отв. ред. Орехов А. М. М., 1988, 336 с.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

И. В. ЧУРКИНА. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в.— 1914 г. М., 1986, 221 с.

В рецензируемой книге, являющейся тематическим продолжением предшествующей [1], рассматриваются конкретные связи между словенской и русской интеллигенцией, характеризуются формы контактов, деятельность их носителей, дается оценка словенско-русских связей и указывается на их значение как для духовной жизни обоих народов, так и особенно для развития науки о славянах.

Описывая факты посещения русскими путешественниками словенских земель до 20-х годов XIX в., автор с полным основанием заключает, что сведения в России о словенском народе были тогда самыми приблизительными. Характеризуя взаимоотношения между крупнейшим словенским ученым первой половины XIX в. Е. Копитаром и представителями зарождавшейся в России науки о славянах, И. Чуркина отмечает, что Е. Копитар, к 30-м годам уже известный учепый, мог оказать немалую помощь первым русским славистам. Разбирая причины неприязненного отношения Копитара к представителям России, она присоединяется к мнению И. В. Ягича, что «будучи австрофилом, Копитар завидовал России, ее успехам в науке и политике, видел в ней главную соперницу Австрии на Балканах» (с. 19). Нам же представляется, что позиция Копитара определялась другими особенностями его личности. Известно, что он не признавал и многих чешских ученых, да и к словенцам относился далеко не всегда с симпатией.

Говоря о посещении словенских земель посланцами русских университетов в начале 40-х годов, И. Чуркина подчеркивает, что среди этих посланцев наибольших успехов в изучении словенцев достиг И. И. Срезневский. Освещается также вопрос о вкладе других русских ученых в изучение словенского языка и этнография (П. Прейса, В. Григоровича, Н. Надеждина и др.).

В 50-х — начале 70-х годов XIX в., по мнению автора, установились постоянные русско-словенские научные связи, а главной фигурой, к которой тяготели русские слависты, стал Ф. Миклошич (с. 61). Подробно освещены формы научных связей, описываются контакты русских ученых А. Гильфердинга, М. Петровского, Н. Попова со словенскими деятелями, а также русских научных и общественных организаций с Матицей Словенской. Указано на большую роль священника русского посольства в Австрии М. Раевского в организации научных и других связей русских со словенцами.

По суждению И. Чуркиной, «целую эпоху в развитии русско-словенских связей» составила деятельность крупного русского слависта И. А. Бодуэна-де-Куртене, который не только создал замечательные исследования по словенской филологии, но и способствовал развитию словенской научной мысли (с. 112). И. Чуркина рассмотрела практически всю научную продукцию о словенцах, появлявшуюся в России в конце XIX и начале XX в., и отклики на нее со стороны словенцев. Показано новое качество научных связей: не только русские ученые продолжали разрабатывать проблемы словенистики, но и словенцы проявляли интерес к России, слушали лекции крупнейших русских ученых, откликнулись в печати на их работы. Приведены факты посещения словенцами России, повышения интереса словенской интеллигенции к русскому языку, истории, литературе после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., вплоть до 1914 г.

В целом рецензируемая работа является результатом большого и добросовестного исследования разнообразных источников, в подавляющем большинстве еще не вводившихся в научный оборот. Впервые в нашей историографии создана отличающаяся высокой степенью досто-

верности картина русско-словенских связей за более чем столетний период; прослежено их постепенное развитие и процесс взаимного обогащения ученых России и Словении. Проработан материал не только советских, но и югославянских архивов. В нашей славистической литературе почти нет других работ, охватывающих связи между русским и другими славянскими народами на протяжении столь длительного периода. Нижеследующие же замечания посвяты лишь частный характер.

И. В. Чуркина указывает, что из десяти словенцев, получивших приглашение на этнографическую выставку в Москве (1867), «отважился поехать только М. Майер» (с. 77), а через две страницы утверждается, что в Матице Словенской появилось большое количество русских книг «после приезда из Москвы гостей этнографической выставки Вильхара и Гудца». Видимо, эти последние тоже «отважились» побывать в Москве?

Далее читаем, что Бодуэн-де-Куртене «окончил Варшавский университет» (с. 90). Но ведь этот университет был открыт только в 1869 г., а когда учился Бодуэн, в Варшаве существовала лишь «Главная школа», которую следовало бы от университета отличать.

А. Пыпин назван «учеником» Н. Г. Чернышевского (с. 116), что представляется неоправданным. Явная неточность имеется на с. 152, где говорится о существовании в Варшавском университете целого ряда славистических кафедр. На самом же деле, там существовали лишь кафедра славянской филологии и кафедра славянского права, но по ряду предметов имелись отдельные профессора, тогда как в других русских университетах все дисциплины вел один профессор (лишь в Петербургском университете — два).

Нуждается в уточнении утверждение автора, что лингвист Р. Нахтигал, «являясь членом комиссии славистов при Московском археологическом обществе, читал там лекции» (с. 186). Во-первых, названная организация официально именовалась «Славянская комиссия» и объединяла не только славистов, но и представителей других дисциплин. Во-вторых,

Нахтигал не мог быть ее «членом», поскольку в нее входили — согласно уставу — только члены Московского Археологического общества; в ней было больше русистов, чем славистов в современном смысле этого слова. Р. Нахтигал присутствовал на заседаниях комиссии в качестве «иностранным гостя», и, как свидетельствуют протоколы, сделал лишь один доклад — «Следы древнеславянского паримейника в хорватской глаголической литературе» — на заседании 4 декабря 1901 г. (см. [2]).

М. Мурко умер не в 1951 (с. 161), а 13 февраля 1952 г.

Подчас И. В. Чуркина без видимых причин отказывается от комментирования суждений словенских деятелей о России. Так, в цитируемом автором письме Р. Нахтигала И. Приятелю, в частности, читаем: «Да, действительно, слависты-славянофилы (имеются в виду русские ученые начала XX в. — Л. Л.) — скорее реакционные журналисты, чем ученые» (с. 186—187). С этим утверждением нельзя согласиться. Достаточно вспомнить хотя бы П. А. Кулаковского, приверженца славянофильских взглядов, внесшего, однако, несомненный вклад в изучение культуры южных славян. Есть и другие примеры. Думается, что монография выиграла бы, если бы автор не упускала возможности указывать и на ошибочные утверждения словенских деятелей. Кроме того, читателю, особенно не-слависту, интересно было бы узнать о причинах односторонне-филологического характера научных связей между русскими и словенцами.

Высказанные соображения не умаляют достоинств рецензируемой книги. Монография открыла малоизвестную страницу в истории связей русских ученых с зарубежными славянами и является серьезным приобретением советского славяноведения.

Лаптева Л. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуркина И. В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978.
2. Древности. Труды Славянской Комиссии МАО. М., 1902, с. 50.

1. ВАНАТ. *Париси новітньої історії українців східної Словаччини Кн. I, (1918—1938). Кн. II (вересень 1938 г.—лютий 1948 г.).* Братіслава, 1979, 368 с.; 1985, 336 с.

И. ВАНАТ. *Очерки новейшей истории украинцев восточной Слав акии. Кн. I (1918—1938). Кн. II (сентябрь 1938 г.—февраль 1948 г.)*

Монография словацкого историка И. Ваната — первое в чехословацкой историографии обобщающее исследование истории украинского национально-меньшинства в Чехословакии. Исследование основано на изучении автором материалов 15 архивов Чехословакии, опубликованных документальных материалов, а также историографии вопроса.

В первой книге автор рассматривает особенности национально-освободительной борьбы закарпатских украинцев накануне и в период первой мировой войны в контексте украинского национального движения в Австро-Венгрии. И. Ванат подчеркивает, что украинские земли монархии Габсбургов были самыми отсталыми, но и среди них Закарпатье занимало последнее место. Неполная социальная структура, преобладание пассивных форм протеста против социального и национального угнетения, склонность интеллигенции к быстрой денационализации, с одной стороны, или к москвифильскому мессианизму — с другой, привели к тому, что закарпатские украинцы, в отличие от других народов двуетнической монархии, вплоть до 1918 г. не прошли этап национального возрождения и национального самосознания у них носило зачаточные формы. Говоря о политической ориентации в среде закарпатских украинцев, автор монографии отмечает реакционное москвифильство определенных кругов интеллигенции и народное русофильство как проявление симпатий широких народных масс к русскому народу.

И. Ванат анализирует положение украинцев в буржуазной Чехословакии в 1918—1938 гг. Территория, населенная закарпатскими украинцами, была разделена на «Подкарпатскую Русь» и «Нярашевщину». Юридически закрепленное право Закарпатской Украины (под наименованием «Подкарпатская Русь») на автономию в составе Чехословакии в Сен-Жерменском мирном договоре 1919 г. и конституции страны 1920 г. осталось лишь на бумаге. Основные социальные проблемы украинцев как в восточной Словакии, так и в Закарпатье в буржуазной Чехословакии решены не были.

В восточной Словакии отсутствие в среде украинского населения промышленного пролетариата ограничивало классовую и национальную борьбу спорадическими, неорганизованными выступлениями крестьян, кончавшимися поражением (Чертижянско-Габурское волнение крестьян в 1935 г.).

Во второй половине 30-х годов, пишет И. Ванат, в Закарпатье и восточной Словакии активизируются буржуазные «автономисты» и сепаратисты. Автор значительное внимание уделяет «Закону о полномочиях губернатора „Подкарпатской Руси“», принятого в 1937 г. Он указывает на непоследовательность правящих кругов, объявивших практически о суррогате автономии Закарпатья, полном игнорировании прав украинцев восточной Словакии, что способствовало усилению демагогической пропаганды «автономистов» и их кооперированию с фашистскими элементами в республике. Автор подчеркивает, что единственной политической силой в буржуазной Чехословакии, которая вела последовательную борьбу за социальное и национальное освобождение украинских трудящихся, были коммунисты.

Специальный раздел книги посвящен проблемам культурного развития украинцев восточной Словакии. Незрелость социальной структуры привела к тому, что в культурной жизни украинской среды этой части республики доминирующее положение занимала униатская церковь, проводившая денационализаторскую политику, отрицавшая принадлежность украинцев Чехословакии к единой украинской нации. В результате культурная жизнь украинцев на этой территории несла сильный отпечаток клерикализма и была оторвана от прогрессивных культурных течений Чехословакии.

Во второй книге «Очерков» И. Ванат анализирует сложный этап истории украинцев восточной Словакии, включающий чехословацкий кризис 1938—1939 гг., период второй мировой войны и национально-демократической революции в Чехословакии 1945—1948 гг.

Прежде всего И. Ванат рассматривает политическую ситуацию в восточной Сло-

заклики и в Закарпатье в период чехословацкого кризиса 1938—1939 гг. Правящие круги буржуазной Чехословакии, подчеркивает он, пожинали плоды своей антинародной политики в этой части республики. Их нежелание даже в преддверии кризиса осуществить законные права украинцев способствовало усилению позиций сепаратистов всех оттенков, поддерживаемых и направляемых извне нацистской Германией, хортистской Венгрией и Польшей, жонглировавших с целью подрыва Чехословакии правом на самоопределение национальных меньшинств республики. И. Ванат справедливо подчеркивает, что в условиях фашистской угрозы право на самоопределение теряло свой общедемократический характер и превращалось в инструмент крайнего национализма. Закарпатское автономистское движение в период кризиса 1938 г., в сравнении с судетонемецким, словацким и венгерским было гораздо слабее и не представляло серьезной политической проблемы для пражского правительства. Поэтому последнее даже не пыталось урегулировать украинский вопрос в духе Сен-Жерменского договора, что укрепило бы демократический лагерь в Закарпатье, стоявший на позициях поддержки чехословацкой государственности и выступавший против сепаратистов фашистского толка типа А. Бродия, С. Фенцика, Ю. Ревая, А. Волощина, которые были платными агентами соседних стран (Венгрии, Польши, Германии) и действовали по их указке. После Мюнхена в условиях общего политического кризиса в республике пражское правительство, как отмечает И. Ванат, быстро теряет контроль над развитием ситуации в центральной и восточной частях республики. На авансцену политической жизни выходят сепаратисты, возглавившие автономные правительства в Словакии и Закарпатской Украине. Единственной организованной политической силой, продолжавшей мужественную борьбу против фашизации и расчленения послемюнхенской Чехословакии, была КПЧ.

В этот период в среде украинцев Чехословакии образовались два политических центра: так называемое автономное правительство «Карпатской Украины», где преобладали украинские националисты, и «русинская» группировка в восточной Словакии, пытавшаяся установить сотрудничество с автономным клеро-фашистским правительством в Братиславе. Программой «русинской» группировки, представлявшей мелкобуржуазные

круги и униатское духовенство, был «политический русинизм», идея «самобытности русинов». И. Ванат подчеркивает, что политика этой группировки была приспособленческой, а идея «самобытности» — провинциальным анахронизмом. И. Ванат указывает на иррационализм политических построений буржуазных украинских деятелей восточной Словакии и Закарпатья в период кризиса 1938—1939 гг. Справедливое решение национального вопроса, подчеркивает он, несовместимо с опорой на реакцию, на нацистскую Германию, для которой Словакия и Закарпатье были всего лишь разменной монетой в ее политических калькуляциях.

В разделе, посвященном положению украинского меньшинства в Словацком клеро-фашистском государстве в период войны, автор пишет, что клеро-фашистская верхушка, используя национальную недоконституционность, борьбу между украинским и «русинским» направлениями, объявила украинцев восточной Словакии отдельной «русинской национальной группой», с тем чтобы ее постепенно денационализировать. К тому же оккупации Закарпатья и части восточных районов Словакии хортистской Венгрией весной 1939 г. ухудшила экономическое положение восточнословацких украинцев. Вследствие инфляции в период войны пришла в упадок основная отрасль крестьянского хозяйства — животноводство, мелкая буржуазия из украинской среды отеснялась местными словацкими клеро-фашистскими главарями. В результате клеро-фашистский режим восстановил против себя все социальные прослойки в среде украинцев и тем самым создал базу для движения сопротивления.

Во главе его стали коммунисты, выдвинувшие лозунг единства борьбы за социальное и национальное освобождение. Одной из форм сопротивления на начальном его этапе развития был переход значительной части украинской молодежи в Советский Союз после присоединения Западной Украины к СССР. Впоследствии они влились в ряды бойцов чехословацкой воинской части, сформированной в СССР, и прошли с ней героический путь от Соколова под Харьковом до Праги. Этому сюжету И. Ванат посвятил специальный параграф книги.

Со второй половины 1943 г. движение сопротивления в восточной Словакии принимает организованные, активные формы. Наряду с коммунистическим подпольем была создана и широкая антифа-

шистская организация «Карпаторусский совет национального освобождения», принимавшая активное участие в развертывании партизанского движения в Словакии. И. Ванат прослеживает процесс освобождения восточной Словакии Советской Армией осенью 1944 г. Именно здесь прошли самые кровавые бои в ходе Восточнокарпатской операции.

В заключительной части «Очерков» И. Ванат рассматривает развитие событий в восточной Словакии в период национально-демократической революции 1945—1948 гг. После освобождения главным вопросом было решение острых социальных проблем края. В ходе карательных акций нацистов и военных действий в восточной Словакии были уничтожены все продовольственные запасы, разрушено около 60% построек и 84% дорог, уничтожены или увезены все транспортные средства (с. 58). В первые месяцы освобождения большую помощь населению и народным органам оказывало советское командование. В этих условиях, указывает И. Ванат, политическая активность трудящихся восточной Словакии, словаков и украинцев проявлялась прежде всего как социальный процесс, национальные вопросы проявлялись в отличие от первых, слабее. В то же время разгром фашизма, участие широких слоев в партизанском движении, чехословацком корпусе, приход Советской Армии способствовали пробуждению национального самосознания, стремлению покончить с социальным и национальным угнетением. В этой связи И. Ванат большое внимание уделяет движению украинцев Закарпатья за воссоединение с Советской Украиной в 1944 г. и отношению к нему украинцев восточной Словакии. Здесь представителем украинского населения стал «Украинский народный совет Пришевщины»

(УНСП), проводивший линию на закрепление юридических гарантий социально-го и национального развития украинцев в народно-демократической Чехословакии. И. Ванат критически оценивает деятельность УНСП, избегая при этом односторонней ее оценки, чем грешили многие его предшественники. Острота социальных проблем края, недорешенность национального вопроса часто порождали определенные трения между УНСП и Словацким Национальным Советом (СНС), отдельные проявления экстремизма с той и другой стороны. Однако это не дает оснований для отрицания положительного вклада УНСП в развитие национально-демократической революции в крае.

Больших успехов достигли украинские трудящиеся в ходе революции в сфере культуры. При активном содействии СНС во всех селах были созданы украинские школы, в 1948 г. открыт филиал заочного обучения учителей при Педагогическом факультете Словацкого университета в Братиславе. Тем не менее, подчеркивает И. Ванат, в деятельности УНСП в сфере культуры «преобладал революционный романтизм над политическим реализмом» (с. 138—139). В результате УНСП не использовал всех тех возможностей, которые ему предоставила народно-демократическая власть. Невыполненные задачи были осуществлены уже в период строительства социализма в Чехословакии.

Монографическое исследование И. Ваната, богатое документальным материалом, содержащее глубокий анализ социальных и национальных процессов в восточной Словакии в 1918—1948 гг., станет важным вкладом в изучение национальных проблем Чехословакии.

Пол И. И.

F. SIELICKI. Klasycy dziewiętnastowiecznej prozy rosyjskiej w Polsce międzywojennej. Warszawa, 1985, 597 s.

Ф. СЕЛИЦКИЙ. Классики русской прозы XIX в. в межвоенной Польше

Русско-польские литературные связи и такой их аспект, как восприятие русской литературы в Польше — предмет серьезных исследований польских ученых (М. Якубец, Б. Бялокозович, Т. Шишко, Т. Позыняк и др.). Исследования в этой области существенно дополняет и книга

Ф. Селицкого, посвященная восприятию классической русской прозы XIX в. в Польше межвоенного двадцатилетия. Автор известен своими статьями о восприятии в Польше творчества Гоголя, Тургенева, Л. Толстого, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Чехова. Именно эти:

статьи, расширенные и доработанные, составили основу рецензируемого труда.

Функционирование литературы в обществе — одна из ведущих проблем новейшего литературоведения. Книга Ф. Селицкого в определенной степени отражает этот поворот науки о литературе от исследований «производства» текста к исследованию его «потребления». Однако в отличие от теоретиков рецептивной эстетики, которые провозглашают равноправие «поэтики восприятия» и «поэтики выражения» (а порой и примат восприятия) и считают предполагаемого читателя полноценным участником творческого процесса, энергично вторгающимся в произведение и актуализирующим его потенциальное содержание, Ф. Селицкий занят сугубо практическим делом: реальным читателем. Такой подход рождает свой круг вопросов, которые можно было бы сформулировать так: что из русской литературы читали поляки в 1918—1939 гг., почему и как они читали русскую классику. Пользуясь терминами социологии книги, можно сказать, что для Ф. Селицкого чтение — и физический, и психический акт. С одной стороны, это объем изданий, читательский спрос, степень циркуляции русской литературы в польском обществе — т. е. данные, измеряемые статистически. С другой, собственно восприятие: разного рода суждения о литературе, творческое освоение произведений — словом, все то, что оценивается эстетически.

Отметим, Ф. Селицкий оперирует лишь надежными свидетельствами восприятия. Таковы издания (автор дает полный перечень переводов, включая анонимные и изданные малым тиражом; делает поправку и на то, что многие поляки читали русскую литературу в оригинале); постановки пьес в столичных и провинциальных, профессиональных и любительских театрах (с датировкой премьер и указанием числа представлений); разного рода переложения, инсценировки, экранизации (причем не только польские, но и зарубежные, демонстрировавшиеся в Польше и стимулировавшие интерес поляков к русской литературе), парафразы, пародии, подражания...

Помимо этих «количественных» показателей, Ф. Селицкий учитывает «качественные»: книги и статьи польских критиков о русской литературе, заметки в прессе, рецензии на русские пьесы в польских театрах, в русских театральных студиях в Польше и даже на советской сцене. Особо цитирует автор об от-

кликах на зарубежные (в том числе советские) публикации о русской литературе. Это своеобразное «восприятие восприятия» он также рассматривает как признак большого внимания поляков к русской классике.

Тщательно собраны Ф. Селицким высказывания о русской прозе, зафиксированные в дневниках, письмах, воспоминаниях писателей — этой специфической читательской категории, а также отголоски русской литературы в польской литературе и языке — крылатые слова и выражения.

Автор черпает сведения из газет и журналов, монографий и учебников, энциклопедий и художественных произведений. Кажется, он использует все возможные источники, зачастую труднодоступные, и тем самым приближает их к современным исследователям.

Как же систематизирует автор эту богатую фактографию? Он группирует факты в тематические (не проблемные) «классы»: переводы, юбилейные статьи и т. п. Прокомментирован же этот ценный материал более чем скромно. Ф. Селицкий крайне редко верифицирует оценки и не приводит их в соответствие с оценками нынешними. Ссылаясь на более поздние отзывы, он также не изъясляет собственной позиции, словно растворяется в чужих суждениях, становится незаметным.

Вероятно, предвидя подобные упреки, Ф. Селицкий во введении к книге ограничивает свою задачу изучением исключительно восприятия. Но в таком случае и само восприятие он понимает крайне узко: лишь как документально установленный факт отношения того или иного поляка к тому или иному произведению русской литературы.

Достоинство книги в другом — в убедительном показе социально-исторической обусловленности существования литературного произведения, зависимости восприятия от ситуации в обществе, безусловного «вмешательства» истории в отношение к литературе. В этом смысле чтение не отличается от всякого другого вида деятельности. Эта мысль четко выявлена в книге и проиллюстрирована множеством сопоставлений восприятия русской литературы в Польше до 1918 г. и после обретения независимости. Революционные изменения в России способствовали повышению интереса поляков к русской литературе. Чтение Гоголя и Тургенева, Л. Толстого и Достоевского перестало быть формальным, «казен-

ным» — перестало быть предвзятым и отношением к ней. Восприятие русской литературы сквозь призму польских национальных проблем, которые порой вообще не попадают в поле зрения русского читателя, в межвоенные годы утрачивает свое определяющее значение. Его толкование становится более универсальным, на первый план выдвигаются гуманистическая направленность и художественные достоинства.

Показывая эволюцию восприятия, Ф. Селицкий, наряду с общественно-историческим, берет в расчет и эстетический фактор, фокусирует внимание на новом качестве литературы (например, отмечает рост популярности Достоевского в связи с тягой к психологизму).

Собранный и первично систематизированный Ф. Селицким материал для компаративистов — неопценное подспорье в работе. Однако без суммирующих выводов этот материал лишь ставит вопросы, дает повод для размышлений. Проблемы,

намеченные автором; требуют дальнейшей разработки. Назовем среди них следующие: влияние русской литературы на польскую (контактные связи и типологические схождения), изменение читателя и читательских вкусов (литературная культура), роль крупнейших польских писателей в популяризации русской классики (литературная жизнь). А может быть, кого-то книга Ф. Селицкого подвигнет на «реконструкцию» читателя, конкретизирующего произведение и творящего на его основе собственный «проекционный» текст?

Так или иначе, собранный Ф. Селицким материал нуждается в интерпретации с новых позиций, когда должна быть учтена не только зависимость восприятия от общественно-исторической ситуации и актуального эстетического идеала, но и наши изменившиеся представления о восприятии как о форме творческой активности читателя.

Медведева О. Р.

MIECZKOWSKA H. Denominalne derywaty czasownikowe o formantach prefiksallyno-sufiksallynych w języku polskim i słowackim (studium kontrastywne), Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź, 1985, 115 s.

МЕЧКОВСКАЯ Х. Стыменные производные глаголы с префиксально-суффиксально-ными формантами в польском и словацком языках (сопоставительное исследование)

Монография Х. Мечковской представляет синхронно-сопоставительное исследование польских и словацких глаголов, образованных префиксально-суффиксальным способом от именных основ. Интерес автора к словообразованию отыменных глаголов обусловлен продуктивностью данного класса производных, унаследованной славянскими языками от праславянской эпохи (глава 1). Хотя в лингвистической литературе и рассматривались некоторые особенности префиксально-суффиксальных отыменных глаголов в польском, словацком и других славянских языках, их словообразовательная специфика до сих пор не была объектом монографического исследования. Тем более важен сопоставительный аспект работы, позволяющий автору определить место префиксально-суффиксально-ного способа словообразования в деривационных системах двух языков — польского и словацкого, а также установить его специфику для каждого из них.

Собственно словообразовательная часть работы содержит анализ польских и сло-

вацких аффиксов, участвующих в деривации префиксально-суффиксальных глаголов (глава 2). Рассматриваются морфологические изменения основы, структурные и семантические (при использовании метода парафразы) функции формантов, характер их взаимодействия с мотивирующим. Устанавливаются частные различия в использовании формантов по языкам. Так, например, в словацком в роли основообразующего суффикса выступает большее количество элементов, чем в польском, что обусловлено влиянием на словацкий южнославянских языков (с. 18).

Значительный интерес представляет семантико-синтаксический анализ префиксально-суффиксальных глаголов (глава 3), состоящий в определении семантико-синтаксических свойств мотивирующего глагольного форманта и выяснении соотношения между соответствующими элементами в составе производного. Как показывает Х. Мечковская, префиксально-суффиксальные глаголы замещают сложнейшие синтаксические конструкции, ср. пол.

dodrzewić (*las*), семантически адекватное 'посадить определенное количество деревьев (в лесу) с целью увеличения (количества) насаждений' (s. 79, 103). Автор выделяет процессуальные формации (пол. *oniemieć*, слвц. *onemieť'*), каузативные (пол. *ulepszyć*, слвц. *obš'tastniť'*) и формации с мотивирующей основой в функции объекта (пол. *dodrzewić*, слвц. *vyrybniť'*), а также места, средства, продукта и времени действия (s. 56—57). Если в польском подавляющее большинство составляют каузативные образования, то в словацком — процессуальные. Специально рассматриваются формации с двойственной семантико-синтаксической структурой, которые можно трактовать как относящиеся одновременно к двум из указанных типов производных (s. 67—69). Понятно, что выделенные типы формаций имеют специфические сочетаемостные свойства (глава 4).

Х. Мечковская включает в анализ страдательные причастия и процессуальные имена (распространенные прежде всего в польском языке: ср. *oblesiony*, *zrozpaczony*; *odskórzanie*, *umaszczenie*), у которых отсутствуют мотивирующие глаголы (глава 5). Среди них прежде всего выделяются образования с потенциальной мотивацией, предполагающей возможность появления соответствующего глагола. Образования такого рода играют существенную роль в деривации префиксально-суффиксальных глаголов: их наличие подготавливает почву для появления префиксально-суффиксальных глаголов. Те же причастия и именные образования, которые с точки зрения семантики и словообразования не имеют ничего общего с глаголом («именные» причастия и отглагольные имена), своим существованием подтверждают продуктивность префиксально-суффиксальных словообразовательных моделей, представляя следующую ступень в словообразовательной цепочке.

Высокая продуктивность рассматриваемого класса слов в польском и словацком языках объясняется рядом причин (глава 6). Прежде всего, образование глаголов от именных основ посредством аффиксации (в основном суффиксации) само по себе чрезвычайно активно. Этот способ взаимодействует с внутрислоговым префиксальным словообразованием, что и создаст основу для возникновения префиксально-суффиксальных формаций. Их использование позволяет сократить словообразовательную цепочку, поскольку опускается одно из ее звеньев — обра-

зование отыменных глаголов с простым аффиксом. Важно учитывать и экономичность выражения содержания префиксально-суффиксальными глаголами (ср. пол. *dodrzewić* (*las*): см. главу 3; словообразовательная система! оказывается тесно связанной с синтаксической).

Некоторые положения автора монографии, однако, вызывают возражения. В связи с проводимым Х. Мечковской анализом словообразовательного механизма подчеркнем, что в случае префиксально-суффиксальных глаголов речь идет о едином префиксально-суффиксальном форманте, элементы которого тесно связаны между собой. Поэтому вряд ли стоит производить отдельные классификации глаголов при опоре на суффиксы и префиксы, как это делает автор монографии (глава 2). Более плодотворной представляется организационная работа в рамках словообразовательных категорий и затем — словообразовательных типов, что позволяет установить сравнительную продуктивность последних и выявить определяющие ее факторы, причем сопоставление нескольких языков создает для этого наиболее благоприятные условия.

Кроме того, хотелось бы несколько дополнить часть работы, касающуюся функционирования префиксов (s. 26—49). В образовании префиксально-суффиксальных глаголов участвуют не только проанализированные Х. Мечковской исконные префиксы и гибридный формант пол. *zde-*, но и форманты с заимствованными префиксами, присоединяющиеся к заимствованным именам¹. Приведем факты относительно польского языка, где достаточно продуктивен словообразовательный тип *de-* + *-owa-* 'лишать, лишить того (аннулировать то), что названо мотивирующим существительным'. Ср. *dekartelizować* 'уничтожать картель' ← *kartel*, а также *detronizować* 'лишать престола' ← *tron*; *deklasować*, *dewaloryzować* и др. Как образования с двойной — глагольной именной — мотивацией можно рассматривать *decentralizować* ← *centralizować* или ← *centrum*; *deformować*, *dekompletować* и многие другие. Далее, формулой 'лишать, лишить признака, названного мотивирующим прилагательным', описываются, например, глаголы *depopularyzować*, *dezaktualizować* (также с двойной мотивацией). Префиксально-суффиксальные

¹ Впрочем, этот факт не учитывается и в других работах, посвященных образованию отыменных глаголов в славянских языках.

отыменны́х глаголы образуются и при помощи форманта *re- + -owa-*, ср. *resocjalizować* ← *socjalny*; *reprzywatyzować* ← *przywatny* [1].

В заключение отметим, что исследование Х. Мечковской заполняет лакуну в существующих описаниях словообразовательных систем польского и словацкого языков. Рецензируемая работа содержит многоаспектный анализ префиксально-суффиксальных отыменных глаголов,

который, несомненно, будет полезным для специалистов в области славянского словообразования и грамматики.

Осипова М. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипова М. А. Статус префиксальных элементов в заимствованных глаголах современного польского языка. — In: *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej* (в печати).

Sprachen and Nationen in Balkanraum. Die historischen Bedingungen der Entstehung der heutigen Nationalsprachen. Herausgegeben von Ch. Hannick, Slavistische Forschungen, Bd. 56. Köln — Wien, 1987, 217 S.

Языки и народы балканского региона. Исторические условия возникновения современных национальных языков

Языковая ситуация на Балканах привлекает постоянное внимание исследователей. Особую значимость имела и имеет проблема «язык и формирование национального самосознания» (более обобщенно — «язык и нация»). Этому был посвящен симпозиум, состоявшийся в 1982 г. в Трире (ФРГ). Реферлируемая книга представляет собой публикацию прочитанных там докладов.

Речь идет о формировании литературных языков балканского региона, рассматриваемом в кругу экстралингвистических по преимуществу факторов. Авторы исследуют, какое влияние на разработку литературного, нормированного языка (в том числе на выбор варианта из двух или нескольких возможных языков или диалектов) оказывали религиозные, политические, идеологические, культурные, исторические и другие обстоятельства. Суть не только в том, чтобы выявить эти, в общем, более или менее известные и, может быть, универсальные, факторы, но в большей степени в том, чтобы показать, как они действуют в балканской ситуации, которую вполне можно назвать уникальной. Специфика ее состоит прежде всего в чрезвычайной пестроте, мозаичности составляющих, в постоянных контактах, взаимодействиях и взаимовлияниях различных народов, народностей, этнических групп и т. п. Это кипение приводит к результатам, в крайних точках кажущимся парадоксальными: с одной стороны, наблюдаются размытие границ, смещенность, неопределенность, принадлежность одновременно к нескольким классификационным кате-

гориям (а на уровне языка — полилингвизм, диглоссия и другие явления того же плана); с другой стороны — подчеркнуто острое ощущение своего я, своей индивидуальности — языковой, национальной и т. д. В этих условиях значимость своего языка необыкновенно возрастает, и национальное самосознание не только опирается на язык, но и осязается в языке, который становится высшей ценностью, почти осязаемым, одновременно создателем и созданием духовного единства народа. Так можно резюмировать общую направленность сборника, весьма разнообразного по тематике, по выбору конкретного материала и «точек отсчета», но объединенного не только тщательным анализом вопроса в культурно-исторической перспективе, но и устремленностью к тому, чтобы подать языковую проблему в возможно более широком контексте.

Сборник открывается статьей С. Хафнера «Церковь, государственность, язык и народность в многонациональном государстве и происхождение словенской национальной культуры». Ставя своей задачей показать «путь словенского народа к самому себе как к современной нации» (S. 21), автор высказывает ряд методологических соображений по поводу столь сложной проблемы, при анализе которой должно учитываться сложное и неоднозначное взаимодействие религии, языка и истории как факторов, образующих общее устойчивое равновесие за счет внутреннего перераспределения сил (находящихся в дополнительной дистрибуции).

К. Менгес обращается к турецкому языку — «Роль турецкого языка в балканском регионе и в формировании современных славянских национальных языков». Начиная с исторического экскурса, посвященного появлению тюркского языкового (главным образом лексического) элемента на Балканах, автор останавливается на лингвистических результатах почти полутысячелетнего турецкого владычества на Балканах. Приходя к выводу о более чем пассивной роли турецкого в формировании современных литературных славянских (как, впрочем, и других балканских) языков, К. Менгес выделяет одну область, где причудливым образом турецкий сохраняет свою силу и значение: это «фольклор в самом широком смысле слова», и особенно народная песня и героический эпос; здесь прочность турецкого элемента зависит, по мнению автора, уже не от внутриязыковой борьбы, но от силы сопротивления этих жанров фольклора натиску «современности», т. е. индустриализации хозяйственных и общественных отношений (S. 42).

Обновление и традиции православной церкви Греции в связи с фанариотами рассмотрены в статье М. Казаку «Православная церковь между обновлением и традицией: фанариоты и антифанариоты». Автор, по собственным словам, подходит к теме в несколько необычном аспекте, приписывая тенденцию к обновлению православной церкви фанариотам, а удержание традиции — их противникам (S. 42). Этот угол зрения определяется прежде всего контекстом, выбранным автором. Анализ исторических условий, в которых рождались современные языки Балкан, побуждает автора к призыву «перестать рассматривать Балканы (или юго-восточную Европу) как пещо единое (zone unitaire) и принять точку зрения в большей степени учитывающую локальные варианты (réalités locales). Этот подход позволяет выделить и рассмотреть разные зоны в зависимости от реакции православной церкви на «вызов (challenge) философии Просвещения», лежащей в основе всех идей национального и культурного освобождения (S. 45), и закончить статью выводом о том, что фанариоты явились одним из необходимых факторов пробуждения национального самосознания балканских народов, представив в своем лице и положительное и отрицательное начало (S. 63).

«Заметки о возникновении и развитии сербохорватского литературного языка» представил в сборнике Й. Хамм. Опреде-

ля современное состояние литературного сербохорватского как «двухколейное» (eine Sprache auf zwei Hauptgleisen, S. 66), автор останавливается на комплексе вопросов, связанных с появлением славян на Балканах и с отражением истории взаимоотношений разных славянских племен на уровне языка. Анализируя затем исторически складывающиеся различия между сербским и хорватским, этноязыковые, этнокультурные и другие основы этого процесса и фактор, так сказать, «соперничества», автор в итоге выражает надежду на то, что и ложные проблемы национального превосходства и их разрешение в приказном порядке и подобное «с течением времени уйдут в песок» (S. 76).

Следующая далее статья К. Хеблера «Становление албанского как национального языка» отчасти соприкасается со статьей Й. Хамма. Дав компактную историю становления албанского языка от первых упоминаний о нем, через развитие основных его разновидностей (гегский и тоскский) до современной реформы, декретировавшей единый общенациональный язык и уничтожившей албанскую дихотомию (за счет преимущества тоскского), автор останавливается на этой последней стадии. Видя в албанской языковой реформе совершенно определенную языковую политику, связанную с идеей единства албанской нации, где язык предстает как наиболее действенное средство обеспечения этого единства, К. Хеблер анализирует то, как откликнулась на реформу албанская диаспора, в частности, косовские албанцы, переименовавшие свое «языковое лицо», и какие вообще последствия в широком культурно-историческом и других планах имеет и будет иметь это «введение сверху» нормативного албанского языка (Standard Albanian), в основе чего лежит та же установка на национальное самосознание.

Х. Ханник рассматривает проблему язык — национальное самосознание на материале болгарской традиции в статье «Возникновение новоболгарского литературного языка как выражение борьбы за независимость: эллинизм и славянская традиция в Болгарии». Индивидуальность пути, которым шел новоболгарский литературный язык, основана на своеобразии болгарской культурной истории, вместившей в себя различные компоненты: не только православно-церковнославянский и национальный, но еще и греческий. Автор дает широкую культурно-историческую перспективу, в кото-

рой формировался болгарский литературный язык, одновременно и ориентируясь на славянскую и греческую традиции, и отталкиваясь от них в пользу национальной, и показывает, что этот процесс был вызван ростом национального сознания и одновременно его определял.

В греческой традиции, так сказать, единицей полемики является проблема оппозиции кафаревуса/димотика, чему и посвящена статья Г. Херинга «Заметки о повогреческом литературном языке». Автор анализирует греческую диглоссию (кафаревуса/димотика) от ее истоков до современного состояния. Сопоставление, столкновение разных взглядов на эту достаточно специальную языковую проблему, анализ борьбы мнений и т. п. показывает, сколь многообразна и могущественна роль языка во всех областях духовного развития, духовной жизни общества. Какой вариант должен быть выбран в качестве выразителя национального духа? Как отнестись к этому вопросу, если его однозначное решение в пользу только одного или другого варианта будет заведомым ограничением, отсечением огромного фрагмента духовной культуры? Отказ от однозначного решения проблемы приводит не к обогащению, а к большим сложностям, которые не решаются компромиссом в виде койнэ. Еще раз, таким образом, языковая проблема переливается в общественную (политическую, культурную и т. п.).

Заключает сборник статья К.-Х. Шредера «Marginale Romania. Формирование и нормирование румынского литературного языка». «К современному литературному (нормативному) румынскому языку вел не прямой путь, а извилистая тропа под сильным влиянием других языков» — под этим углом зрения разворачивает автор объявленную им тему (S. 195) становления языка, расположенного в пограничной области распространения романских языков, так называемой Romania discontinua (или Marginale Romania). Ранее А. Ломбард назвал румынский langue hospitalière, имея в виду особую его предрасположенность к впитыванию и усваиванию чужих элементов. Можно сказать, что на этом свойстве румынского и были построены различные попытки изменить его облик, например, в сторону насыщения элементами французского или вообще его «вторичной романизации» (S. 206—207). Но такого рода эксперименты затрагивали не весь язык в целом, а скорее некоторые его

стилистические варианты. Эти обстоятельства автор считает причиной относительно позднего создания нормированного румынского языка. Возвращаясь к общим проблемам развития национального самосознания, Шредер пишет, что борьба за признание национальной самостоятельности на основе общего происхождения и общего языка, безусловно, положительна — до тех пор, пока она не начинает стремиться «к крайним лингвистическим теориям и к низкой оценке соседних народов» (S. 209). Таким предостережением против перерастания национального чувства, национального сознания и, наконец, национального движения в шовинизм (мысль, которая содержится и в других статьях) кончается этот разнообразный, интересный и весьма актуальный сборник. Мы не ставили задачей его критический разбор, хотя ряд положений может представляться спорным, что свидетельствует прежде всего об остроте тематики. Выскажем только одно замечание самого общего характера, скорее, мысль, возникшую по прочтении. Балканские проблемы здесь рассматриваются и в н е, не носителями балканской традиции (в продолжение почти традиционной оппозиции «балканцы — балканцы»). Это, с одной стороны, дает большую взвешенность, подход sine ira et studio, т. е. возможность более спокойной и объективной оценки, так сказать, «над схваткой». В этом контексте многие явления и события бурных балканских взаимоотношений, в частности, языковых, не могут не получить отрицательной оценки как несомненные проявления национализма, политической жесткости и т. п. Но значит ли это, что взгляд и з н у т р и, заведомо пристрастный, поскольку речь идет о *своём*, оценивает ситуацию и заведомо неверно? Как кажется, грань между национальным и националистическим чувством не всегда может быть определена с решительностью и сознанием правоты, вытекающими из неизбежности «общечеловеческих принципов» добра и зла. С мнением носителей традиции можно не соглашаться, но нельзя не считаться, не учитывать его, не стараться понять: в этом может быть заложена надежда на выбор прямого и правильного пути. И сказанное, конечно, относится не только к этому сборнику и не только к балканской ситуации.

Цивьян Т. В.

Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1. А — З. София, 1985, 740 с.

Кирилло-Мефодиевская энциклопедия

Первый том Кирилло-Мефодиевской энциклопедии под редакцией акад. П. Динкова (редакторы Л. Грашева, С. Николова, авторский коллектив состоит из 17-и болгарских ученых) включает семь начальных букв кириллического алфавита — около одной трети всего предполагаемого состава статей. Энциклопедические очерки посвящены рассмотрению разнообразных вопросов, связанных с деятельностью первоучителей славянских народов Кирилла и Мефодия. Каждая статья по букве начинается палеографическим очерком с таблицами букв глаголических и кириллических начертаний. Есть отдельная статья о глаголице и ее основных типах: округлом и угловатом.

Энциклопедические статьи содержат сведения об истории Болгарской державы и соседней Византийской империи в эпоху IX—X вв., по исторической географии, сопровождаемые картами и планами упоминаемых территорий. Много статей (с цветными иллюстрациями) посвящено археологии балканских стран; ряд других — истории изобразительного и строительного искусства Византии и Болгарии VIII—X вв. Видное место в томе занимают статьи по раннехристианской и византийской литературам, по староболгарской письменности, преимущественно переводной (Андрей Критский, Василий Великий, Григорий Богослов — видный ученый из эпохи царя Симеона, Григорий Пресвитер, римский папа Григорий VII (1073—1085), Ефрем Сирий и его глаголическая рукопись «Паренесиса», Дионисий Ареопагит).

Многие статьи касаются истории религии: Библия и старославянские переводы отдельных ее книг, такие новозаветные произведения, как «Апостол» и «Евангелие», причем отдельные статьи посвящены наиболее значительным спис-

кам («Еллинский Апостол» XI в.). Кроме общих сведений об евангелиях специальные статьи посвящаются отдельным спискам: Ассеманиево, Архангельское, Вуканово, Добрилово, Добромирово, Зографское евангелия и др.

Специальная статья посвящена Афону и отдельным монастырям, например Зографскому и др.

Значительное число энциклопедических очерков относится к персоналиям — короткие биографии филологов, историков, духовных лиц разных стран мира. Все эти сведения, несомненно, весьма ценны. Всего в первом томе энциклопедии 251 статья, из них 35 отсылочных (например: Агиография: Житийна литература). Некоторые статьи в качестве заглавия имеют припаятые латинские названия источников-памятников письменности: *Beatus Cyrillus*; *Brevis historia*; *Grande munus* — начало энциклики папы римского Льва XIII (1880), в которой канонизируются Константин-Кирилл и Мефодий. В библиографии к статье приводятся труды православных богословов — «антиэнциклики».

Большое внимание уделено отдельным гипотетическим подробностям деятельности славянских просветителей, например, подробная статья о миссионерско-просветительской деятельности Константина-Кирилла-философа и Мефодия, о так называемой Брегалницкой миссии, восстанавливаемой на основании предположений ученых.

К замечаниям по рецензируемой энциклопедии можно отнести незначительные поправки библиографического характера. Так, например, в статье об анафисте (автор С. Кожухаров) не названы работы М. А. Моминой [1]; очевидно, при составлении энциклопедии не были использованы сборники, опубликованные в Голландии ученым В. Федером [2];

авторы рецензируемого издания не проявили своего знакомства с работой [3].

В целом первый том энциклопедии оставляет благоприятное впечатление и побуждает с интересом ожидать выхода следующих двух томов. Необходимо отметить и чрезвычайно высокое качество болгарской полиграфии.

Мецгерский Н. А.

1. Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2, ч. II. М., 1976, с. 389—419, 448—482.
2. Полата книгописная. Вып. 14—15. Ниймеген, 1985.
3. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.

Društvo i privreda srednjovjekovne Bosanske države (Prilozi za istoriju Bosne i Hercegovine, I). Posebna izdanja, knj. 79 (od. dr. n. 17). Sarajevo, 1987, 234 s.

Общество и хозяйство средневекового Боснийского государства (Очерки по истории Боснии и Герцеговины)

В книгу включены главы и разделы по истории феодальной Боснии, подготовленные для коллективного труда югославских авторов «История народов и народностей Боснии и Герцеговины». Как указывается в предисловии редколлегии (отв. ред. — акад. Э. Ренджич), работа над этим многотомным изданием началась в 1968 г., за несколько лет было собрано большое количество материалов в югославских и иностранных архивах, напечатаны отдельные исследования по разным периодам истории этой республики, однако, поставленной цели участники и организаторы данного проекта осуществить полностью не смогли (в частности, ввиду кончины ряда авторов и членов главной редакции). Поэтому было признано целесообразным опубликовать в настоящее время все имеющиеся тексты по истории Боснийской державы, распределив их в двух томах (в первом — по средневековому периоду, во втором — для периода османского ига и австровенгерской власти). Рецензируемая книга содержит главы той незавершенной части труда, которая выполнялась покойным акад. А. Бабичем (1899—1974) по плану, который также приводится (с. 7—9 — с примечаниями акад. С. Чирковича и Д. Ковачевич-Коиич). В частности, здесь помещена незаконченная глава А. Бабича «Введение в историю средневековой Боснийской державы» (с. 11—20), где он характеризовал некоторые особенности боснийского феодального строя, аппарата местной государственности, статуса земель крупных феодалов, роль церкви и вельмож. Автор касается географиче-

ских условий средневековой Боснии и начинает обзор источников и литературы по феодальному периоду. Значительно ближе к завершению работа А. Бабича над главой «Общество средневекового Боснийского государства» (с. 21—83), где он анализирует данные источников о зависимых крестьянах-земледельцах, о скотоводах-влахах, городском населении, наконец, о феодальной правящей верхушке («властелин»); к сожалению, последний параграф, весьма важный для понимания роли феодальной знати в Боснии, из-за смерти автора остался незаконченным. Правда, в известной мере характеристика социально-экономического развития Боснии (прежде всего в XIV—XV вв.), данная Бабичем, дополняется главой Д. Ковачевич-Коиич «Экономическое развитие средневекового Боснийского государства» (с. 85—190), где автор особое внимание уделяет подъему боснийских городов во второй половине XIV в., оценке связей города и деревни (в том числе освещению проблем хозяйственного положения средневековой деревни — в имениях феодалов, в хозяйстве крестьян-земледельцев и влахов), показу уровня развития торговли, местного ремесла и горнорудного промысла. Последняя глава книги — «Боснийская церковь в Боснийской державе» (с. 191—254, автор — акад. С. Чиркович) особенно важна для понимания социальной и культурной специфики в этой части Балканского полуострова, где возникла и стала господствующей (на некоторое время) самостоятельная религиозная организация — так называемая «боснийская цер-

жовь», которую соседние (католические или православные) иерархи считали еретической, богомильской (бабунской) или патаренской; проблемы этой церкви до

сих пор вызывают в науке ожесточенные споры. Книга завершается кратким именованным и предметным указателем (с. 255—264).
Наузов Е.

Е. Л. НЕМИРОВСКИ. Октоих првогласник Бурѣа Црнојевића из 1494. Цетинје, 1987, 98 л., илл.

Е. Л. НЕМИРОВСКИЙ. Октоих првогласник Джурджа Црноевича 1494 г.

Монографические исследования, посвященные одной из славянских первопечатных книг традиционного состава, стали появляться в последние годы особенно часто. Иногда они выходят в свет почти одновременно с факсимильным воспроизведением того старопечатного издания, о котором они написаны. Настоящая, изящно изданная Центральной национальной библиотекой Черногории им. Джурджа Црноевича и издательством «Цанкарьева заложба» в Люблине, работа известного советского ученого Е. Л. Немировского посвящена первенцу книгопечатания кирилловским шрифтом у южных славян. Автор подробно останавливается на всех известных ныне обстоятельствах выхода в свет Октоиха первогласника, напечатанного 4 января 1494 г. в типографии Джурджа Црноевича в Цетинье, вводит в научный оборот и описывает около девяноста экземпляров этого издания. В отличие от классической работы В. Ягича «Первое цетиньское церковное издание 1494 г.: Библиографическо-лексикологическое исследование», изданной в 1894 г. на немецком языке в Вене, труд Е. Л. Немировского всецело книговедческий, археографический, содержащий подробнейшее формальное описание первопечатного памятника, а также его сохранившихся экземпляров. Специальные разделы книги Е. Л. Немировского посвящены определению времени печатания Октоиха, его составу и названию, предисловию и послесловию к нему, шрифтам, орнаментальному убранству, полиграфической организации текста и двухкрасочной технике печати, бумаге. В приложении публикуются уменьшенные цветные изображения отдельных страниц «Октоиха», воспроизведения некоторых элементов его орнаментики, а также фотографии с гравюр XV в. с видами дворца Ивана Црноевича в Цетинье и Цетиньского

монастыря, где, возможно, и размещалась вторая в мире типография, печатавшая кирилловским шрифтом. В конце монографии приложен небольшой альбом филиграней — водяных знаков бумаги «Октоиха первогласника», всего их удалось выявить 26. Завершают книгу резюме на русском и английском языках.

Монография Е. Л. Немировского, подводящая итог почти двухвекового изучения этого важнейшего в истории славянства книжного памятника, является одновременно и примером удачного и плодотворного сотрудничества советских и югославских ученых. Исследователи нашей страны как бы наследуют давнюю и прочную традицию отечественного славяноведения, чрезвычайно много сделавшего для изучения культур южных славян. В 1893—1894 гг. в России широко отмечали 400-летний юбилей черногорского книгопечатания. Настоящая работа вышла в преддверии уже 500-летнего юбилея, который, благодаря стараниям югославских ученых, прежде всего директора Центральной национальной библиотеки Черногории доктора Д. Мартиновича, будет ознаменован появлением факсимильных изданий ряда первопечатных черногорских книг, в том числе и «Октоиха первогласника» 1494 г. Все эти факсимиле сделают редкостные памятники черногорской книжной культуры доступными для изучения в любой стране, что само по себе можно считать серьезным достижением югославских славистов.

Высоко оценивая монографию Е. Л. Немировского, необходимо отметить и некоторые досадные ошибки, связанные преимущественно с малоизученностью проблем славянского книгопечатания и рукописной книжности. Например, утверждение о том, что состав Октоиха и его «структура были устроены лишь в XVII в. в России в результате реформ патриарха Никона» (с. 55), совершенно

не соответствует действительности. Ссылки на исследователя «Октоуха первоуасника» 1494 г. П. И. Кеппена необходимо дополнить сведениями о замечательном белорусском слависте, профессоре М. Бобровском, от которого П. И. Кеппен впервые о нем подробно узнал. Следовало бы сказать и о существенных различиях в

составе греческого и славянского Октоухов, а также упомянуть в ряду его авторов — составителей и такого выдающегося древнерусского книжника, как Кирилл Туровский — «второй Златоуст».

Лабвицев Ю.

Dramat polski XIX i XX wieku. Interpretacje i analizy. Lublin, 1987, 396s.

Польская драма XIX и XX веков. Интерпретация и анализы

Среди самых разных методов литературного исследования в XX в. важное место занимает интерпретация, основанная на принципиальном признании бесконечности произведений литературы и искусства, многозначности художественного образа. В отличие от анализа, этот метод оперирует не самим текстом, а его значениями, расшифровкой смысла. Процесс раскрытия внутренних тайн произведения, его скрытых смыслов, важный для специалистов, одновременно способствует росту интереса читателя к тексту произведе-ния.

В польской науке о литературе метод интерпретации пользуется заслуженным успехом и имеет свою традицию (см. первый коллективный труд, посвященный интерпретации лирики [1], переизданный в 1974 г., сборник, посвященный интерпретации малых повествовательных форм [2]).

Как пишет в предисловии к рецензируемой третьей работе этой серии научный редактор тома, проф. Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской Л. Людоровский, характерная черта этой книги — свобода каждого автора в выборе драмы для анализа и интерпретации и личностный метод исследования. Это стало возможным благодаря отсутствию каких-либо жестких канонов и схем, признанию равноправия метода интерпретации текста с другими конкурирующими исследовательскими направлениями в полонистике, а также право каждого исследователя на собственное понимание и толкование того или иного произведения. Автор предисловия подчеркивает эластичность этого метода, возможность его связей с другими методами, например, со структурализмом, лингвистической поэтикой и т. д.

В той или иной степени это подтверждается работами, составляющими данный

труд. Это не систематический обзор польской драматургии, но история национальной драмы *ab ovo*. В книге просматривается общая тенденция развития драматургии, диалектика ее внутренних преобразований от романтизма к современности. Авторы статей обращаются к интерпретации не только самых выдающихся образцов польской драмы, шедевров национальной драматургии, но и к сочинениям более низкого ранга, к пьесам менее известным.

Словесной структурой III части «Дзядов» А. Мицкевича занимались мало, и статья И. Славиньской, в которой анализируются богатые языковые средства драмы, лексика, синтаксис, стилизация и т. д., существенно дополняет представление об этом шедевре. Для интерпретации драм Ю. Словацкого, Т. Скубалянка и В. Натансон избрали «Балладину» и «Золотой череп». Две статьи посвящены анализу и интерпретации «Кракуса» Ц. Норвида («Сакрализация пространства» И. Славиньской и «Архаичная символика» Э. Косовской). В сборнике три статьи об А. Фредро, причем в одной из них (Л. Людоровского) рассматривается либретто романтической оперы «Раймонд», наименее известное сочинение польского драматурга, близкое поэтике музыкальной драмы довагнеровской формы. Интерпретацию выдающихся произведений польской драматургии продолжают исследования «Свадьбы» (статья М. Войтак) и «Возвращения Одиссея» С. Выспяньского (автор — Я. Новаковский). Пьесу С. И. Виткевича «В маленькой усадьбе» Я. Блоньский интерпретирует как игру: персонажи развлекаются, играя комедию, как актеры на сцене. Для «Сапожников» (в трактовке М. Равиньского) ключевыми категориями в интерпретации выступают понятия «апокалипсис» и «гротеск». В книге интерпретируется драма

С. Пшибышевского «Снег», причем Р. Таборский пытается раскрыть символику персонажей, особенно femme fatale Евы. В сборнике предпринята попытка по-новому интерпретировать драму С. Жеромского «Роза» как экспрессионистическую, ведущий художественный принцип которой — диссонанс (автор — М. Б. Стыкова).

В книге читатель найдет анализ и интерпретацию пьес Е. Шапьянского, Т. Гайцы, В. Гомбровича и С. Мрожека, М. Бялошевского и Т. Любенского.

Пьесу о проблеме власти «Смерть губернатора», которую Л. Кручковский считал своим лучшим драматическим сочинением, Р. Шидловский сравнивает с новеллой Л. Андреева.

К сожалению, пространство аннотации-рецензии не позволяет остановиться на всех работах. Они представляют интерес не только для специалистов, сту-

дентов и учителей, но и для всех тех, кто интересуется проблемами драматургии, тем более, что составители этого коллективного труда очевидно руководствовались мнением пионера метода интерпретации Э. Штайгера о том, что мышления каждого исследователя должны быть коммуникативными и эффективными, чтобы не только коллеги по профессии могли воспользоваться результатами толкования и расшифровки текста.

Прокофьева Д. С.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Liryka polska. Interpretacje/Pod red. J. Prokopa i J. Sławińskiego. Kraków, 1966.*
2. *Nowela. Gawęda. Opowiadanie. Interpretacje małych form narracyjnych / Pod red. K. Bartoszyńskiego, M. Jasińskiego-Wojtkowskiej, S. Sawickiego. Warszawa, 1979.*

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия, 1865—1875: Документы / Отв. ред.: Нисарев Ю. А., Экмечич М.; Сост.: Косиц В. И. (сов. сторона), Маджар Б. (югослав. сторона) и др., М., 1988, 439 с.

П. А. Ровинский (1831—1916) и его время. Калинин, 1988, 137 с.

Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1917—1929 гг. / Отв. ред. Р. П. Гришина. М., 1988, 536 с.

Пол И. И. Чехословакия — Советский Союз. Становление и развитие отношений нового типа (1941—1948 гг.): Автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 1988, 341 с.

Проблемы на развитието на българската народност и нация. София, 1988, 208 с.

Проблемы славянского литературоведения в СССР: 1983—1987 гг.: (К междунар. съезду славистов, София, сент., 1988). Сб. обзоров. / Ред.-сост.: Олейник В. Т., Твердислова Е. С. М., 1988, 266 с.

Русско-болгарские связи в области книжного дела. Сборник материалов VII болгаро-советского семинара. (Москва, 8—10 июня 1982 г.). София, 1987.

Славянска филология. Т. XX. Литературознание и фолклор. Доклады и статьи за X Международен конгрес на славистите. София, 1988, 216 с.

Славянские литературы: Докл. сов. делегации. X Междунар. съезд славистов, София, сент. 1988 г. / Отв. ред. Николаев П. А. М., 1988, 373 с.

Славянское языкознание: Докл. сов. делегации. X Междунар. съезд славистов. София, сент. 1988 г. / Отв. ред. Толстой Н. И. М., 1988, 391 с.

Слов'янська фольклористика. Нариси розвитку, матеріали. Київ, 1988.

Стефанов Г. А., Чмир О. Р. Болгарсько-український словник. Київ, 1988.

Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988, 239 с.

Традиции и современность в фольклоре. / Отв. ред. В. К. Соколова. М., 1988, 213 с.

Українська література в загально-слов'янському і світовому літературному контексті: У 5-ти т. Т. 3. У взаємних з літературами заходу і сходу. Київ, 1988, 286 с.

Цыган Г. А. Арэальная тыпалогія славянскіх моў. Прынцыпы і напрамкі даследавання. Доклад на X Міжнародны з'езд славістаў. Мінск, 1988, 40 с.

Экономическое и социально-политическое развитие ЦРБ в 80-е годы: Сб. ст. М., 1987, 200 с.

Borawski P., Dubiński A. Tatarzy polscy: dzieje, obrzędy, legendy, tradycje. Warszawa, 1986.

Ceská literatura v boji proti fašismu. Praha, 1987, 336 s.

Ceskoslovenska slavistika 1983—1988. Katalog výstavovy. Praha, 1988, 44 s.

Ceskoslovenská slavistika. Literatura, folklor. Praha, 1988, 300 s.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ ПАМЯТИ ВУКА КАРАДЖИЧА

200-летие со дня рождения Вука Стефановича Караджича отмечено в Югославии широко и торжественно. К юбилею великого сербского просветителя был приурочен и международный «Литературный коллоквиум» (Colloquia Litteraria, 50), организованный Воеводинской Академией наук и искусств (ВАНУ) в Новом Саде (21—23 сентября 1987 г.), собравший, наряду с крупнейшими югославскими учеными, славистов из Великобритании, Индии, Китая, США, Японии и других стран. Впервые в этой традиционной встрече участвовал и представитель советской науки.

Юбилейный по счету — пятидесятый — коллоквиум¹ под председательством чл.-корр. ВАНУ С. Петровича был посвящен обсуждению процесса взаимодействия литературы и фольклора. Предметом разговора была и деятельность Караджича, ее значение в истории культуры народов Югославии, ее воздействие на развитие литературы, филологии и фольклористики за пределами Югославии.

Вступительное слово произнес ученый секретарь ВАНУ Я. Кмеч. Первым выступил американский славист А.-Б. Лорд, один из старейших и лучших исследователей эпоса народов Югославии, автор известной монографии «Эпический певец». В своем докладе он обстоятельно охарактеризовал своеобразие поэтики устного народного творчества. В докладах югославских ученых разносторонне освещалось соотношение устной и письменности. С. Коевич (Сарасво) на большом материале анализировал восприятие комических элементов народной традиции (содержащихся не только в сатире, но и в героическом эпосе) в классической югославской литературе (преимущественно у П. Негоша, М. Крлежи, И. Андрича). М. Матицки (Белград) обратился к освое-

нию традиций народной поэзии современными сербскими поэтами. М. Бошкович-Стулли (Загреб) сопоставила особенности устной прозы в сельской и в городской среде. М. Клеут (Нови Сад) рассмотрела два типа сербской городской поэзии — устной и письменной. Л. Раденкович (Белград) соотнес устные и письменные формы народной магии. Р. Бугарски (Белград) сделал обзор существующих в современной лингвистике концепций устной речи и литературного языка и доказывал, что в настоящее время плодотворно исследовать не столько различия между этими двумя формами коммуникации, сколько сходство. М. Радованович (Нови Сад) анализировал различные стили языка («номинальный» и «вербальный», по терминологии автора). С. Петрович (Нови Сад) посвятил свое выступление соотношению понятий устности и письменности, традиционного и индивидуального в применении к эпическим народным песням. З. Дукач (Загреб) выделил общие мотивы из Гомера в сербохорватском эпосе, в «Нибелунгах», «Песне о Сиде», подчеркнув, вместе с тем, качественные различия между античными и средневековым эпосом, между Гомером и юнацкими песнями. З. Каранович (Нови Сад) рассмотрела сходство и различия между устной, письменной и печатной формой распространения и воспроизведения народной поэзии.

В выступлениях большинства югославских докладчиков преобладал, таким образом, филологический подход к проблеме. Это вызвало полемическое выступление В. Бици (Загреб), который говорил об «инвазии лингвистики» в литературоведении и утверждал, что лингвистика не может претендовать на объяснение «необъективированных» форм культуры, в частности, литературы. Аналогичную позицию заняли некоторые фольклористы, подвергнувшие сомнению плодотворность лишь филологического изучения народ-

¹ См. материалы предыдущих коллоквиумов [1; 2].

ной поэзии. Т. Перич-Полонно (Загреб) предложила на обсуждение коллег критерии классификации устной народной лирики (в отличие от существующих критериев литературной поэзии); она подчеркнула необходимость комплексного изучения народных песен, совмещения филологических и музыковедческих критериев их классификации. И. Лозица (Загреб) принципиально и последовательно критиковал односторонний филологический анализ фольклора и посвятил аналитическую часть своего доклада полиэлементности устной коммунікации и невербальным элементам различных жанров фольклора, выполняющим не только коммуникативную, но и содержательно-художественную функцию.

Насыщенным конкретным материалом было выступление Лю Кюи Ли (Китай), сопровождавшееся демонстрацией цветных диапозитивов; он представил разнообразную типологию современных эпических сказаний многонационального Китая. Кайоко Ямаоки (Япония) охарактеризовала взаимодействие устных и письменных форм в японской литературе, а также своеобразие японской фольклорной традиции сравнительно с южнославянской. Набанета Дев Сен (Индия) рассказала об элементах устной традиции в Бенгальской литературе XIX в. Дж-М. Фолей (США) говорил о различиях между устным эпосом древних греков, записями англо-саксонского средневекового эпоса и записями сербохорватских эпических песен в собрании Караджича; в связи с этим он поставил вопрос о критериях различия подлинной устности и транскрибированных форм народной поэзии, подчеркнув, что игнорирование этих различий и жанровых признаков произведений фольклора были причиной некорректных выводов о публикациях эпоса. Дж. Милетич (США) также посвятил свой доклад существенным различиям между стилями устной и письменной поэзии в древней и средневековой поэзии; он подчеркнул значение эстетических критериев для понимания этих различий и высказал мысль, что анализ «микроструктур» более важен, чем анализ «макροструктур» при сравнительном изучении памятников. А. Дейермонд (Великобритания) рассказал о восприятии испанской средневековой литературой народных песен, сказок,

пословиц и поговорок. Х. Ясон (Израиль) рассмотрела фольклор в культурологическом контексте. В. Е. Гусев (СССР), солидаризуясь с И. Лозицей и с теми коллегами, которые делали акцент на различиях между устной народной поэзией и литературой, рассмотрел процесс взаимодействия между этими формами искусства в более широком контексте фиксированных и нефиксированных видов духовной культуры; сопоставив фольклорные записи Караджича (в частности, русских песен) и современную методику фиксации произведений фольклора, докладчик осветил проблему их транскрипции в публикациях.

Доклады вызвали многочисленные вопросы и оживленную общую дискуссию, каждый имел возможность неоднократно выступить, что позволило охватить широкий спектр суждений по проблеме коллоквиума. Его материалы будут опубликованы отдельным изданием².

Опыт организации и проведения международного литературного коллоквиума в Новом Саде заслуживает высокой оценки.

Гусев В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zmajev stih. VANU, Naučni skupovi. Knj. 1. Novi Sad, 1985.
2. Stih druge polovine XIX veka. VANU, Naučni skupovi. Knj. 2. Novi Sad, 1987.

² Изданы будут также доклады конференции, организованной Международным славистическим центром СР Сербии. Труды Конгресса фольклористов Югославии, посвященного 200-летию Караджича, уже опубликованы (Zbornik radova XXIV Kongresa Saveza udruženia folklorista Jugoslavije. Tuzla, 1987). Завершается сорокатомное издание «Собрания дела» Вука Караджича. Белградским филологом Г. Добрашиновичем подготовлено к изданию полное описание библиотеки Караджича (включая литографии, географические карты и проч.) с воспроизведением автографов и дарственных надписей (на основе материалов, хранящихся в Москве, Ленинграде, Вепе, Веймаре, Иене, Лейпциге, Берлине, Праге, Софии). Им же составлена библиография трудов Караджича и работ о нем (около 40 тыс. названий) и готовится Летопись жизни и деятельности Караджича. Г. Добрашинович является автором монографии «Вук Караджич и Россия», которая ждет своего издания.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ПО ПРОБЛЕМАМ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

27—28 апреля 1988 г. в Институте славноведения и балканистики АН СССР состоялся «круглый стол» на тему «Антифашистское движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны. Вопросы историографии и методологии», организованный сектором строительства социализма; в нем приняли также участие сотрудники Института всеобщей истории АН СССР, Института международного рабочего движения АН СССР, Московского государственного университета.

Открывая заседание, д-р ист. наук В. В. Марьина подчеркнула актуальность проблемы антифашистского Сопротивления, наличия в ней множества «белых пятен», а также некоторых устоявшихся ранее концепций, требующих переосмысления и уточнения.

В центре внимания участников дискуссии были вопросы о понятии «движение Сопротивления», его периодизации, массовости, формах; о коллаборационизме, о роли внешних и внутренних факторов в освободительной борьбе, о влиянии политики Коминтерна на ее развитие, о роли и месте различных классов и слоев общества в антифашистском движении. По многим из этих вопросов ведутся дискуссии среди историков различных стран, некоторые из них являются объектом непрекращающихся споров между историками-марксистами и буржуазными учеными.

Советские исследователи рассматривают Сопротивление как закономерное возникшее освободительное движение, главными участниками которого являлись широкие народные массы, ведущие в разных, активных и пассивных, формах борьбу против внешнего и внутреннего фашизма и установленных им порядков, за восстановление национальной независимости и государственного суверенитета оккупированных стран, а также стран фашистского блока, за более справедливое и демократическое социальное устройство общества после освобождения.

В. В. Марьина выделила четыре методологические посылки, которые следует учитывать при изучении проблемы движения Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ).

Во-первых, движение Сопротивления генетически едино с антифашистской

борьбой межвоенного периода, но вместе с тем оно разворачивалось в новых исторических условиях, связанных со второй мировой войной, оккупацией и расчленением одних и подчинением гитлеровскому диктату других стран региона. Поэтому правомерным будет хронологически ограничивать понятие «движение Сопротивления» периодом второй мировой войны.

Во-вторых, движение Сопротивления составляет неотъемлемую часть второй мировой войны, является одним из аспектов освободительной борьбы стран антигитлеровской коалиции. Общий ход войны, положение дел на советско-германском фронте оказывали постоянное воздействие на характер, динамику Сопротивления. С этим связан вопрос о периодизации движения Сопротивления в странах региона. Она не должна быть слишком «жесткой», поскольку специфика развития антифашистской борьбы в странах ЦЮВЕ так велика, что не позволяет создать общую для всех стран схему. Важнейшей методологической посылкой в подходе к периодизации внешних и внутренних факторов его развития рассмотрение движения Сопротивления в странах ЦЮВЕ являлось частью общеевропейского движения Сопротивления, а этого последнего — как части второй мировой войны.

В-третьих, история движения Сопротивления в странах ЦЮВЕ должна рассматриваться в диалектическом единстве с историей народно-демократических и социалистических революций, что, в свою очередь, ставит перед исследователем ряд важнейших вопросов о движущих силах этого процесса, об эволюции позиций отдельных классов и социальных групп в ходе освободительной борьбы, о преодолении налета схематизма и трафаретности при освещении их места в этой борьбе.

Четвертая методологическая посылка: движение Сопротивления при всем его внутреннем многообразии, разнородности и противоречивости следует рассматривать как целостное социально-политическое явление, общенациональное по характеру, представленное различными классовыми и социальными силами — от рабочего класса до отдельных группировок буржуазии. Показ единства и многообразия, а также внутренней противоречивости движения Сопротивления, вы-

явление места и роли каждой из участвовавших в нем сил являются важной задачей историков-марксистов.

Нуждается в уточнении, как отмечали участники встречи, вопрос о коллаборационизме, недостаточно разработанный в советской историографии. Существует определение коллаборациониста как лица, сотрудничавшего с фашистскими захватчиками в оккупированных странах. Но это определение слишком общее и не дает возможности разобраться во всей сложности обстановки того времени, обуславливавшей поведение людей. В. В. Марьина предложила уточненную дефиницию: коллаборационизм — это добровольное сотрудничество с фашистскими оккупантами в целях личной выгоды и укрепления установленного ими режима. Дифференцированный подход ко всем тем, кто сотрудничал с оккупантами, а вынуждена была это делать — в той или иной мере, — значительная часть населения оккупированных стран, поможет объяснить суть коллаборационизма, его границы и критерии, социальную стратификацию.

Более углубленного осмысления требует и вопрос о формах движения Сопротивления. Существующая в советской историографии классификация этих форм как пассивных (низших) и активных (высших) далеко не исчерпывает сложность и многоаспектность проблемы, применительно к конкретным условиям каждой страны, а также к мотивации и действительности той или иной формы.

Участники дискуссии указали на неразработанность вопроса о влиянии на движение Сопротивления советско-германского договора 1939 г., а также о взаимоотношениях между компартиями и Коминтер-

ном, особенно в период с осени 1939 г. до конца 1940 г.

Касаясь проблемы внутренних и внешних факторов антифашистской освободительной борьбы, их влияния на формы послевоенного государственного устройства в странах ЦЮВЕ, д-р ист. наук Н. Д. Смирнова подчеркнула, что определяющую роль в установлении народной власти играли внутренние условия развития той или иной страны, характер намечавшихся или происходивших там социально-политических процессов, классовое размежевание сил на заключительном этапе борьбы за освобождение. Что же касается роли освободительных армий, то на сам процесс становления новой демократической власти вооруженные силы Советского Союза не оказали прямого влияния. Примером может служить развитие событий в Албании, Греции и Югославии, где к моменту освобождения этих стран уже сложились органы народного самоуправления. Причем, Советская Армия не могла осуществить воздействие на эти органы хотя бы потому, что в Албании и Греции ее не было, а в Югославию она вступила на заключительном этапе войны и после выполнения освободительной миссии покинула ее пределы.

Большое внимание участники «круглого стола» уделили освещению проблем движения Сопротивления в историографии стран ЦЮВЕ — польской, югославской, венгерской, болгарской, румынской и греческой (д-р ист. наук В. С. Парсаданова, канд. ист. наук Г. М. Славин, д-р ист. наук Б. Й. Желички, канд. ист. наук Е. Л. Валева, канд. ист. наук Т. А. Покивайлова, канд. ист. наук Ар. А. Улунян, канд. ист. наук И. С. Пимоненко).

Валева Е. Л.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ

17 февраля 1988 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялось заседание отдела истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы с древнейших времен до второй мировой войны. Заседание открыл д-р ист. наук В. Н. Виноградов. В кратком вступительном слове он говорил об И. С. Миллере как о видном ученом, выдающемся слависте, одном из основателей института славяноведения, как о советском патриоте,

с оружием в руках защищавшем Родину в годы Великой Отечественной войны, и человеке большой души.

С докладом о разработке в трудах И. С. Миллера вопроса о комплексных междисциплинарных, а также сравнительно-исторических исследований выступил д-р ист. наук Т. М. Исламов. Он отметил, что двадцать лет назад, когда в состав Института (тогда «славяноведения») вошла большая группа истори-

ков, специалистов по неславянским странам региона, и встал вопрос о перспективах деятельности Института (уже «славяноведения и балкалистики»), И. С. Миллер был в числе наиболее энергичных и инициативных ученых, выступивших за развертывание комплексных и сравнительно-исторических исследований. Этот подход в дальнейшем принес серьезные положительные результаты. В серии «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму», включающей как коллективные труды, так и индивидуальные работы, насчитывается к настоящему времени 20 монографий. Они охватывают широкий спектр исторических, историко-культурных, литературоведческих и языковедческих проблем.

В докладе д-ра ист. наук С. М. Фалькович «Роль И. С. Миллера в разработке проблем польского освободительного движения и российско-польских революционных связей» прослежен творческий путь И. С. Миллера как историка-полониста, особое внимание уделено трудам по истории польского национально-освободительного движения. Сейчас, отметила С. М. Фалькович, созданы более благоприятные, чем прежде, условия для продолжения разработки этой проблематики, имеющей, как считал И. С. Миллер, большое научно-политическое значение. Она подчеркнула, что И. С. Миллер не только прекрасно знал историю Польши, но с глубокой симпатией и уважением относился к польскому народу. На протяжении всей своей жизни он поддерживал тесные научные контакты с польскими историками. Эта линия сотрудничества с польскими учеными продолжается сотрудниками Института и в наше время.

Тематически с докладом С. М. Фалькович было связано и выступление канд. ист. наук Л. А. Обушковой, рассказавшей об истории замысла и начальном этапе работы над коллективной монографией «Польша на путях развития и утверждения капитализма», основным автором проспекта которой был И. С. Миллер. Этот детальный проспект оказался своего рода «научным завещанием» коллективу сектора, и оно было выполнено. Без Ильи Соломоновича была также продолжена и завершена публикация совместной советско-польской фундаментальной серии документов по истории восстания 1863 г., инициатива издания которой — с советской стороны — принадлежала И. С. Миллеру. В связи с выходом пос-

леднего XXV тома в Варшаве в ноябре 1987 г. состоялась юбилейная научная сессия, на которую были приглашены советские историки, принимавшие участие в этой публикации.

В выступлениях д-ра ист. наук И. И. Свириды «Национальное возрождение как историко-культурное понятие» отмечалось, что И. С. Миллеру были свойственны громадная эрудиция и глубокий интерес не только к исторической проблематике, но и к историко-культурной. Различные аспекты исторического процесса рассматривались им в тесной взаимосвязи, с широко понимаемых позиций историзма. Поставленный докладчиком в центр внимания вопрос о трактовке понятий «национальное возрождение», «Просвещение», «просветительство», о соотношении между ними вызвал живой интерес аудитории.

В докладе канд. ист. наук Б. Ф. Стахевса «Литературоведческие работы И. С. Миллера» подчеркивалось значение научной деятельности И. С. Миллера для становления и развития советской литературоведческой полонистики, особенно разработки им проблематики по истории польской общественной мысли. Много сделал И. С. Миллер для изучения и пропаганды польского исторического романа, сыграл важную роль в подготовке коллективного двухтомного труда «История польской литературы», одним из авторов которого он являлся. Как член редколлегии этого издания он принимал активное участие в выработке концепции книги, в обсуждении ее с польскими учеными.

В выступлениях ленинградского историка канд. ист. наук Ю. И. Штакельберга говорилось о методике работы И. С. Миллера в области биографистики. Автор рассказал об «уроке», который в свое время, еще приступая к работе, он получил от И. С. Миллера. Ю. И. Штакельберг высказал опасение за судьбу уникальной картотеки, составленной при подготовке серии «Восстание 1863 года», хранящейся в Институте славяноведения и балканистики, и предложил опубликовать ее материалы, хотя бы в небольшом количестве экземпляров. Он информировал участников заседания о предложении польских историков объединить эту картотеку с картотечной аналогичного характера, составленной в Варшаве.

Выступивший с сообщением на тему «Методика сравнительного изучения общественной мысли (на примере сопоставления идеологии славянофилов и польских консерваторов 40—60-х годов

XIX в.) канд. ист. наук А. И. Миллер говорил о необходимости шире использовать при написании работ страноведческого характера метод системного анализа, что могло бы оказать существенную помощь при подготовке сравнительно-исторических и обобщающих исследований.

Д-р ист. наук А. Ф. Смирнов отметил глубокий вклад И. С. Миллера в разработку проблематики польского националь-

но-освободительного движения и рассказал об истории возникновения лозунга «За нашу и вашу свободу!».

В заключение В. Н. Виноградов отметил плодотворность самого обращения к трудам И. С. Миллера. Размышления, которые они вызывают, дают импульс рождению новых идей, что с успехом показало прошедшее заседание отдела.

Макарова Г.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Cornej P. Tajemství českých kronik: Cesty ke kořenům husitské tradice. Praha, 1987.

Czubiński A. Rewolucja Październikowa w Rosji i ruchy rewolucyjne w Europie lat 1917—1921. Poznań, 1988.

Czepulis-Rastenis R. Ludzie nauki i talentu: Studia o świadomości społecznej inteligencji polskiej w zaborze rosyjskim. Warszawa, 1988, 344 s.

Dejiny Slovenska. VI. (1945—1960). Bratislava, 1988, 549 s.

Dokoupil B. Český historický román. 1945—1965. Praha, 1987, 267 s. V Ogólnopolska konferencja onomastyczna. Poznań, 1988, 303 s.

Gładysz A. Oświata, kultura, nauka w Polsce lat szeszedziesiątych: Wybrane problemy. Warszawa — Kraków, 1987, 239 s.

Havlík L. E. Slovanské státní útvary raného středověku: Polit. postavení, společenská a vládní organizace státních útvarů ve východní, střední a jihovýchodní Evropě d 8. do 11. století. Praha, 1987, 251 s.

Jan Amos Komenský a jeho odkaz dnešku. Praha, 1987, 179 s.

Jan Hus und die Hussiten in europäischen Aspekten. Trier, 1987.

Korošić M. Jugoslavenska kriza. Zagreb, 1988, 355 s.

Kotvan I., Frimmová E. Inkunábuly slovenskej národnej knižnice Matice Slovenskej v Martine. Martin, 1988, 262 s.

Kula W. Wokół historii. Warszawa, 1988, 576 s.

Kuzmík J. Knižná kultúra na Slovensku v stredoveku a Renesancii, Martin, 1987, 233 s.

Labuda G. Studia nad początkami państwa polskiego. T. II. Poznań, 1988, 567 s.

Lewaszkiewicz T. Słowotwórstwo apelatywnych nazw miejsc w języku górnołużyckim. Wrocław etc., 1988, 290 s.

Między Polską etniczną a historyczną. Wrocław etc., 1988, 285 s.

Nawrocki W. Szkice czeskie i słowackie: Z problematyki współczesnej literatury czeskiej i słowackiej oraz jej recepcji w Polsce w latach 1944—1984. Kraków, 1988, 320 s.

Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1972—1981/Pod red. Tekiel D. Cz. 1. A — O. Wrocław etc., 1988, 197 s.

Opat J. Filozof a politik — Tomáš Garrigue Masaryk. 1882—1893: (Příspěvek k životopisu). Praha, 1987, 550 s.

Piskor S. O tożsamości polskiej. Kraków, 1988. 260 s.

Selimović M. Za i protiv Vuka. Studija. Beograd, 1987.

Sinko T. Antyk w literaturze polskiej: Prace komparatystyczne. Warszawa, 1988, 545 s.

Slavníkovci ve středověkém písemnictví. Přípr. Nový R., Sláma J., Zachová J. Praha, 1987, 472 s.

Sowiński J. Polskie drukarstwo. Wrocław etc., 1988. 327 s.

Studia linguistica Polono-Slovaca. T. I. Zesp. red. Rymut K. et al. Wrocław etc., 1988, 224 s.

Studia z polskiej leksykografii współczesnej. T. 2. Białyłstok, 1987, 379 s.

Trubetzkoy N. S. Opera slavica minora linguistica. Wien, 1988, 344 S.

Varsik B. Otázky vzniku a vývinu slovenského zemanstva. Bratislava, 1988.

Z polskich studiów slawistycznych. Literaturoznawstwo, folklorystyka, problematyka historyczna. Prace na X Międzynarodowy Kongres Slawistów w Sofii 1988. Warszawa, 1988, 621 s.

CONTENTS

SCIENCE IN THE PATH OF RENEWAL

XIX All-Union Conference of the CPSU and problems of sociology. <i>Stankov N. N.</i> Towards the history of new type relations between Czechoslovakia and GDR. <i>Buxanov V. A.</i> «Imperial fortress of Belgrade». German plans of colonization of South-Eastern Europe (1939—1941). <i>Zajcev V. V.</i> Russian-Serbian relations in the end of 1880 s. <i>Vasilenko V. N.</i> New data on life and work of Boleslaw Leśmian. <i>Voločkaja Z. M.</i> Notes on Slavic riddles with occasional nominations	3
---	---

X INTERNATIONAL CONGRESS OF SLAVISTS, SOFIA, SEPTEMBER 14—22, 1988

Participants' notes	65
-------------------------------	----

MEMOIR

<i>Bernštejn S. B.</i> A tragic page in the history of Slavic philology (1930s) . . .	77
---	----

COMMUNICATIONS

<i>Kiškin L. S.</i> Study of Slovakian-Russian literary connections in Slovakia	83
---	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Lapleva L. P.</i> И. В. Чуркина. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в.— 1914 г. <i>Pop I. I.</i> I. Ванат. Нариси новітньої історії українців східної Словаччини. Кн. I, 1918—1938. Кн. II (вересень 1938 р.— лютий 1948 р.). <i>Medvedeva O. F.</i> Sielicki. Klasycy dziewiętnastowiecznej prozy rosyjskiej w Polsce międzywojennej. <i>Osipova M. A.</i> N. Mieczkowska. Denominalne derywaty czasownikowe o formantach prefiksarno-sufiksalnych w języku polskim i stowackim (studium kontrastywne). <i>Ciovan T. V.</i> Sprachen und Nationen im Balkanraum. Die historiochen Bedingungen der Entstehung der heutigen Nationalsprachen	90
---	----

NOTES OF BOOKS

<i>Meshersky N. A.</i> Кприло-Методиевска енциклопедия. Т. I. А—З. <i>Naumov Je.</i> Друштво i privreda srednjovjekovne Bosanske države (Prilozi za istoriju Bosne i Hercegovine, I). <i>Labyncev Ju.</i> Немировски Е. Л. Октоик првогласник Бурпа Црнојевића из 1494.	
<i>Prokofjeva D. S.</i> Dramat polski XIX i XX wieku. Interpretacje i analizy .	101

SCIENTIFIC LIFE

<i>Gusev W.</i> International Colloquium in Memoriam of Vuk Karadzich. <i>Valeva Je. L.</i> Symposium about problems of Resistance movement in the Pays of Central and South-Eastern Europe. <i>Makarova Je. A.</i> The continuation of the tradition.	
--	--

Технический редактор *Е. В. Силицына*

Сдано в набор 11.10.83	Подписано к печати 15.12.88 А-0.983	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}	
Высокая печать	Усл. печ. л. 9,8	Усл. кр.-отг. 12,2 Уч.-изд. л. 11,3	Бум. л. 3,5
	Тираж 1205 экз.	Зак. 2114	

Орлена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
Л-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Ж 17

Б ОРДИНКА Д 34/38-40

ТОЛСТОМУ И И

70891

Цена 1 р. 20 к.

Индекс 70891

0

Вниманию читателей

В апреле 1989 года выйдет в свет первый номер еженедельника

«НАУКА И ВЫСШАЯ ШКОЛА»

— издание Академии наук СССР, Государственного комитета СССР по народному образованию и ЦК профсоюза работников народного образования и науки. Выпуск газеты будет осуществлять издательство «Наука».

На страницах еженедельника найдет отражение разнообразие деятельности советских и зарубежных ученых, демократизация жизни высшей школы и самоуправление студентов, неизвестные документы по истории науки и техники. Кроме репортажей, интервью, корреспонденций, обзоров будет публиковаться реклама советской и зарубежной научной продукции. При редакции создан совет по научно-фантастической литературе. Газета адресована широкому кругу читателей.

Подписка проводится до 15 февраля 1989 г. Индекс 50095.

Цена одного экземпляра 5 коп. Подписная цена на 1 месяц 22 коп., на 3 месяца 66 коп., на полгода 1 р. 32 к., на год 2 р. 64 к.

Подписка на 1989—1990 годы принимается на всей территории Советского Союза в отделениях связи, городскими и сельскими почтальонами, предприятиями по распространению печати, а также в специально выделенных киосках и магазинах «Союзпечать».